

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
А.М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара:
С.А. Марзан

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмах (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Л.Р. Цігарэнка
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2017

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 13.01.2017 № 6) часопіс
«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія.
Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі
Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Можейко М.А. Трактоўка сацыяльнай традыцыі в постмодэрнізме: феномен постісторыі.....	5
Лепешко Б.М. Возможна ли «логіка адкрыцця»?	14
Романов О.А. Восточнославянская цивилизация в творчестве русских мыслителей первой половины XX в.: прогностический аспект.....	20
Люкевіч У.П. Тэарэтыка-культуралагічныя падставы ведаў навукі пра спорт: рэтраспекцыя XX ст.....	31
Мацевіч М.Я. «Профанация» как «экология человека» в решении социальных проблем.....	39
Лагуновская Е.А. Социально-философская интерпретация ценностей христианства: историография проблемы.....	45
Габинская А.А. Философия профессиональной деятельности педагога как проблема современного образования	54
Столяров Д.В. Двойные стандарты и гендерные стереотипы как взаимообусловленные явления современных обществ.....	62
Дубравина А.М. Классификация социальных иллюзий в трудах философов XX – начала XXI в.	70
Каскенов П.П. Трансформация духовно-нравственных оснований социума в условиях информатизации: характер и направленность	78

ПАЛІТАЛОГІЯ

Северин Э.Н. Институционализация прав человека в Республике Беларусь.....	83
Белявцева Д.В. Моделирование в региональных политических исследованиях	91
Зенченко С.В. Государственная миграционная политика и национальная безопасность: политологический анализ белорусского опыта.....	98
Венідзіктаў С.В. Грамадскае вяршанне ў медыяпрасторы Еўразійскага эканамічнага саюза.....	106
Шендик Т.А. Общественно-политические организации как политические посредники между государством и гражданским обществом	113

САЦЫЯЛОГІЯ

Лысюк А.И., Соколовская М.Г. Перспективы развития велосипедного движения в городе Бресте и Брестской области: социологический анализ	119
Цыбульская Н.В. Особенности социальной активности студенческой молодежи: социологический аспект	126
Кавецкий С.Т. Углубление неравенства – глобальное противоречие нового мироустройства	133
Посталовский А.В. Сегментизация телевизионного пространства в условиях медиаконвергенции национального информационного поля.....	139
Щербинин С.Н. Критерии принятия управленческого решения как основа для определения модели выбора	146
Гринкевич О.В. Концептуализация понятия «будущее» в социологических теориях	153

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief:

S.A. Marzan

International Board:

M.M. Gromau (Russia)

A.N. Kruglashou (Ukraine)

Edvard Yarmakch (Poland)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

P.A. Vadapyanau

V.M. Vatyl

A.N. Grygarovich

C.S. Kirvel

P.P. Krus

B.M. Lyapeshka

S.V. Rashednikau

D.G. Rotman

E.Y. Skakun

V.A. Stepanovich

L.R. Tsitarenka

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-72-07

e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2017

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 № 94 (as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from January 13, 2017 № 6) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical, political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Mojeiko M.A. Interpretation of Social Tradition in Postmodernism: the Phenomenon of Post-History	5
Lepeshko B.M. Is the «Logic of Discovery» Possible?	14
Romanov O.A. The East Slavonic Civilization in Works of Russian Thinkers of the First Part of the XX Century: Prognostic Aspect.....	20
Lukievich U.P. Theoretical and Cultural Foundations of Science Knowledge about the Sport: the Retrospectives of the Twentieth Century	31
Matsevich M.J. «Profanation» as «Human Ecology» in Solving Social Problems	39
Lahunouskaya A.A. Socio-Philosophical Interpretation of the Values of Christianity: Historiography of the Problem.....	45
Habinskaya A.A. The Philosophy of Professional Activity of the Teacher as a Problem of Modern Education.....	54
Stolyarov D.V. Double Standards and Gender Stereotypes as Mutual-Determined Phenomena of Contemporary Societies.....	62
Dubravina A.M. The Classification of Social Illusions in the Works of Philosophers of XX–XXI Centuries.....	70
Kaskenau P.P. Transformation of Spiritual and Moral Foundations of the Sotium in the Conditions of Informatization: Nature and Direction	78

POLITOLOGY

Severin E.N. Institutionalization of Human Rights in the Republic of Belarus	83
Belyavtseva D.V. Modelling in Regional Political Researchers	91
Zenchenko S.V. State Migration Policy and National Security: Political Analysis of the Belarusian Experience ...	98
Venidziktai S.V. Public Broadcasting in the Media Space of the Eurasian Economic Union.....	106
Shendik T.A. Socio-Political Organizations as Political Mediators between the State and the Civil Society	113

SOCIOLOGY

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Perspectives of Development of Bicycle Movement in Brest and Brest Region: Sociological Analysis	119
Tsybul'skaya N.V. Features Social Activity of Student Youth: Sociological Aspect.....	126
Kavetski S.T. Increase in Inequality – Global Conflict of the New World Order	133
Postalovsky A.V. Segmentation of Television Space in Conditions of Media Convergence of the National Information Field	139
Shcherbinin S.N. Management Decision-Making Criteria as a Basis for Determining Decision-Making Model...	146
Hrynkevich V.H. Conceptualization of the Concept of «Future» in Sociological Theories.....	153

ФІЛАСОФІЯ

УДК 101.1:7.038.6-028.78

М.А. Можейко

*д-р филос. наук, проф., зав. каф. философии и методологии гуманитарных наук
Белорусского государственного университета культуры и искусств
e-mail: marina-mojeiko@yandex.by*

ТРАКТОВКА СОЦИАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ: ФЕНОМЕН ПОСТИСТОРИИ

*Статья посвящена анализу трансформаций, которые характеризуют осмысление феномена традиции в постмодернистском контексте. Рассматриваются такие характерные для постмодернизма явления, как принцип «мертвой руки», презумпция *deja vi*, переосмысление дисциплинарной истории в нарративном ключе. Особое внимание уделено понятию постистории (истории после времени), которое определяет постмодернистское понимание исторического процесса.*

Феномен традиции в постмодернистском контексте: принцип «мертвой руки»

Базисные положения постмодернистской философской парадигмы предполагают подчеркнутое дистанцирование от предшествующей историко-философской традиции.

Ж.-Ф. Лиотар определяет допостмодернистскую культуру как культуру «больших нарративов» («метанарративов»), т.е. определенных социокультурных доминант, своего рода властных установок, задающих легитимацию того или иного (но обязательно одного) типа рациональности и языка. К метанарративам Ж.-Ф. Лиотар относит ново-европейские идеи эмансипации и социального прогресса, гегелевскую диалектику духа, просветительскую трактовку знания как инструмента разрешения любых проблем и т.п. Именно на основании «дискурса легитимации» в той или иной конкретной традиции оформляются, по Ж.-Ф. Лиотару, «большие нарративы» («великие повествования»), задающие своего рода семантическую рамку любых нарративных практик в контексте данной культуры [12, с. 140–158].

Ф. Джеймисон в аналогичном контексте говорит о «доминантном повествовании», или «доминантном коде», (как «эпистемологических категориях»), которые функционируют в соответствующей традиции как имплицитная и нерелексируемая система координат, парадигмальная матрица, внутри которой «коллективное сознание» в рамках данного кода моделирует в социально символических актах «культурно опосредованные артефакты» [8, с. 118–137].

В противоположность этому культура эпохи постмодерна программно ориентирована на семантическую «открытость существования» (Ж. Батай), реализуемую посредством «поиска нестабильностей» (Ж.-Ф. Лиотар), «ликвидацией принципа идентичности» (П. Клоссовски), т.е. парадигмальным отсутствием стабильности.

На основе идей Ю. Хабермаса и М. Фуко о легитимации как механизме придания знанию статуса ортодоксии Ж.-Ф. Лиотар формулирует идею «заката больших нарративов» – парадигмальное положение постмодернистской философии, заключающееся в отказе от фиксации приоритетных форм описания и объяснения наряду с конституированием идеала организации знания в качестве переменного [12, с. 140–158]. Это не допускает возможности не только наследования какой-либо традиции, но и конституирования феномена традиции как таковой – отношение культуры постмодерна к феномену традиции в целом выстраивается в качестве тотального отрицания самой ее возможности.

Это эксплицитно формулируется в важнейшем конститутивном принципе постмодернистской философии – принципе «мертвой руки». Данный принцип сформулирован Х. Брук-Роуз на основе имплантации в философский понятийный аппарат правовой

терминологии (в юридической практике фигура «мертвой руки» означает владение без права передачи по наследству).

В рамках постмодернистской интерпретации культурная среда обретает децентрированный характер: дискурс легитимации в этой системе отсчета уступает место дискурсивному плюрализму, в контексте которого любой вариант культурного предпочтения утрачивает статус приоритетного. По оценке Х. Брук-Роуз, все наши представления о реальности оказались производными от наших же многочисленных систем репрезентации [18, с. 184–196]. В этом контексте и вступает в силу принцип «мертвой руки»; постмодерн осуществляет радикальный отказ от самой идеи традиции: ни одна из возможных форм рациональности (Дж. О’Нийл), ни одна этическая система (Д. Мак-Кенс), ни одна языковая игра (К.-О. Апель), ни одна религиозная доктрина (Г. Кюнг) и т.д. не могут конституироваться в качестве приоритетной, не говоря уже о нормативной и тем более единственно легитимной.

Коллаж превращается в постмодернизме из частного приема художественной техники в универсальный принцип построения культуры, и в качестве единственной традиции культуры постмодерна, может быть зафиксирована своего рода традиция отказа от традиции.

Презумпция *deja vu*: жизнь на берегу «текущей мимо» реки

Возникший в свое время в модернистском искусстве прием *deja vu* (фр. «уже видел») был основан на предполагаемой ассоциативной связи некоторого феномена с феноменом, имевшим место в прошлом (классическим образцом *deja vu* в кинематографии, например, считается повтор в силуэте ночных небоскребов силуэта горного массива в «Кинг-Конге»). В постмодернизме фигура *deja vu* обретает статус программной установки на переживание наличного культурного состояния в качестве исключаящего какую бы то ни было претензию на новизну (в терминологии Ж. Деррида – принцип «всегда уже»).

По вопросу оценки прошлого, таким образом, постмодернизм аксиологически оппозиционен модернизму. Последний артикулирует себя как авангардизм и решительно отсекает саму идею не только детерминационной, но какой бы то ни было связи с прошлым. Негативное отношение к классике демонстрируют программные концепции практически всех направлений модернизма: в диапазоне от простого неприятия традиций в экспрессионизме и кубизме до агрессивно-эпатажных форм борьбы с традициями в футуризме, дадаизме, искусстве *pop-art*. Типичной в этом отношении является эстетическая концепция дадаизма, чьи манифесты провозглашают: «Дада – это революция и отсутствие начала» (Х. Балль); «Дадаизм не противостоит жизни эстетически, но рвет на части все понятия этики, культуры и внутренней жизни» (Р. Хюльзенбек) и т.д. [2, с. 317; 16, с. 118–119]. Таким образом, согласно оценке У. Эко, «авангардизм... пытается рассчитаться с прошлым. ...Авангард разрушает прошлое» [17, с. 227].

В отличие от модернизма постмодернизм не борется с традицией, полагая, что в основе этой борьбы лежит имплицитная презумпция признания власти традиций. Он поступает гораздо более радикально, отрицая саму возможность конституирования традиции как таковой. В основе постмодернистского видения мира лежит эксплицитная констатация того обстоятельства, что *все уже было*: было в смысле онтологической событийности (знаменитое «ничто не ново под луной» в новой аранжировке), было в смысле спекулятивном (*обо всем уже сказано*), было, наконец, в смысле программно-методологическом (*обо всем не только сказано, но – после модернистских инновационных изысков – сказано всеми возможными способами*). По саркастическому замечанию Г. Гросса, «у неоклассиков есть только “Три яблока” Сезанна, которыми – видит Бог – уже питались все предшествующие поколения».

Итак, постмодерн, по собственной оценке, попадает «под власть прошлого»: «прошлое ставит нам условия, не отпускает, шантажирует нас» [17 с. 224–229]. Пре-

зумпция *deja vu* в культурной ситуации постмодерна обретает не только универсальный, но и парадигмальный статус. И если в модернизме это означало бы тупик, ибо под вопрос была бы поставлена сама возможность творчества, чьим неперемным условием были новаторство и оригинальность (ср. у В. Полякова: «Песни спеты, перепеты – / Сердце бедное, молчи...»), то для постмодернизма здесь открывается радикально иная перспектива. Позитивный потенциал постмодерна как раз и заключается в конструировании им способа бытия в условиях культурно-символической вторичности, невозможности сказать то, что еще не было сказано (процесс творчества как перманентное стелкивание автора с ситуацией *deja vu* зафиксирован уже у Х.Л. Борхеса: «Взялся переделывать... Посещало странное чувство, что все это уже было»). Способ этот заключается в программном признании того факта, что новация в традиционном ее понимании в принципе невозможна, однако само это признание своей неоригинальности, фундированное тотальной иронией, может стать базисом и актом творчества. Как пишет У. Эко, «ответ постмодернизма модернизму состоит в признании прошлого: раз его нельзя разрушить... его нужно пересмотреть – иронично, без наивности» [17, с. 228].

Применительно к социально-историческому контексту это означает, что, по выражению М. Бланшо, «мы в большей или меньшей степени живем под знаком завершенной истории, уже на берегу текущей мимо реки» [4, с. 68].

«После времени»: переписывая историю заново

Традиционный концепт «история» (в классическом смысле этого слова, предполагающем наличие онтологической событийной процессуальности) сменяется в постмодернизме понятием постистории, задающим новое видение социальных процессов, которое фундировано: 1) отказом от линейного видения социальной динамики; 2) отказом от идеи имманентной логики истории, ее «латентного смысла» (Ж. Деррида); 3) отказом от идеи референции, предполагающим в данном контексте наличие самодостаточной социальной реальности; 4) отказом от возможности новизны.

Термин «постистория» был введен А. Геленом; в собственно постмодернистском смысле («преодоление истории как преодоление историцизма») использован Дж. Ватимо в 1991 г. в работе «Конец современности».

Если при переходе от традиционной культуры к классической происходит отказ от циклической модели времени в пользу линейной, то переход к культуре постмодерна знаменуется отказом философии от линейной концепции времени: по Ж. Бодрийяру, «история – это наш утраченный референт».

Понимание истории как линейного разворачивания событийности из прошлого в будущее, предполагающее усмотрение в последовательности событий однозначной причинной связи и вытекающей из этого возможности одного (так называемого правильного) прочтения события, сменяются в постмодернизме установкой на интерпретационную плюральность истории. Как пишет Ж. Бодрийяр, «история была могучим мифом... который поддерживал одновременно возможность “объективной” связности причин и событий и возможность нарративной (от *narration* – рассказываю. – М. М.) связности дискурса» [6, с. 40]. Постмодернистское же видение социальной процессуальности принципиально нелинейно: по оценке Ж. Деррида, «чему... не следует доверять, так это метафизическому концепту истории», который «привязан не только к линейности, но и ко всей системе импликаций (телеология, эсхатология... известный концепт преемственности, истины и т.д.)» [7, с. 102].

Важнейшим основанием введения концепта «постистория» выступает для постмодернистской философии презумпция «конца истории», получающая в постмодерне наряду с традиционными оптимистической (Ф. Фукуяма) и пессимистической (С. Хантингтон) аранжировками и новую свою артикуляцию. Речь идет именно об отказе от линейного осознания времени, предполагающего понятия минувшего и грядущего, и от основанного на нем линейного прочтения истории как необратимо развернутой

из прошлого через настоящее в будущее. Ж.-Ф. Лиотар констатирует «упадок того доверия, которое западный человек на протяжении последних двух столетий питал к принципу всеобщего прогресса человечества» [11, с. 57–58].

Постмодерн осознает себя как пост-современность, процессуальность которой разворачивается «после времени»: по оценке А. Кожева, «как бы то ни было – История закончена» [10, с. 312]. Разворачивая процессуальность своего бытия в ситуации «постистории», современность тем самым «переписывает время», разворачивая линейный вектор истории и ломая его.

From History to Story: историк как «рассказчик»

Сосуществование в едином пространстве постмодернистской культуры взаимоисключающих сколов различных культурных традиций порождает «невозможность единого зеркала мира», не допускающую, по мнению К. Лемерта, формирования такой картины социальности, которая могла бы претендовать на статус универсальной модели истории [20]. В общем контексте «постметафизического мышления» Б. Мак-Халл формулирует принцип «запрета на метафизику (unlicensed metaphysics)» [21].

В этом контексте событие определяется М. Фуко, Ж. Делезом, Ф. Гваттари как феномен, обладающий особым статусом – статусом «эффекта». Смысл события трактуется не как фундированный «онтологией» исторического процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии и имманентно связанный с интерпретацией. В допостмодернистской философии истории оценочные акценты расставлялись иначе: например, в трактовке М. Блока, история, прозябавшая «в эмбриональной форме повествования», не могла претендовать на статус «серьезного аналитического занятия» [5, с. 11]. Однако уже Х. Аренд, отталкиваясь от того факта, что в античности под «героем» понимался свободный участник Троянской войны, о котором мог быть рассказан рассказ (история), отмечала: «То, что каждая индивидуальная жизнь между рождением и смертью может... быть рассказана как история с началом и концом, есть... доисторическое условие истории (history), великой истории (story) без начала и конца» [1, с. 136].

Ориентация на «повествовательные стратегии» в их бесконечной плюральности оценивается постмодернистскими авторами (Д.В. Фоккема, Д. Хейман и др.) как основополагающая для современной культуры, что может быть оценено как усиление в современной философии истории позиций историцизма, строящего свою методологию на презумпции неповторимой уникальности каждого события, чья самобытность не может быть – без разрушающих искажений – передана посредством всеобщей дедуктивной схемы истории. И как событие не возводится историком в поисках его смысла к некой общей, изначальной, проявляющейся в каждом событии закономерности, так и рассказ о событии не возводится к исходному, глубинному, объективно наличному смыслу этого события – смысл рассказа, напротив, понимается как обретаемый в процессе наррации, т.е. мыслится как лишенный какого бы то ни было онтологического обеспечения и возникающий в акте сугубо субъективного усилия рассказчика.

Это означает, что история как теоретическая дисциплина конституируется в постмодернизме в качестве нарративной (А.Дж. Тойнби, П. Рикёр и др.). История как таковая может мыслиться в пространстве постмодернистской философии не иначе, как в качестве «формы словесного дискурса», жанрово варьирующейся в диапазоне от «романса» и «трагедии» до «комедии» и «сатиры» (Х. Уайт). А историография в этом контексте может быть конституирована лишь в качестве нарратологии – теории рассказа.

Итак, рефлексия над прошлым – это для постмодернизма лишь рассказ, организованный извне, посредством внесенного рассказчиком сюжета. Центральным моментом этой процедуры является финал, завершение повествования. Собственно, нарратор и выступает прежде всего как носитель знания о предстоящем финале истории, и лишь в силу этого обстоятельства он и может являться рассказчиком, принципиально отли-

чаясь от другога суб'екта нарратыва – яго «героя», который, находясь в центре событий, тем не менее лишен знания тенденции их развития и перспектив завершения.

Данная идея – типичная уже для предварающих постмодернистскую философию авторов. Так, Р. Ингарден понимает «конец повествования» в качестве именно того фактора, который задает простой хронологической последовательности событий семантическую значимость: лишь завершенная история обретает свой смысл. Процессуальность рассказа мыслится Р. Ингарденом как разворачивающаяся в контексте («в свете») своей детерминированности со стороны «последней» («кульминационной») фразы повествования [9, с. 30]. Согласно Х. Арэнд, специфика исторического события как предмета рассказа заключается в том, что оно обретает смысл только ретроспективно: «В отличие от производства, где свет, в котором следует судить о закономерном продукте, задается образом или моделью, ранее воспринятой глазом ремесленника, свет, который освещает... все исторические процессы, возникает только в их конце, часто когда все участники мертвы» [1, с. 140].

В рамках постмодернистской концепции истории (Дж. Каллер, А. Карр, Ф. Кермоуд и др.) фундаментальной становится идея основополагающего значения финала для конституирования нарратива как такового. Именно наличие определенного «завершения», изначально известного рассказчику, создает своего рода поле тяготения, приводящее все сюжетные векторы к одному семантическому фокусу. В рамках подобной установки будущее (в качестве финала нарратива) фактически выступает аналогом того, что в синергетике называется аттрактором (от лат. *attractio* – притягиваю), т.е. тем будущим состоянием системы, которое определяет тенденции ее настоящего.

В русле общего критического отношения постмодернизма к любым попыткам создания онтологии, социальная концепция постмодернизма (З. Бауман, С. Бест, Дж. Ватимо, Р. Виллиамс, Д. Келлер, Д. Лион, Б. Смарт) постулирует программный отказ от попыток создания единой и исчерпывающей картины социальной реальности, практически постулируя несостоятельность концептов «история» и «общество» как претендующих на фиксацию внеположенной дискурсивным практикам событийности.

«Переоткрытие времени»: отказ от линейной модели истории

Согласно постмодернистскому видению современности, «мы обитаем... скорее в синхронном, чем в диахронном» мире (Ф. Джеймисон). Перманентное настоящее культуры постмодерна принципиально нелинейно: современная культура описывается Ж.-Ф. Лиотаром как «монстр, образуемый переплетением различных сетей разнородных классов высказываний. ...Нет никакого основания полагать, что возможно определить метапредложения, общие для всех этих языковых игр, или что временный консенсус... может охватить... всю совокупность высказываний, циркулирующих в человеческом коллективе» [12, с. 157].

В контексте сказанного концепция постистории резко оппозиционна метафизике как совмещающей в себе все характерные для линейного детерминизма посылки: по оценке М. Фуко, «помещая настоящее в происхождение, метафизика заставляет поверить в тайную работу предназначения, которое стремилось бы прорваться наружу с самого начала». Базовой презумпцией постмодернистской концепции постистории выступает, таким образом, отказ от фундировавшего западную философскую традицию логоцентризма. В качестве предметом своего интереса М. Фуко постулирует «не столько предусмотрительное могущество смысла, сколько случайную игру доминаций», и если линейной версией истории создана особая «Вселенная правил, предназначенная... для того, чтобы утолить жажду насилия», своего рода интерпретативного своеволия в отношении спонтанной событийности, то, согласно постмодернизму, «грандиозная игра истории – вот кому подчиняются правила». Моделируемый философией постмодернизма событийный процесс подчинен детерминизму принципиально нелинейного типа: как пишет М. Фуко, «мир – такой, каким мы его знаем, – в итоге не является про-

стой фигурой, где все события стерты для того, чтобы прорисовались постепенно существенные черты, конечный смысл, первая и последняя необходимость, но, напротив, – это мириады переплетающихся событий...» [15, с. 89].

Подобно «переоткрытию времени» современным естествознанием, вводящим презумпцию темпоральности в самое содержание когнитивных процедур*, переосмысление феномена темпоральности осуществлено и в философии постмодернизма. Безусловно, его очевидная гуманитарная ориентация предполагает изначальное включение идеи темпоральности в его фундаментальные основания. Поэтому эксплицитно выраженный и программно артикулированный новаторский пафос постмодернизма направлен как раз на включение в сферу рассмотрения гуманитаристики феномена пространства (концепции плоскости, складки и т.п.). Как пишет Ф. Джеймисон, наличная «дихронность» современности – причина того, что «в нашей повседневной жизни, нашем психологическом опыте, наших культурных языках сегодня доминируют скорее категории пространства, чем времени, как это было в предшествующий период модернизма» [8, с. 130]. Тем не менее несколько моментов обращают на себя внимание. Прежде всего, постмодернизм преемственно продолжает не художественную традицию модернизма (с ее программным отказом от идеи прошлого, от идеи преемственности, а вместе с этим и от идеи времени как такового), но традицию неклассической философии, глубинным образом ориентированной на осмысление феномена времени. «Переоткрытие времени», совершенное в неклассическом естествознании синергетикой, в неклассической философии было осуществлено М. Хайдеггером, показавшим, что глубинная проблематика всякой онтологии коренится в феномене Времени. Содержательно «Бытие и Время» М. Хайдеггера (конституирование События как введение Времени в Бытие) есть не что иное, как поворот философского мышления «от бытия к становлению» (в пригожинской терминологии).

Именно в рамках этой традиции постмодернизм впитывает в свое содержание наряду с хайдеггеровской идеей «поэтического мышления», обретающей в постмодернистском концептуальном пространстве статус универсальности (Д. Халибуртон), и презумпцию времени. По собственному признанию Ж. Деррида, его концепция была бы в принципе невозможна «без внимания к тому, что М. Хайдеггер называет разницей между бытием и сущим» [7, с. 19–20]. Собственно, неклассическая философия и отличается, по оценке А. Турена, тем, что современность мыслится как эпоха радикального отказа от самой идеи общества как некой вневременной константы и замены ее идеей «перманентной социальной трансформации», фундированной презумпциями транзитивности и темпоральности [23, с. 28]. Практически вся неклассическая философия имманентно включает в себя проблематику времени, и для тех авторов, которые выступили по отношению к постмодернизму в качестве предтеч, это особенно характерно. Например, по оценке П. Рикера, для Х. Аренд, моделировавшей «нетоталитарную вселенную» (не только в узко политическом смысле, но и в широком смысле отказа от принудительной каузальности), «наиболее отвечающим новому исследованию критерием была оценка различных человеческих активностей с точки зрения их продолжительности во времени» [22, с. 198]. Важнейшую конституирующую роль играет фактор времени в сартровских аналитиках субъективности, оказавших серьезное влияние на постмо-

---

* Термин «переоткрытие времени» предложен И. Пригожиным в контексте синергетической модели времени как процессуальной конструкции. Именно факт «переоткрытия времени» синергетика фиксирует в качестве важнейшего результата своих исследовательских усилий (И. Пригожин, Б. Мизра, Г. Николс). Синергетические исследования (М. Маркус, Б. Мизра, Д.Н. Паркс, Дж. Трифт, Б. Хесс, С. Хокинс) показали, что фактор времени оказывается содержательно значимым и в плане специфики образующихся в ходе самоорганизации системы макроструктур. Синергетика зафиксировала такие явления, как «память химической реакции» (А. Баблюнц), выявила, что «у биологических систем есть прошлое», сформулировала интегральный тезис о том, что «материя как объект современных физических законов не есть данность, но продукт истории» (И. Пригожин, И. Стенгерс).

дернистское истолкование проблемы субъекта. Так, Сартр отмечал: «Время – это... связь, и Я имеет временной характер даже в самом своем бытии. Это значит, что Я не просто не боится времени, оно нуждается в нем для самоосуществления» [14, с. 27–28].

Что же касается непосредственно философии постмодернизма, то проблема времени конституируется ею непосредственно в контексте теоретических моделей самоорганизационных процессов. Так, в рамках номадологического проекта Ж. Делеза и Ф. Гваттари в качестве одного из центральных формулируется вопрос: «Не дан ли тут уже способ иного прочтения времени» [19]. Аналогично в «генеалогии» М. Фуко ставится цель «превратить историю в противоположность памяти, и, как следствие, развернуть в ней иную форму времени». Речь идет именно об отказе от линейного осознания времени, предполагающего понятия минувшего и грядущего, и от основанного на нем линейного прочтения истории как необратимо развернутой из прошлого через настоящее в будущее. Таким – парадоксальным – образом постмодернистская презумпция «конца истории» обретает смысл переоткрытия времени.

В общем контексте ориентации современной культуры на идею нелинейности трактовка времени в постмодернизме педалирует именно те его аспекты, которые выступают центральными и для синергетики. Прежде всего речь идет об идее необратимости времени. Если для синергетической парадигмы идея необратимости времени выступает в качестве фундаментальной, то и постмодернизм – например, применительно к текстовому анализу (Р. Барт) – формулирует «принцип необратимости», согласно которому фабульное построение нарратива (сюжетный «код загадки», ведущий фабулу «от вопроса к ответу») задает фундаментальную и неизбежную «необратимость рассказа» [3, с. 460]. Как базисная для постмодернизма презумпция интертекстуальности, так и более частные (авторские) концептуальные фигуры («след», «отсрочка» и «замещение» у Ж. Деррида, «память знака» у Р. Барта и т.п.) фактически фиксируют ту же идею зависимости наличного состояния системы от специфики протекания ее предшествующей эволюции, что и столь значимые для синергетики фигуры «памяти химической реакции» или «обретения системой прошлого». В контексте программного для постмодернизма интертекстуального стиля, который М. Морриссеттом был обозначен как «цитатное письмо», текст обретает смысл лишь в том плане, что отсылает к иным (уже известным, принадлежащим прошлому) текстам и смыслам. Текстовая семантика фундаментально зависит от происхождения (как литературного, так и общекультурного) каждой из слагающих ее цитат, от истории всех ее предшествующих контекстов, от сложившейся в отношении ее интерпретационной традиции – т.е. от того, что на языке синергетики именуется «предысторией системы».

Постмодернистские формулировки иногда непосредственно совпадают в данном аспекте с используемыми синергетикой, как совпадают подчас даже названия базовых концептуальных работ (I. Prigogine. «From Being to Becoming» – в синергетике, J.-F. Lyotard, J.-L. Thebaud «Just Coming» – в постмодернизме). Ю.М. Лотман пишет о тексте: «Обнаруживая способность конденсировать информацию, он (текст. – М. М.) приобретает память» [13, с. 131]. Семиозис текста предполагает наличие в нем множества различных кодов, которые Р. Барт обозначает как «определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного; код есть конкретная форма этого “уже”, конституирующего всякое письмо» [3, с. 456]. В свою очередь, каждый конкретный знак являет собой продукт определенного семиотического процесса, что не только не является безразличным для его настоящего функционирования, но и определяет его специфику посредством того, что Р. Барт называет «памятью знака». Аналогично у Ж. Деррида структурирование текста «неотделимо от *временения-овременивания*» [7, с. 146].

Феномены времени и смысла в контексте постмодернистской философской парадигмы оказываются теснейшим образом связанными, причем эта связь выступает как содержательная и двусторонняя. С одной стороны, как это показано Ю. Кристевой, смысл обретает свою определенность именно в контексте темпоральности (известная конъюнк-

ция Кристевой «время и смысл»), с другой – процедуры смыслопорождения не являются безразличными для осуществления процессуальности времени. Так, по наблюдению Ж.-Ф. Лиотара, важнейшим «аспектом нарративного знания, заслуживающим внимательного рассмотрения, является его воздействие на время. Нарративная форма подчиняется ритму, она является синтезом метра, разрывающего время на равные периоды, и акцента, который изменяет долготу и интенсивность некоторых из них» [12, с. 148].

Время, таким образом, так же как и в синергетике, мыслится в постмодернизме в качестве конструкции. (Небезынтересно, что именно эта дескрипция времени встречается и у П. Валери, к анализу творчества которого охотно обращается постмодернистская рефлексия.) Таким образом, высказанный в свое время А.Н. Уайтхедом тезис о том, что «выяснение смысла высказывания “все течет” снова есть одна из главнейших задач» [24, с. 240–241], обретает ныне новый пафос, выступая равно актуальным как для естественнонаучной, так и для гуманитарной сфер современной культуры.

Важнейшим моментом является в данном контексте то обстоятельство, что подобно синергетике, постулировав свою ориентацию как поворот от аналитики *бытия* к исследованию *становления*, философия постмодернизма не останавливается на этом, и выдвигает идею о необходимости синтетического видения двух указанных аспектов видения реальности. Хотя данная установка и не сформулирована в философии постмодернизма в эксплицитной форме, тем не менее на уровне предметных аналитических разверток она присутствует в концепциях практически всех классиков постмодернизма. Наиболее ярко это представлено в модели исторического времени Ж. Делеза, где перманентное и плюральное становление (Хронос) и линейное разворачивание его единичной эволюционной версии (Эон) суть лишь два разных способа человеческого прочтения темпоральности. Идея неразрывности бытия и становления, их фундаментального единства может быть обнаружена и в постмодернистской нарратологии. Так, Ж.-Ф. Лиотар специально останавливается на этом вопросе: согласно его модели, темпоральность нарратива не развернута в линейную структуру от прошлого к будущему, но спрессована в актуальную презентативность: именно рассказывание в настоящем разворачивает каждый раз призрачную временность, простирающуюся между «я слышал» и «вы услышите». Аналогичную ориентацию демонстрирует и текстологический вектор постмодернизма [7, с. 50–51].

Важнейшим следствием интерпретации времени в качестве конструкции и для современного естествознания, и для философии выступает возможность нравственной его артикуляции: как для постмодернизма время артикулируется в категориях нравственной ответственности (по Ж. Делезу, «нет больше Адама-грешника, а есть мир, где Адам согрешил»), так и для синергетики время – «это некоторая конструкция и, следовательно, несет некую этическую ответственность» (И. Пригожин, И. Стенгерс). Таким образом, постмодернистская концепция постистории оказывается созвучной тем значимым парадигмальным сдвигам в стиле мышления, которые во многом определяют специфику современной культуры в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арндт, Х. Ситуация человека. Разд. 24–26 гл. V / Х. Арндт // *Вопр. философии.* – 1998. – № 11. – С. 131–141.
2. Балль, Х. Манифест к первому вечеру дадаистов в Цюрихе / Х. Балль // *Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в.* – М. : Прогресс, 1986. – С. 316–317.
3. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – С. 424–461.
4. Бланшо, М. Опыт-предел / М. Бланшо // *Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX в.* – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 63–77.

5. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М. : Наука, 1986. – 256 с.
6. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 32–47.
7. Деррида, Ж. Позитии / Ж. Деррида. – Киев : Л. Д., 1996. – 192 с.
8. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 118–137.
9. Ингарден, Р. Двухмерность структуры литературного произведения / Р. Ингарден // Исследования по эстетике. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 572 с.
10. Кожев, А. Конец истории / А. Кожев // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX в. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 311–312.
11. Лиотар, Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост» / Ж.-Ф. Лиотар // Иностран. лит. – 1994. – № 1.
12. Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 140–158.
13. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Избр. ст. : в 3 т. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – С. 129–133.
14. Сартр, Ж.-П. Один новый мистик / Ж.-П. Сартр // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX в. – СПб. : МИФРИЛ, 1994. – С. 11–44.
15. Фуко, М. Ницше, генеалогия, история / М. Фуко // Философия эпохи постмодерна. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 78–97.
16. Хюльзенбек, Р. Дадаистский манифест 1918 года / Р. Хюльзенбек // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. – М. : Прогресс, 1986. – С. 318–320.
17. Эко, У. Из заметок к роману «Имя розы» / У. Эко // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX в. – М. : Прогресс, 1986. – С. 224–229.
18. Brook-Rose, Chr. The dissolution of character in the novel / Chr. Brook-Rose // Reconstructing individualism: Autonomy, individuality & the self in western thought. – Stranford, 1986. – P. 184–196.
19. Deleuze, G. Capitalisme et schizophrénie: L'Anti-Oedipe / G. Deleuze, F. Guattari. – Paris, 1972. – 470 p.
20. Lemert, C. Postmodernism is not What You Think / C. Lemert. – Oxford : Blackwell, 1997. – 185 p.
21. McHal, B. Constructing Modernism / B. McHal. – London ; New York, 1998. – 342 p.
22. Ricoeur, P. Oneself & Another / P. Ricoeur. – Chicago, 1992. – 247 p.
23. Touraine, A. Critique de la modernité / A. Touraine. – Paris, 1992. – 228 p.
24. Whitehead, A. N. Process & Reality: An Essay in Cosmology / A. N. Whitehead. – London, 1933. – 312 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.10.2017

Mojeiko M.A. Interpretation of Social Tradition in Postmodernism: the Phenomenon of Post-History

The article is devoted to the analysis of those transformations that characterize the comprehension of the phenomenon of the tradition in the postmodern context. Such postmodern phenomena as the «dead hand» principle, the presumption of déjà vu, the rethinking of disciplinary history in a narrative key are considered. Particular attention is paid to the concept of posthistory (history after time), which determines the postmodern understanding of the historical process.

УДК 16

Б.М. Лепешко

*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: borys_lepieszko@tut.by*

ВОЗМОЖНА ЛИ «ЛОГИКА ОТКРЫТИЯ»?

В статье рассматривается эпистемологическая проблематика с точки зрения использования возможностей формально-логического инструментария. В центре рассмотрения – категория «логика открытия», под которой понимается поиск эвристических механизмов, с помощью которых возможно решение исследовательских задач самого разного масштаба. Анализируются идеи И. Лакатоса в этом контексте. На основе материала методологии истории демонстрируются различные возможности использования «логики открытия» в современном познавательном процессе.

«Логика открытия» – это парафраз одного из сегментов научной рациональности, точнее, тех механизмов, с помощью которых теория рациональности (включающая формальную логику) может способствовать реализации научных проектов. Выявить, обозначить «логику открытия» – значит, сформулировать принципы, способы, с помощью которых методологический инструментарий может стать основанием для осмысления эмпирического материала.

Одним из первых в наши дни проблему обозначил и попытался решить венгерский мыслитель Имре Лакатос. Именно он сформулировал ключевую мысль: «Современная методологическая концепция, или «логика открытия», представляет собой просто ряд правил (может быть, даже не особенно связанных друг с другом) для оценки готовых, хорошо сформулированных теорий» [1, с. 203]. Выдвигая на первый план принцип критицизма, он справедливо отмечал, что все попытки выстроить «единственно верную» методологическую систему как в XVII в., так и в последующее время не увенчались успехом. В связи с этим гносеологический оптимизм постепенно сменился столь же абсолютным гносеологическим пессимизмом, и большинство не верит, что можно предложить ученому некий свод правил, следуя которому, мы имеем возможность получить необходимый результат. Но сам по себе критицизм содержателен лишь в той степени, в какой «ниспровергает». Важно и утверждать. В этом контексте И. Лакатос, как известно, сформулировал четыре способа, на основе которых действие «логики открытия» все же возможно. Рассмотрим их в широком контексте, предлагая альтернативные и критические (уже по отношению к идеям самого венгерского автора) концепции.

Первая «логика открытия» квалифицируется при помощи понятия «индуктивизм». Согласно индуктивизму только те суждения могут быть приняты в качестве научных, которые либо описывают твердо установленные факты, либо являются их неопровержимыми индуктивными обобщениями. «Когда индуктивист принимает некоторое научное суждение, он принимает его как достоверно истинное, и если оно таковым не является, индуктивист отвергает его. Научный кодекс его суров: суждение должно быть либо доказано фактами, либо выведено – дедуктивно или индуктивно – из ранее доказанных суждений» [1, с. 204]. Перед нами – традиционный формально-логический кодекс, который не выходит за рамки аристотелевской силлогистики. Данный методологический подход является «рабочим» и в наши дни, причем он пользуется максимальной популярностью среди исследователей. Но здесь существуют свои подводные течения. Например, применительно к истории всегда можно поставить вопрос об истинности самих базовых эмпирических данных. Общеизвестно утверждение, согласно которому «исторический факт сам должен быть доказан». Практика сегодняшних дней,

когда опровергаются, казалось бы, ранее истинные факты, об этом свидетельствует прямо. Причем что интересно: исследователи, столкнувшись с этой проблемой, пошли по пути не поиска новых методологических оснований для утверждения истинности эмпирических фактов, а свернули на дорогу, которая называется «альтернативным мышлением». Т.е. если факт подвергается сомнению, а доказать его (безукоризненно и безапелляционно) не удается, то самым правильным будет признать реальное существование ряда интерпретаций одного и того же факта. В результате мы имеем плюралистичность как методологический принцип, который одними учеными приветствуется и объявляется единственно верным принципом, а другими объявляется ложным.

Индуктивизм основывается на принципе объективности, но, опять же, данный принцип резко критикуется и количество различных подходов, интерпретирующих саму возможность существования объективного факта, реальности, только растет. В чем главная проблема индуктивизма в аспекте критики его объективных оснований? В том, что всегда существует возможность того, что факт будет опровергнут на основе новых открытий, нового «прочтения» уже известных источников, что существует и усугубляется проблема объективной истины. Опять же, здесь присутствует особого рода диалектика, связанная с желанием найти нечто объективное вне человека, вне субъекта и пониманием того простого факта, что само это желание уже субъективно по существу. Наиболее ярко эту идею апробировал Пол Фейерабенд в своем нашумевшем труде «Прощай, разум». В частности, объективизму «противоречит» принцип релятивности. «Релятивизм относится не к понятиям (хотя большая часть его современных вариантов является концептуальными вариантами), а к человеческим отношениям. Он имеет дело с теми проблемами, которые возникают при столкновении разных культур или индивидов с разными привычками и вкусами» [2, с. 108]. Т.е. релятивизм прямо апеллирует к человеческим отношениям, которые не дают оснований для любого вида или рода объективных построений. Фейерабенд предложил основание для «антиобъективности» как методологического принципа, суть которого отражает понятие «культура». Послушаем ход его аргументации: «Верно, что значение уравнений Максвелла не зависит от того, что думают люди по поводу электрификации. Однако оно зависит от культуры, в которой эти уравнения существуют. Нужна весьма специальная ментальная позиция, заключенная в особую социальную структуру и соединенная с уникальными историческими процессами для того, чтобы предугадать, сформулировать, проверить и обосновать те законы, которыми сегодня пользуются ученые» [2, с. 161]. Т.е. любые эвристические процессы субъективны, поскольку реализуются «через» и «посредством» человека. Причем этот процесс конкретизируется с помощью понятия «культура». А субъективизм в данном контексте тождественен релятивизму.

Но важно представить и альтернативную точку зрения, связанную с тем, что объективизм, «индуктивизм» все же возможен и суть его может быть отражена достаточно полно и определенно. В качестве примера обратимся к точке зрения российского методолога Н.И. Смоленского. Основных тезисов здесь два. Первый: «Историк изучает мир явлений, который он не создал и который существовал бы и в том случае, если бы этого историка вообще не было» [3, с. 183]. Но если это так, то несомненен вывод о первичности бытия, жизни людей и вторичности мышления человека (в частности, историка). И второй: положение «о равноценности различных интерпретаций прошлого в любом варианте представлений, в том числе новейшем, постмодернистском, является фикцией не только в научном, но и в социально-политическом отношении» [3, с. 184]. В конкретном случае мы остановимся на данных тезисах, не комментируя их, и сделаем предварительный вывод о индуктивизме как одной из попыток сформулировать «логику открытия». Суть этого вывода заключается в том, что индуктивизм носит классический (что значит, рациональный) характер, поскольку выражает протест против ирра-

ционального типа мышления и фиксирует достоинства сугубо рационалистической картины мира. Базовой парадигмой мышления в этом контексте является аристотелевская силлогистика. Вместе с тем рационально объяснить целый ряд фактов, явлений исследователю, предпочитающий индуктивистскую парадигму знания, не в состоянии. Например, сложно объяснить с позиций «чистой» рациональности внутренние причины выбора мотивов действий тех или иных исторических персонажей, выбор ими важнейших поведенческих констант. Отождествление динамики исторического развития с экономическими, к примеру, изменениями в обществе также встречает затруднения: всем памяты «советские» споры по поводу Марксовой теории общественно-экономических формаций и азиатского способа производства в частности.

В связи с этими затруднениями на первый план выходит вторая модификация «логики открытия», названная И. Лакатосом конвенционализмом. Ученый пишет об этой теоретической возможности так: «Конвенционализм допускает возможность построения любой системы классификации, которая объединяет факты в некоторое связное целое. Однако ни одну классифицирующую систему конвенционалист не рассматривает как достоверно истинную, а только как “истинную по соглашению”» [1, с. 208]. «Кодекс научной честности конвенционалиста менее строг, чем кодекс индуктивиста: он не налагает запрещения на недоказанные спекуляции и разрешает построение систем на основе любой фантастической идеи. Кроме того, конвенционалист не клеймит отброшенные системы как ненаучные» [1, с. 210]. Т.е. конвенция первична, концептуальное разнообразие (вне контекста истины) вторично.

Следует отметить, что конвенциональный подход сегодня является одним из важнейших направлений методологического поиска и в различных общественных науках принимает форму, как правило, интегративных, междисциплинарных концепций. Самый заметный пример, скажем, в юриспруденции, – это феноменолого-коммуникативная теория санкт-петербургского ученого А.В. Полякова, специфике которой в белорусской теории права посвящена специальная монография [4]. Конечно же, коммуникативный подход А.В. Полякова и конвенционализм в том виде, как его декларирует И. Лакатос, – это нетождественные понятия. Главное отличие состоит в том, что в случае с идеями венгерского автора ключевым является тезис о «соглашении». У российского ученого на первом месте не «соглашение», а «вбирание» в интегративную теорию всех ранее апробированных теоретических концепций. Однако методологический принцип, связанный с согласием, «многоединством», «всеединством» (это уже из известной концепции В. Соловьева), является общим.

Обратим внимание и на то, что сегодня активно дискутируется положение о том, какой процесс в эпистемологии является господствующим: связанный с конвергенцией методологических систем (а шире – правовых систем в целом) или их дивергенцией (разбеганием). Общий смысл этой дискуссии близок конвенционалистской теории И. Лакатоса и может быть сведен к трем тезисам. Первый: нет абсолютных систем, любую систему можно отбросить и предложить иную, особенно если «наработан» соответствующий теоретический материал. Второй: в формальном аспекте нет принципиальной разницы между ложными и истинными теориями, так как из ложных допущений могут последовать истинные следствия, все зависит от характера конвенциональных связей. Теория в целом рассматривается как инструмент, как «лопата», с помощью которой можно эффективно «копать». Инструментализм в этом смысле выступает как вариант конвенционализма. Третий: конвенционализм менее строг (в формально-логическом смысле), чем индуктивизм. Недоказанные спекуляции здесь столь же востребованы, как и выверенные и апробированные положения.

К этим тезисам можно добавить то соображение, что исторический спор между стремлением ряда авторов к конвергенции методологических систем (один из вариан-

тов конвенционализма) и желанием «разбежаться» сегодня не решен и вряд ли может быть решен в принципе. Причем важнейшей тенденцией развития конвенционалистских теорий остается стремление к простоте, упрощению громоздких систем.

Третья «логика открытия» носит название «методологического фальсификационизма». Ссылаясь на работы К. Поппера, И. Лакатос утверждает, что «основная особенность фальсификационистской методологии состоит в том, что она разрешает принимать по соглашению фактуальные, пространственно-временные универсальные теории» [1, с. 212]. Иными словами, перед нами все то же «соглашение» (вариант конвенционализма): чтобы быть научной, теория должна предсказывать новые факты, факты неожиданные с точки зрения предыдущего знания; основанием для работы исследователя остается формальная логика.

Однако ключевое значение имеет четвертая «логика открытия», которая носит название «методология научно-исследовательских программ». В.Н. Порус, анализируя данный тип методологии, пришел к выводу, что концепция научной рациональности, заключенная в методологии научных исследовательских программ, выражается просто: рационально действует тот исследователь, который выбирает оптимальную стратегию для увеличения «круга эмпирических знаний». Методолог фиксирует механизмы оптимизации этой стратегии, получая в итоге «теорию научной рациональности». Наложение этой теории на материал теории науки – это рациональная реконструкция последней. Ученый пишет об этом так: «Методология научных исследовательских программ – это рассказ о том, как, маневрируя “негативной” и “позитивной” эвристикой, т.е. творческим потенциалом программы, исследователи то защищают ее “жесткое ядро” от разрушительных эффектов эмпирических опровержений с помощью “защитного пояса” вспомогательных гипотез и теорий, то безоглядно устремляются вперед, оставляя за спиной неразрешенные эмпирические проблемы, зато объясняя все более широкие области явлений, по пути исправляя ошибки и недочеты экспериментаторов, поспешно объявляющих о найденных “контрпримерах”» [5, с. 21].

Если попытаться кратко суммировать теоретические положения, связанные с методологией научно-исследовательских программ, то их можно свести к следующим положениям. Научные революции состоят в том, что одна научно-исследовательская программа вытесняет другую. При этом «исследовательская программа» предстает перед нами в более известной форме понятия «парадигма», введенного Т. Куном. Далее, «исследовательская программа» не отрицает иных «логик открытия» – она заимствует и у индуктивизма, и у конвенционализма ряд существенных элементов. В частности, исследовательская программа включает в себя конвенционально принятое проблемное поле. Причем субъектная составляющая процесса всегда приоритетна. И. Лакатос пишет об этом так: «Природа может крикнуть “нет!”, но человеческая изобретательность всегда способна крикнуть еще громче» [1, с. 219]. Исследовательская программа считается прогрессирующей тогда, когда она предвосхищает ее эмпирический рост (И. Лакатос прежде всего методолог!). Нет никаких гарантий «обязательной успешности» той или иной исследовательской программы, но точно также нет никаких гарантий ее «обязательного» регресса.

Насколько высказанные соображения (изложенные нами чрезвычайно конспективно) могут быть востребованы современной наукой? В качестве примеров обратимся к методологии, философии истории. Историки в этом контексте традиционно опираются на практику, апеллируя к историческому факту и вовсе не потому, что не знают последних достижений эпистемологической науки. Вопрос в ином: во-первых, достаточно часто неясен механизм перехода от методологических новаций общего плана к конкретным исследовательским проектам. И это не случайно, так как методологи представляются историкам людьми, для которых на первом месте некие общие соображения, кон-

цептуальные изыски, которые достаточно сложно обосновать логически. Тогда как эмпирический фон может хотя бы внешне выглядеть безукоризненно обоснованным. Как пишет М.А. Кукарцева, философия истории, в частности, является концептуальным способом исследования, а история – преимущественно эмпирическим. «В истории исследовательская ситуация выстраивается в направлении от формирования фактологической основы исследования (свидетельства), через постановку проблемы к выбору основных постулатов методологии анализа, а в философии – от формулировки проблемы и изложения основных подходов к ее решению, к определению субстрата исследования» [6, с. 13]. Здесь мы можем вспомнить «проблемное поле» исследовательских программ И. Лакатоса: изложенное выше соответствует этому принципу. Во-вторых, историк понимает, что апробированных, принятых большинством профессионального сообщества эпистемологических теорий не существует. Вот тот же И. Лакатос, замечательный, умный исследователь, однако достаточно раскрыть труды К. Поппера, П. Фейерабенда и многих иных, не менее талантливых авторов, чтобы убедиться: критика идей венгерского методолога «зашкаливает», единство во взглядах лишь локальное. Отсюда фразы о том, что историческая эпистемология есть «конструирование истории через пространственное воображение» (Н. Копосов), что теория познания в исторической науке, по сути, означает «нерешающую диалектику» (А. Мегилл) и т.д. В-третьих, выбор эпистемологической системы является произвольным, связанным с традициями той или иной исторической школы, приоритетом самого исследователя или веяниями гносеологической моды, политическими соображениями, мировоззренческой ориентацией.

Вместе с тем сказать, что усилия методологов по формулировке тех или иных «логик открытия» бесполезны и бессодержательны, конечно же, нельзя. Здесь надо учитывать, что при всем критическом отношении новые методологические веяния почти всегда открывали и новые страницы в содержательном поле исторических исследований. Достаточно в этом контексте назвать герменевтику, феноменологию, психоисторию, синергетику и т.д. Факт: предложенные методологами науки новые концептуальные построения позволили существенно переосмыслить накопленный исторический материал и предложить принципиально новые «прочтения» привычных, трафаретных построений.

Но есть здесь и еще один важный момент. И. Лакатос, как мы уже говорили, привлекает внимание к индуктивизму и говорит о содержательной ценности этой «логики открытия». Это важная констатация, поскольку сегодня мы можем наблюдать попытки заменить те же строгие логические рассуждения эмоциональными текстами, феноменологическими построениями, в центре которых не определения, а описания, поиски чистой сущности науки (эйдоса, локуса). Мы можем наблюдать снисходительный тон по отношению к аристотелевской силлогистике. И не потому, что она устарела, а потому, что предлагаются принципиально новые исследовательские программы (говоря языком венгерского мыслителя). Силлогистика в этом аспекте «вытесняется», а ей на смену приходит отрицание объективных оснований мышления, отрицание теории истины и иные, вполне известные вещи и явления.

Вот как, например, Э. Доманска рассуждает о «перформативном перевороте» в современном гуманитарном знании: «На уровне академических дебатов новое гуманитарное знание стремится подорвать авторитет и привилегии канонического академического знания... Перформанс есть ключевой аспект человеческого существования, процесса строительства коммуникации, локус социальной трансгрессии» [7, с. 227, 229]. При этом перформанс понимается как новое гуманитарное знание со всеми его признаками: в центре внимания – проблемы власти, объявление «второстепенными» традиционных гуманитарных дисциплин, акцент на театральности социального действия

и иное. Перформанс апеллирует к экзистенциальным границам существования, и логика здесь носит вторичный, периферийный характер.

Так возможна ли «логика открытия»? Однозначного ответа нет. Вот что говорит Пол Фейерабенд: «Представления о науке, которая развивается по пути строгой логической аргументации, – это не более чем иллюзия» [2, с. 18]. Точку зрения И. Лакатоса (в частности, по поводу эвристических возможностей индуктивизма) мы приводили. Такие примеры несложно продолжать; вообще, констатация «однозначного ответа нет» в цеху обществоведов стала чем-то вроде догмы, которой чаще всего прикрывается теоретическая беспомощность. Но ведь далеко не всегда звучат именно такие слова – достаточно часто налицо определенность. С другой стороны, критикуется сама компетентность профессионального цеха. Тот же П. Фейерабенд отмечал: «Профессора служат тем, кто им платит, и делают то, что им говорят. Они несвободны в поисках гармонии и счастья для всех, они являются государственными служащими» [2, с. 419]. Спорный, но интересный аргумент в пользу релятивизма «антиобъективности». Другими словами, все зависит от многих факторов, в результате которых «логика открытия» либо становится определяющим мотивом и базисом исследовательских действий ученого, либо задвигается в темный угол социума и забывается до лучших времен. Какие это факторы? Самые разнообразные: от идеологической системы государства и господствующей эпистемологической моды до новаторских усилий методологов, выдвигающих самые разнообразные «измы» с целью обоснования своих теоретических построений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки / И. Лакатос. – М. : Акад. проект : Трикста, 2008. – 475 с.
2. Фейерабенд, П. Прощай, разум / П. Фейерабенд. – М. : АСК : Астрель, 2010. – 477 с.
3. Смоленский, Н. И. Теория и методология истории / Н. И. Смоленский. – М. : Академия, 2007. – 272 с.
4. Лепешко, А. Б. Коммуникативный подход к совершенствованию национального законодательства / А. Б. Лепешко. – Брест : Альтернатива, 2016. – 189 с.
5. Порус, В. Н. Между философией и историей науки: на пути к «гибкой» теории научной рациональности / В. Н. Порус // Избранные произведения по философии и методологии науки / И. Лакатос. – М. : Акад. проект : Трикста, 2008. – С. 9–26.
6. Кукарцева, М. А. Трансформация эпистем: познание истории в ускользающем мире. Вместо введения / М. А. Кукарцева // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки : сб. ст. / ред. М. А. Кукарцева. – М. : Канон-Плюс, 2011. – С. 3–49.
7. Доманска, Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании / Э. Доманска // Способы постижения прошлого. Методология и теория исторической науки : сб. ст. / ред. М. А. Кукарцева. – М. : Канон-Плюс, 2011. – С. 226–235.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.05.2017

Lepeshko B.M. Is the «Logic of Discovery» Possible?

The article epistemological problems of using the possibilities of the formal logical instrument is considered in the article. A category «discovery logic» is in the center of consideration. The category means the search for heuristic mechanisms which makes possible to solve research problems of various scales. The ideas of Imre Lakatos are analyzed in this context. Various possibilities of usage of the «logic of discovery» in the modern cognitive process are demonstrated based on the material of the methodology of history.

УДК 008:316.42(47)

О.А. Романов

д-р филос. наук, доц., проф. каф. философии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
e-mail: oromanov@inbox.ru

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье реконструированы воззрения русских мыслителей первой половины XX в. на проблему будущего восточнославянской цивилизации. Выявлены теоретико-методологические и духовно-мировоззренческие основания их футурологических воззрений. Показано, что в экономической сфере они предостерегали от некритичного принятия капиталистического способа ведения хозяйства. В качестве экономического идеала рассматривалась модель «праведного хозяйства» и «христианского социализма», сочетающая в себе западную идею сильного инициативного хозяина с восточными принципами социальной справедливости и равенства и духовно-нравственной мотивации экономической деятельности. В области политической жизни идеалом развития являлась жесткая централизация и сакрализация власти, которые соединялись в фигуре царя, с одной стороны, и раскрепощение частной и местной инициативы в решении стоящих перед обществом задач с другой. Восточное христианство рассматривалось как социокультурная основа и духовное ядро искомого синтеза.

Введение

Размышляя о путях развития восточнославянской цивилизации, русские мыслители вслед за В.С. Соловьевым писали о необходимости синтеза западного и восточного духовных типов. Так, Н.А. Бердяев подчеркивал: «Сама постановка проблемы Востока и Запада предполагает взаимное восполнение двух опытов и двух путей» [1, с. 164]. Философ пришел к выводу, что самым своим срединным положением между Востоком и Западом Россия призвана сыграть в этом процессе особенную роль: «Только Россия может соединить восточное созерцание Божества и охранения божественной святости православия с западной человеческой активностью, с исторической динамикой культуры» [2, с. 228]. Весомым аргументом в пользу этого выступала, по мнению Н.А. Бердяева, демонстрируемая восточнославянской культурой способность совмещать в себе разнородные культурные тенденции, свидетельствующая о «всечеловечности» русского народа. Безусловно, в данном случае прослеживается влияние идей Ф.М. Достоевского.

Общая задача нахождения синтеза Запада и Востока предполагала обращение к отдельным сферам общественной жизни и определения перспектив их развития в данном контексте. В области экономических отношений русские мыслители резко отрицали капитализм, противопоставляя ему «любовное», или «праведное», хозяйство. Отвергая капитализм, С.Н. Булгаков подчеркивает: вся история капитала – это жуткая повесть о человеческом бессердечии и себялюбии. В социальной жизни капитализм с ног до головы покрыт преступлениями, а по духовному облику есть идолопоклонство золотому тельцу. Капитализм сознательно отвергает необходимость подчинения хозяйства высшим началам нравственности и религии. Поэтому социализм прав в критике капитализма и если грешит чем-то, так в первую очередь тем, что «отрицает его недостаточно радикально» [3, с. 225].

Но социализм сам является продуктом буржуазной культуры Запада и несет в себе многие пороки, присущие капитализму, в первую очередь, рассмотрение человека как существа материального по преимуществу. Усилить и развить социалистическую идею, дать ей надежную духовную опору, освободить от мещанства, по мнению

С.Н. Булгакова, призвано христианство. В самом социализме как совокупности мер социальной политики нет ничего противоречивого. Осуществленный без насилия и соответственно здравому смыслу, он может стать «благодетельной реформой, направленной к борьбе с общественным злом» [3, с. 229]. Однако сам по себе, пребывая в детском неведении о природе человека и являясь элементарной формой благотворительности, социализм не в силах изменить жизнь. Его преобразование возможно лишь на основе высших религиозных норм.

Именно в христианстве, по утверждению С.Н. Булгакова, заложены возможности достижения хозяйственной свободы посредством духовно-нравственного преобразования человеческой природы. Аксиомой человеческого бытия должна стать духовная свобода от хозяйства. Стремление же подчинить себе хозяйство через развитие производительных сил не принесет человечеству подлинной свободы. «Самое богатое развитие производительных сил, экономический расцвет, – пишет философ, – может сопровождаться таким порабощением человека хозяйственной стихии, таким духовным его пленением, какого не наблюдается и при крайней бедности» [3, с. 221]. Трактовка духовной свободы от хозяйства в христианстве непроста. Она не состоит в игнорировании человеком необходимости «в поте лица» добывать себе пропитание. Наоборот, христианская мораль строго относится к хозяйственным обязанностям человека. «Свобода от хозяйства» означает внутреннюю несвязанность человека материальными потребностями, наличие у него такой ценностно-мотивационной системы, в которой ведущее значение имеют ценности духовного характера.

Сходные идеи развивал и Н.А. Бердяев, рассуждая о необходимости «праведного хозяйствования», – специфического типа хозяйственной деятельности, предполагающего не только экономический, но и этический компонент, ставящий «праведное хозяйство» в оппозицию хозяйству капиталистическому в классическом смысле этого понятия.

Значительное место в осмыслении проблемы перспектив развития экономической сферы занимает евразийство. Евразийцы исходят из посылки о неразрывной связи личности с обществом. Существование личности, с их точки зрения, оправдывается только исполнением некоторой социальной миссии в «общем деле». Евразийцы выдвинули тезис: «Экономика должна быть носителем морали единой симфонической, соборной личности», в которой, помимо параметров экономической эффективности, заложены параметры роста производительности труда, роста фондов потребления и накопления, прибыли, наконец, и более глубинные сущности: экологичность экономики, «хозяйское» отношение к природе, но не в смысле ее «покорения», а в плане гармонического сочетания субъекта деятельности и его месторазвития.

В связи с этим евразийские мыслители наполняют новым содержанием понятие «хозяин», поднимая его до уровня философско-экономической категории. «Хозяина в производстве» современная экономическая доктрина не знает, – пишет П.Н. Савицкий, – она знает «предпринимателя». Это значит, что современная доктрина проглядела в хозяйстве едва ли не главное действующее лицо... Нужно различать предпринимательство как определенную эмпирическую хозяйственно-экономическую функцию и как особую духовно-экономическую сущность. Хозяин есть именно и только духовно-экономическая сущность» [4, с. 218]. Используя веберовское понятие «идеальный тип» применительно к понятию «хозяин», П.Н. Савицкий вместе с тем резко отторгает «протестантскую этику», ставящую во главу угла меркантилизм, или, в современном понимании, монетаризм. Оправдываемое протестантизмом ростовщичество не согласуется с действиями Христа, изгнавшего торговцев из храма. Для подлинного хозяина забота о «полноте функционирования и полноте развития» хозяйства так же естественна, как забота о главной его силе – трудящихся. «В хозяйском отношении к людям, кроме моральной и рациональной стороны, есть также сторона нематериальная, иррациональ-

ная. И благодаря этой иррациональной стороне увеличивается сила и крепость того рационального единства, каковым является “производственная единица”, – хозяйство» [4, с. 221].

С точки зрения П. Савицкого, «хозяин-общество» не может заменить «хозяина-личность»: у последнего отправление хозяйских функций сосредоточеннее, гибче и полнее, чем у хозяина-общества; «хозяин-личность» незаменим там, где нужно творчество и развитие. «В обеспечении хозяйского дела в одних отраслях сильнее хозяин-личность, в других – хозяин-общество. Там, где требуется охранение и не требуется развития, возможен хозяин-общество. Там, где нужно творчество и развитие, выступает хозяин-личность. Хозяйство хозяина-личности, поскольку хозяин есть именно таковой, совершеннее, чем хозяйство хозяина-общества, в конечном счете и в отношении создания возможно лучшей обстановки для человеческого труда» [4, с. 238]. П.Н. Савицкий отмечает, что для обустройства жизненного мира России-Евразии необходимо решить задачу утверждения «хозяйнодержавия» – «насыщения» действительности «лично-хозяйским началом». Но это начало по своему содержанию и значению существенно отлично от «выхоленно-экономического» принципа частного предпринимательства: последний, претендуя на роль единственного главного начала всякой хозяйственной деятельности, есть «безмерность приобретательского интереса», цинично-прагматическое отношение ко всему, что окружает, как к товару – предмету «обменно-возмездных» отношений (продажи, обмена, купли), отрицание ценностей абсолютных, ни с чем не соотносимых, ничем не замещаемых, никаким «обменам» не подлежащих. Таким образом, П.Н. Савицкий подчеркивает, что истинно хозяйское отношение к хозяйству «есть выход за пределы чистого экономического принципа ...внесение меры во всякую приобретательскую безмерность», есть установление связей хозяйственной деятельности с областью абсолютных ценностей, началом религии, морали, традиции. Для него критерием истинно-хозяйского отношения является «бережение», «забота», «расширение довольства» людей, благополучие ближнего, «космический лад». Утверждение этих критериев дает концепции «подчиненной экономики» – антитезу «воинствующему экономизму». Евразийцы предостерегали от поспешных непродуманных шагов в вопросе о перераспределении собственности. С их точки зрения, допустимо только такое перераспределение собственности в России, которое не смогло бы «исказить русское правосознание». Иначе это «было бы смертельным ударом по самому правосознанию», ибо происходило бы подчинение экономики политике, низведение «функционального значения социально-экономической сферы по отношению к политической» [5, с. 74]. И далее отмечается, что политическое насилие над экономикой искажает русское правосознание, основанное на идее соборности и этике ненасилия.

В области перспектив развития политической сферы все мыслители сходятся в том, что она является вторичной по отношению к духовной жизни и определяется ею. Конкретные формы государственного устройства осмысливаются ими по-разному, но общей остается убежденность в огромной практической значимости, но метафизической несамодостаточности политики. Так, С.Н. Булгаков увязывал проект христианского социализма с идеей свободной теократии. Она будет являться преодолением недостатков предшествующих форм теократического властвования. Мыслитель полагал, что природа власти антиномична. С одной стороны, власть для него «самостоятельное мистическое начало», символ божественного всемогущества и благодати, а с другой – она есть «нечто натурально-человеческое, срединное, принадлежащее к области относительного» [6, с. 395]. «Не желая мириться с обнаженным “звериным” ликом власти, человечество, – отмечал философ, – всегда стремится придать ей теократический ореол, но воплотить в жизнь подлинную теократию не в силах». Это объясняется тем, что люди пытаются сочетать несочетаемое – благодать и власть. Но благодать не насилует,

а помогает, власть же всегда содержит элемент принуждения. Поэтому неудачными оказались претензии и Римского престола, и православного царства. Из средневековой теократии необходимо взять лишь то, что являлось ее глубокой и безусловной истиной, – стремление охватить и освятить всю жизнь.

В работе «Православие: Очерки учения православной церкви» С.Н. Булгаков позитивно оценивал отделение православной церкви от монархической государственности. Между ними, считал он, не существует нерушимой связи. Православие в принципе не должно отдаваться в услужение какому бы то ни было политическому режиму. Оно имеет религиозный, а не политический Идеал освящения власти. «Потенция царя по образу Христа, – пишет он, – чисто религиозная... может найти свое осуществление при наличии самой крайней демократии в выборном представителе власти, президенте» [7, с. 339]. Религиозное влияние православия не должно иссякать, но осуществляться не сверху, а снизу, через народ. Отделяясь юридически, церковь должна и далее осуществлять свое воздействие на всю жизнь государства, так как идеал христианского преобразования государственности церковной силой не исчезает, а остается.

Свой вклад в развитие теократического принципа внес и П.А. Флоренский. Идеалом общественного устройства, соответствующим сакральному пониманию культуры, П.А. Флоренский считает теократическое государство с монархической формой правления, далеким прототипом которого является Византия. Именно в теократии происходит освящение власти. Вся жизнь теократического общества связана с убеждением, что «никакой власти, кроме как трансцендентной миру», нет. Понятие о «естественном праве» сохраняется, но переосмысленным «с точки зрения символически-культового понимания Вселенной, через его отношение к Верховному Иерарху Вселенной» [8, с. 216]. Строение теократии строго иерархично. Эта иерархичность связана с тем, что восхождение к «миру горнему» имеет ступени. «Общество есть иерархия властей трансцендентных, но отнюдь не мирская, из себя власть рождающая организация» [8, с. 117]. Являясь отражением мира Божественного, теократия воспроизводит его иерархию. «Гражданское устройство, – пишет П.А. Флоренский, – мыслится как отображение небесной иерархии, Христом возглавляемой» [8, с. 222].

В теократическом идеале П.А. Флоренского монархическая, царская власть приобретает огромное значение. В теократии эта власть священна, но само освящение «относится не к лицу, а к теократическому месту», так как в лице царя освящается вообще начало гражданской власти. Все события в теократическом государстве обретают причастность к вечному горнему порядку и в то же время свидетельствуют о бренности всего земного. Возвышая царя помазанием, Церковь одновременно внушала ему смирение, напоминая о его земном ничтожестве. П.А. Флоренский вспоминает, что в Софийском соборе существовал соответствующий обряд: при возведении на престол Византийского императора ему вручался мешочек с землей – символ тленности земной власти.

Положительной стороной жизни теократии является, с точки зрения философа, то, что здесь нет ничего, что бы ускользало от внимания церкви. Весь общественный организм по трем основным направлениям: священству, царству и пророчеству, – освящается особыми молитвами. Любая должность и деятельность, от царской до самой незначительной, олицетворяет собой теократический сан. Это происходит потому, объясняет П.А. Флоренский, что «в дольнем хотя и есть высшее и низшее, с разными сферами своей деятельности, но нет ничего пустого, случайного, лишённого ноуменального веса» [8, с. 222].

Теократия, по мнению П.А. Флоренского, гораздо ближе к идеалу общественного устройства, нежели любая светская общественная система. Ее преимущество состоит в том, что общество обретает подлинное единство, становится «духовным организмом» посредством символических действий, стягивающих его и придающих ему устойчи-

вость и целостность. В отличие от формальных, отчужденных отношений между людьми в современных европейских государствах религиозно-духовные связи в теократии придают человеческим отношениям «особую серьезную теплоту», изгоняя холод внешних служебных отношений.

Антиподом теократии явился «идеал», обожеествляющий «искусственную революционную государственность», утверждающий преимущество представительной формы правления перед христианской монархической властью. Он соответствует духу рационализма и потому был принят европейской культурой Нового времени. Это привело к духовному опустошению мира государственного и личного. Если раньше, пройдя «ступени горнего подъема», человек, общество и государство нисходили оттуда «уже не эмпирическими, а ноуменальными реальностями», то теперь вместо этого образовалась ничем не восполнимая пропасть. Общество утратило свою целостность. Отказ от «теургического делания» в государственной сфере повлек за собой взаимоотчуждение людей и распад духовной жизни отдельной личности.

Однако П.А. Флоренский не ограничивался только умозрительными рассуждениями о наилучшем социальном устройении. Среди его произведений имеется работа «Предполагаемое государственное устройство в будущем», в которой он выступает как позитивный ученый. Работа была написана в 1933 г., когда Флоренский находился под следствием, и первым ее читателем стал как раз следователь. Время и место, конечно, отразились на замысле произведения, которое было своеобразной попыткой автора донести свои идеи до будущих поколений. Оно включает 18 разделов, где дается представление о политическом устройении, образовании, здравоохранении, финансовой системе, внутренней и внешней политике, кадрах, добывающей и перерабатывающей промышленности, быте, религии и ряде других параметров желаемого государственного устройства.

П.А. Флоренский отстаивал идею «разумности» государственного строя, состоящую в «ясном понимании основных положений, к которым должна приспособиться машина управления». Разумность предполагает наличие выверенной стратегии развития и прочных идеальных установок своей деятельности. Тайна устройства разумного государства заключается в том, чтобы сочетать свободу проявления данных сил отдельных людей и групп с необходимостью направлять целое к задачам, неактуальным индивидуальному интересу. При этом все то, что относится к государству, должно быть неприкосновенно для отдельного лица и для отдельной группы, а то, что составляет содержание жизни отдельных личностей, должно уважаться и оберегаться, так как именно богатством индивидуальных, групповых и массовых проявлений живо государство. Мудрость государственного управления не в истреблении тех или иных данностей, а в их умелом направлении.

Жизнеспособность общества и государства не является безусловным качеством, но сама зависит от их духовной зрелости. В современном обществе, по мнению мыслителя, явно иссякают духовные силы, которые ранее придавали ему целостность и единство. Все стороны жизни, несмотря на многочисленные и порой блестящие успехи европейской цивилизации, наполнены ядовитыми продуктами жизнедеятельности и саморазрушаются, ибо «выдохлись» духовные устои, тот созидательный, культурный потенциал, на котором раньше строилась жизнь человечества.

Война и революция представляют собой открытые язвы глубоко сидящих заболеваний западной цивилизации. Эти болезни разлагают правовые и политические отношения. Выздоровление человечества возможно лишь при наличии нового духовного ядра – ценностей сакральной культуры. Эти ценности могут быть обретыены, считает П.А. Флоренский, с появлением на политической арене личности, обладающей интуицией будущей культуры, лица пророческого склада, с гениальной волей в отношении

к новой цели. «На созидание нового строя, – пишет он, – есть одно право – сила гения, сила творить этот строй. Право это, одно только не человеческого происхождения, и потому заслуживает названия божественного» [9, с. 98]. Таким образом, будущий культурно-общественный идеал явится (в духе В.С. Соловьева) как пересечение человеческого и божественного, светского и религиозного.

Осмысливая пути политического развития России, П.А. Флоренский подвергает критике западные политические идеалы, например, демократию. Он продолжает богатую традицию критики демократических форм общественного устройства, заложенную еще в античности Платоном и Гераклитом. Демократия, по его мнению, всегда сосредоточивала основное внимание на обеспечении формального равенства. Деятельность по-настоящему заботящегося об интересах своих граждан государства иная. Она должна быть нацелена не на создание формального равенства, а на формирование таких условий, при которых каждый гражданин смог бы с наилучшей стороны реализовать свои различные способности и таланты и тем самым обрести осмысленность и полноту своей жизни.

Порочность представительной формы правления, считает П.А. Флоренский, проявляется прежде всего в легкомысленном отношении к политике, в убеждении в ее доступности всем без исключения. Политика – серьезная специальность, столь же недоступная, как медицина или математика, и потому столь же опасная в руках невежд, как яд. Вовлекая своих граждан в политику, представительное государство способствует ее вырождению, ее превращению в политиканство в силу отсутствия у масс профессионализма. Борьба за политическую свободу оборачивается исключительно опасным обманом и самообманом народа, так как возникающее в итоге государственное устройство, «не давая удовлетворения никому в частности, вместе с тем расслабляет целое» [9, с. 98]. Ни одно правительство, если оно не желает себе краха, заключает мыслитель, не должно опираться на решения большинства.

В области экономической политики П.А. Флоренский считал необходимым противостоять промышленной экспансии Запада. Это противостояние предполагает необходимость высокого уровня изоляции восточнославянского экономического региона, ибо советская промышленность выросла в отличных от Запада географических и ментальных условиях и потому наиболее приспособлена именно к ним. Слепо копировать западные образцы организации экономики нельзя. То, что для Европы естественно, для нас будет искусственно. Чутко прислушиваясь к заграничному опыту, подчеркивает ученый, мы должны решать свои задачи и своими средствами. Государство должно в совершенстве знать свои ресурсы и не жалеть никаких средств на их учет, уменьшить импорт, главными статьями которого останутся книги, журналы, особенно совершенные и уникальные научные инструменты, некоторые виды сырья и веществ, еще не производимых в стране.

Последняя работа Флоренского – «Предполагаемое государственное устройство в будущем» – является политическим завещанием мыслителя, написанным с болью о России. В ней он выступает сторонником сильной централизованной государственной власти. История доказала правоту философа. Единоначалие явилось неременным условием выживания и самосохранения России во Второй мировой войне и важным фактором ее быстрого послевоенного восстановления. Указывая на необходимость централизованного управления для России, Флоренский выступил против тотальной политики всех сфер общественной жизни, ратовал за сохранение природных богатств страны, за бережное отношение к физическому и духовному потенциалу нации, за раскрепощение частной и местной инициативы, за обретение Россией самобытного пути развития. Как и на первом этапе творчества, философ связывал свой общественный идеал со свободным «религиозным углублением жизни».

Более сдержанную позицию в аспекте осмысления перспектив политического развития России занимает С.Л. Франк. Идею царя как помазанника Бога С.Л. Франк считал глубоко верной, так как она ясно выражает «интересы общества как сверхвременного единства, как соборного лица» [10, с. 131]. Проблема состоит в том, что в обществе Модерна монархия превращается в архаику, однако саму функцию преемственности, содержащуюся в ней, необходимо сохранить и оформить. Благодаря функции наследования сохраняется инстанция, возвышающаяся над политической волей данного поколения. Наличие этой инстанции важно потому, что противостоящее ей «начало личной заслуги» постоянно и неизбежно подрывает источник непрерывности духовных и правовых основ общества. А такой перерыв чреват нарушением использования навыков и умений, передаваемых через воспитание, т.е. утратой культурной преемственности и дестабилизацией общества.

Реализация принципа преемственности возможна и в монархии, а с угасанием ее религиозно-теократической основы соединение принципов сверхвременного и временного развития стало возможно в президентской республике. «И в республике, – пишет С.Л. Франк, – избрание главы государства может быть обставлено условиями, в наибольшей степени выражающими начало преемственности, традиционности, сверхвременного единства власти» [10, с. 131]. В такой республике можно добиться максимального сочетания непрерывности общественного бытия со свободой общественного самоопределения. Одним из важных условий такого сочетания является рассмотрение народом самого процесса избрания не как своевольного человеческого выбора, а как процесса «отыскания достойнейшего служителя абсолютной правды» [10, с. 132].

Откровенные симпатии С.Л. Франка к конституционной монархии и президентской республике как к формам правления, обеспечивающим твердую государственную власть, устойчивость и стабильность общественного развития, не означали рассмотрения этих форм в качестве априорно заданных общественных идеалов, которые можно навязывать кому бы то ни было. Философ подвергал всесторонней критике стремление отождествлять любой человеческий идеал со святыней, считая такой подход идолопоклонством. Вера в абсолютный характер каких-либо начал и форм внешней жизни, попытка внешними мерами установить царство Божие на земле есть, как подчеркивал С.Л. Франк, в социальном плане утопизм, а в нравственном – «болезнь фарисейства».

И.А. Ильин, разделяя правоту монархической идеи, акцентировал свое внимание на национальном аспекте политического развития России. В статье «Что сулит миру расчленение России» он писал, в частности, о том, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно сложенный «механизм» «областей», а живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. «Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями – духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия. Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, губительные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена» [11, с. 326–327].

В статье «О государственной форме», написанной в 1949 г., И.А. Ильин высказал ряд мыслей о факторах, определяющих характер государственного строя в той или иной стране. Он писал, в частности, что государственная форма – это не отвлеченное понятие и не политическая схема, безразличная к жизни народов, а «строй жизни и живая организация народа». Необходимо, чтобы народ понимал свой жизненный строй, уважал его законы и вкладывал свою волю в его организацию. По словам И.А. Ильина,

«именно живое правосознание народа дает государственной форме осуществление, жизнь, силу; так что государственная форма зависит прежде всего от уровня народного правосознания, от исторического нажитого народом политического опыта, от силы его воли и от его национального характера» [11, с. 47]. Исходя из этой закономерности философ делал вывод относительно государственной формы для посткоммунистической России. Он утверждал: «Пройдут годы национального опамятования, оседания, успокоения, уразумения, осведомления, восстановления элементарного правосознания, возврата к частной собственности, к началам чести и честности, к личной ответственности и лояльности, к чувству собственного достоинства, к неподкупности и самостоятельной мысли, прежде чем русский народ будет в состоянии произвести осмысленные и не гибельные политические выборы. А до тех пор его может повести только национальная, патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная – воспитывающая и возрождающая – диктатура» [11, с. 50].

Логика моделирования политических проектов закономерно выводила мыслителей к необходимости определения их социокультурных оснований. В ходе решения этой проблемы они исходили из того же мировоззренческо-теоретического принципа, а именно, из необходимости осуществления продуктивного синтеза западных и восточных культурных оснований. Так, Н.А. Бердяев искал в христианстве противоядие от опасных идей технократизма и секуляризма. Трагично переживавшийся им глобальный кризис европейской цивилизации, безрелигиозный и техногенный характер которой поставил мир на грань гибели, все более утверждал его в мысли о необходимости восстановления социального престижа христианства. Ученый не являлся противником развития техники. Он рассматривал проблему более глубоко: «Романтический возврат к состоянию, предшествующему технике, машине, индустриализации человеческой жизни, невозможен. Но это ставит вопрос о развитии и обнаружении духовных сил в человеке» [12, с. 234]. Именно христианское вероучение, полагал Н.А. Бердяев, должно было сыграть в этом определяющую роль.

Напряженные размышления над путями выхода из затянувшегося кризиса западноевропейской культуры привели Н.А. Бердяева к ряду принципиальных выводов. Прежде всего, он пришел к мысли о неизбежности «социального переустройства мира» в новых исторических условиях, что должно было стать ответом на вызов времени: «мир вступает в социалистическую и коммунотарную эпоху» [12, с. 234]. Понятие «коммунотарность» не сводилось ученым к «коллективизму». Разнообразные формы последнего, полагал он, неизменно тяготеют к авторитарности. Их историческая бесперспективность подтверждалась всем ходом развития человеческой цивилизации. «Коллективизм существовал в исторических объективациях религий, отдельно и в православии, и в католичестве. На противоположном полюсе он обнаруживается в коммунизме и фашизме... Коллективизм не может не быть авторитарным, он не может допустить свободы в общении» [13, с. 331].

Коммунотарность имеет принципиально иную природу: это прежде всего особое качество коммуникации. Мыслитель подчеркивал: «Коммунотарность... означает непосредственное отношение человека к человеку через Бога, как внутреннее начало жизни... Коммунотарность... персоналистична, есть общность и общинность личности» [13, с. 332]. Сущность качества «коммунотарности» наиболее полно удалось выразить А.С. Хомякову в его идее «соборности», которая для самого Н.А. Бердяева стала одной из ключевых. Эта проблема, остро вставшая перед философом в результате осмысления пережитых им лично катастрофических событий XX в., не была для него новой по существу. Речь идет о вспыхнувшей с особой силой надежде на трансформацию самих первооснов цивилизации, что было бы вполне логично в свете трагических итогов эпохи. Отсюда и его призывы к усилению духовного начала в истории: «В послевоенном

мире центр тяжести должен быть перенесен в духовную жизнь» [13, с. 210]. При этом «духовная жизнь», согласно автору, не может ограничиваться внутренним миром отдельного человека. Опираясь на идею коммюнитарности, он обозначил в качестве обязательного ее компонента также и «отношения людей между собой и целых обществ». По убеждению Бердяева, духовная жизнь «охватывает не только “я”, но и “мы” [13, с. 234].

Свой рецепт культурного выздоровления, во многом сходный с бердяевским, предложил С.Н. Булгаков. Идеиные корни европейской культуры, по мнению философа, двойственны. С одной стороны, они связаны со средневековьем и реформацией, вызвавшей огромный религиозный подъем во всем мире, а с другой, с гуманистическим ренессансом, стремившимся возвеличить «неязыческий индивидуализм ...натурального, невозрожденного человека» [14, с. 52]. Европейское просвещение через деизм привело к скептицизму и атеизму, через рационализм и эмпиризм – к позитивизму и материализму, а через «естественную» мораль – к утилитаризму и гедонизму. Близко то время, когда европейская культура станет безрелигиозной и «застынет в холоде мещанства», ибо нет уже в ней мучения рождающейся мысли, нет подвига любви, самоотвержения и неустанной борьбы с собой. Она находится в состоянии ошеломленности от созданного ею же богатства, и как прискорбно в итоге такого великого пути увидеть всего лишь «эстетического филистера с идеалами модной барыни».

Если на Западе, по мнению философа, мощные религиозные корни еще обезвреживают «своими здоровыми соками многие ядовитые плоды» [14, с. 51], то в России дело обстоит иначе. Она обладает свойством отображать идеи и настроения века решительнее, чем Запад. Поэтому и мировая духовная драма богоборчества и богоотступления, «составляющая нерв новой истории», выражена в ней наиболее ярко. Для нее характерен такой религиозный индифферентизм большей части интеллигенции, такой ее культурный отрыв от народа, которого не знала европейская цивилизация, породившая мощную плеяду христиански мыслящей интеллигенции. Если попытаться выразить духовную сущность эпохи, переживаемой и Россией, и всем человечеством, в художественном образе, в картине или трагической мистерии, то эту книгу или мистерию следовало бы назвать «похороны Бога, или самоубийство человечества» [15, с. 10].

Задача России, убежден философ, заключается в сохранении своей культурной самобытности при творческом усвоении мировой культуры и развитии собственных религиозно-культурных основ, заложенных теми, кто составляет цвет русского национального ума и гения, кто «духовно остался с народом в его мужицкой церкви» [15, с. 8]. В их числе В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, Н.В. Гоголь, А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский и многие другие.

Сравнивая Россию и Европу той поры в культурном плане, С.Н. Булгаков подчеркивал, что, не закрывая глаза на все наши язвы, язвы нищеты, темноты и бесправия, можно сказать, что на русской духовной ниве нет еще духовного мещанства и зомбаровского гедонизма. Наша интеллигенция этически аскетична, духовно самоотвержена. В этом смысле она ближе к средним векам, чем к ренессансу. Лучшие умы России, и в первую очередь А.И. Герцен, сделали борьбу с мещанством специальностью своей литературной деятельности. Образец духовности и нравственного аскетизма русского человека дал А.С. Пушкин в образе русской женщины; В.С. Соловьев, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой определяли русскую духовную культуру в XIX в.

Новая истинная и духовная цивилизация, считал С.Н. Булгаков, должна разрешить постоянно стоящую перед человеческой историей антитезу гедонизма и аскетизма, которую ныне с известной поправкой воплощают Европа и Россия. В исторической жизни человечества необходимо реализовать ту особенность каждого культурного человека, которая связана с умением умножать или сокращать свои потребности настолько, насколько этого требует жизнь духа и человеческое достоинство.

В двуединой связке «нация – церковь» И.А. Ильин сделал акцент на первом элементе и тщательно продумал перспективы национального культурного возрождения России. В отличие от Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева И.А. Ильин рассматривает русскую идею не в плане общечеловеческого единения; он сосредоточен на судьбах русского народа, оказавшегося в беде. Предчувствуя новые бедствия, он хочет, чтобы русская идея стала программой национального возрождения. Спасти себя от окончательной гибели русский народ может, только возродив полностью свою традиционную духовность и самобытную культуру.

Почти все статьи, опубликованные в серии «Наши задачи», имели программный характер. Но статья «О русской идее», которая выразила отношение И.А. Ильина к России, его представления о духе русского народа, была программной по отношению ко всем остальным статьям этой серии. «Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, – писал в ней И.А. Ильин, – то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободную и достойную жизнь на земле продолжается. И ныне нам более чем когда-нибудь подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие и выговаривать за нее, от ее лица и для ее будущих поколений ее творческую идею. Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русской, национальной» [11, с. 428].

Заключение

Перспективы развития восточнославянской культуры виделись российским философам на пути углубляющегося творческого синтеза западных и восточных культурных начал, в ходе которого Россия сможет создать социальное целое, преодолевшее основные противоречия европейского и азиатского путей развития. Задача определения форм и сущностных параметров искомого синтеза облегчалась для русских мыслителей тем, что к началу XX в. имманентные Востоку и Западу достоинства и недостатки проявили себя достаточно полно, и это позволило строить прогнозы и определять векторы развития на достаточно надежной эмпирической базе. Важно отметить, что социокультурный синтез мыслился русскими философами не как механический отбор «самого лучшего», а как органическое усвоение того, что соответствует базовым принципам их культуры.

Общетеоретическое рассмотрение проблемы будущего России в контексте взаимодействия Запада и Востока конкретизировалось русскими мыслителями в анализе путей совершенствования отдельных сфер общественной жизни. В экономической сфере в качестве идеала рассматривалась модель «праведного хозяйства» и «христианского социализма», сочетающая в себе западную идею сильного инициативного хозяина с восточными принципами социальной справедливости и равенства и духовно-нравственной мотивации экономической деятельности. В области политической жизни идеалом развития являлась жесткая централизация и сакрализация власти, которые соединялись в фигуре царя, с одной стороны, и раскрепощение частной и местной инициативы в решении стоящих перед обществом задач, с другой. Восточное христианство рассматривалось как социокультурная основа и духовное ядро искомого синтеза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 175 с.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 607 с.

3. Булгаков, С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России / С. Н. Булгаков. – Новосибирск : Наука, 1991. – 350 с.
4. Савицкий, П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М. : Аграф, 1997. – 461 с.
5. Пак, М. Н. Новоевразийская концепция российской цивилизации (философский аспект) / М. Н. Пак, Г. А. Югай // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 1996. – № 3. – С. 62–75.
6. Булгаков, С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М. : Путь, 1917. – 426 с.
7. Булгаков, С. Н. Православие: Очерки учения православной церкви / С. Н. Булгаков. – М. : Терра, 1991. – 413 с.
8. Флоренский, П. А. Философия культа: (опыт православной теодицеи) / П. А. Флоренский. – М. : Мысль, 2004. – 685 с.
9. Флоренский, П. А. Предполагаемое государственное устройство в будущем / П. А. Флоренский // Лит. учеба. – 1991. – Кн. 3. – С. 32–178.
10. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М. : Республика, 1992. – 510 с.
11. Ильин, И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. – М. : Рус. кн., 1993–1999. – Т. 2, кн. 1. – 1993. – 496 с.
12. Бердяев, Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике откровения / Н. А. Бердяев. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1996. – 383 с.
13. Бердяев, Н. А. Царство Духа и царство Кесаря / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1995. – 382 с.
14. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество / С. Н. Булгаков // Вехи : сб. ст. о рус. интеллигенции. – М. : Новое время, 1990. – С. 23–69.
15. Булгаков, С. Н. Интеллигенция и религия (о противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения) / С. Н. Булгаков. – М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1908. – 48 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.05.2017

Romanov O.A. The East Slavonic Civilization in Works of Russian Thinkers of the First Part of the XX Century: Prognostic Aspect

The article reconstructs the ideas concerning the future of the east Slavonic civilization proposed by Russian thinkers of the first part of the XX century. The author reveals theoretic, methodological, spiritual and world outlook bases of their futurological views. It is shown that in economic sphere they warned of noncritical acceptance of capitalistic way of economic management. For the economic ideal they propose a model of «righteous economy» and «Christian socialism» that combines western idea of powerful enterprising proprietor with eastern principles of social justice and equality based on spiritual and moral motivation of economic activity. In the field of political life the ideal of development is considered to be firm centralization and sacralization of authority that was incorporated in the figure of tsar from the one hand and liberation of private and local initiative in coping with actual social tasks from the other hand. The East Slavs were considered as sociocultural basis and spiritual core of the sought for synthesis.

УДК 070 : 001

У.П. Люкевіч

канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплінаў і методыкі іх выкладання
 Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна
 e-mail: lucul@brsu.brest.by

ТЭАРЭТЫКА-КУЛЬТУРАЛАГІЧНЫЯ ПАДСТАВЫ ВЕДАЎ НАВУКІ ПРА СПОРТ: РЭТРАСПЕКЦЫЯ XX ст.

У артыкуле паказваецца, што фармаванне і развіццё навукі пра спорт у сацыякультурнай прасторы XX ст. звязалася са станаўленнем спажывецкага грамадства, прадуктамі дзейнасці якога неўзабаве сталі спартыўныя спаборніцтвы і ўсе тыя акалічнасці, што мелі да іх непасрэднае дачыненне. У дадзеным выпадку трэба зазначыць, што калі нейкі сацыяльны феномен выклікае зацікаўленасць з боку шырокіх колаў публічнасці, то ён павінен быць навукова асэнсаваны і даследаваны. Згодна з такога роду падыходам, спорт у вялікай ступені выкарыстоўвае і сваеасабліва інтэрпрэтуе патэнцыял шэрагу найбольш агульных навуковых ведаў, у прыватнасці, медыцыны, біямеханікі, псіхалогіі, педагогікі, гісторыі, сацыялогіі, філасофіі, каб на іх падставе стварыць адмысловыя галіны навуковых ведаў. Разам з тым на працягу мінулага стагоддзя істотна мяняліся змест і сутнасць спорту, стаўленне да яго з боку грамадства ў цэлым.

Уводзіны

Пытанне асновы ведаў узнікае ўвогуле ў галіне навукі для самых разнастайных дысцыплін, у тым ліку і для навукі аб спорце. Гэтае пытанне адносіцца да адказу на пыты спартыўнай навукі і непасрэдна злучаецца з развіццём сацыяльнай субсістэмы спорту ў яго шматлікіх аспектах і кірунках. Феномен спорту – і перш за ўсё тады, калі ён злучаецца з аспектамі руху і гульні ў адукацыйных вымярэннях фізічнага выхавання і рэкрэацыі і ідзе далей да адукацыйнага ўзроўню, – мае магчымасць пашырыць свае перспектывы. Менавіта гэта і адбывалася ў значнай ступені на працягу мінулага стагоддзя. Такая сітуацыя можа быць растлумачана на прыкладзе мадэлі сучаснага спорту, калі прыняць пад увагу, напрыклад, прафесійны спорт, а таксама спорт, што падтрымліваецца тымі інстытутамі, якія маюць датацыі дзяржавы, і далей спорт у спартыўных клубах і асацыяцыях, спорт у камерцыйных установах, спорт у прыватных, ці неінстытуцыянальных, асяродках. Такім чынам, можна канстатаваць, што падставы ведаў спартыўнай навукі пашыраюцца. У сувязі з вышэй пазначаным апісанне падстаў ведаў спартыўнай навукі можа быць зроблена адразу па некалькіх параметрах, дзе дастаткова дакладна высвятляюцца прычыны хуткага пашырэння галіны спорту адносна яго навуковага ўспрымання, якое, дарэчы, працягваецца і зараз.

Перш за ўсё неабходна звярнуць увагу на розніцу паміж вобласцю тэорыі і вобласцю прадмета, ці дысцыплінарнай навукі. Тэарэтычная вобласць адносіцца да прыкладной субдысцыпліны, якая ў большай ці меншай ступені базуецца на акадэмічнай дысцыпліне і адпаведна ўсталявана гістарычна. Так званыя інтраадносіны паміж прыкладной субдысцыплінай і акадэмічнай «маткай», ці блізкай па сутнасці наукай, з'яўляюцца важнымі момантам у межах канцэптуальнага ўспрымання тэарэтычнай сферы.

Прадметная, ці дысцыплінарная вобласць прымае пад увагу навуковую адзінку, якая складаецца ў суадносінах (інтэрадносінах) паміж рознымі тэарэтычнымі абласцямі і датычыцца пэўнага прадмету, што можа звязвацца наўпрост з абласцямі руху, гульні і спорту, ці можа быць задачай вымярэнняў не толькі спартыўнай спецыфікі. Шматлікія даследніцкія тэмы разглядаюцца з міждысцыплінарнага пункту гледжання, дзе пэўная колькасць тэарэтычных абласцей залежыць ад вызначанага кірунку і інтэрпрэтуецца адносна сваіх навуковых вынікаў. Гэтыя тэмы прадстаўляюць свет спорту іншым разам у вельмі спрошчаным выглядзе, у той час калі тэарэтычныя вобласці маюць больш тэзавы і дысцыплінарна арыентаваны акадэмічны характар.

Дваістасць вызначанага падыходу (тэарэтычная вобласць і прадметная вобласць) дазваляе адказаць на пытанне «Што задавальняе патрэбы спартыўнай навукі?», а таксама прадстаўляе ў некалькіх параметрах навуковыя запыты, якія маюць статыстычны характар. Але ў той жа час тут выяўляецца яшчэ яго дынамічная зменлівасць як у межах груп тэарэтычнай вобласці, так і ў межах груп прадметнай вобласці. Акрамя таго, новыя вобласці могуць пашырацца ў межах гістарычнага развіцця спартыўнай дысцыпліны.

Некаторыя тэарэтыка-культуралагічныя накірункі функцыянавання навукі пра спорт у XX ст.

Першая катэгорыя ў дадзенай інтэрпрэтацыі ахоплівае тэарэтычную і прадметную вобласці, што існуюць у тым самым часе і прадстаўляюць значную частку ўсёй асновы ведаў спартыўнай навукі. Тут разглядаюцца сем тэарэтычных абласцей: спартыўная медыцына, спартыўная біямеханіка, псіхалогія спорту, педагогіка спорту, сацыялогія спорту, гісторыя спорту і філасофія спорту. Гэтыя сем тэарэтычных абласцей маюць дастаткова вялікі шэраг пазіцый у даследніцкай метадалогіі: ад эмпірыка-аналітычных (спартыўная медыцына) да герменэўтыка-тэарэтычных (філасофія спорту).

Другі параметр мае дычыненне да тэарэтычнай вобласці спартыўнай навукі, якая пачала інтэнсіўна развівацца ў XX ст. у вызначаных межах сістэмы ведаў аб спорце. Гэта навука пра інфармацыю і спорт, ці спартыўная інфармацыя; палітычная навука і спорт (палітыка спорту); юрыспрудэнцыя і спорт (спартыўнае права); тэхнікаарыентаваныя навукі і спорт (спартыўная індустрыя); эканоміка і спорт (эканоміка спорту). Развіццё гэтай вобласці спорту – прамое следства новай спартыўнай спецыфікі прафесійных запытаў грамадства, якія ўзнікаюць да таго ж у сістэме навучання, трэніроўкі і спартыўнай дзейнасці ў межах і па-за межамі школы.

Трэці складальнік улічвае такую прадметную вобласць спартыўнай навукі, якая мае непасрэдня адносіны да спорту. Гэта тэорыя руху, што ўключае маторыку паводзін, тэорыю гульні і тэорыю трэнінгу. Усё гэта падаецца як галоўная мэта спартыўнай навукі ў спробе інтэграваць вынікі тэарэтычнай вобласці адносна праблематыкі руху, гульні і трэнінгу.

Чацвёрты элемент утрымлівае ў сабе прадметную вобласць спартыўнай навукі, якая датычыцца спорту, з аднаго боку, і якая, тым не менш, таксама мае суадносіны з іншымі феноменамі і навуковымі дысцыплінамі. Напрыклад, прадстаўленне (спектакль) і прадстаўленне (гульня) у спорце, музыка і рух, рэкрэацыйны спорт, спорт і здароўе, спорт для інвалідаў, спартыўная журналістыка, агрэсія і гвалт у спорце. Маецца яшчэ шмат іншых прыкладаў на гэтую тэму на дадзеным узроўні (спорт і ўзроставыя праблемы; спорт і адміністраванне; спорт і ахова навакольнага асяроддзя). Пералік прыкладаў паказвае, як далёка могуць распаўсюджвацца запыты спартыўнай навукі. Зразумела, што ўсе гэтыя прадметныя вобласці таксама патрабуюць інтэграцыі і інтэрдyscyплінарных даследніцкіх вынікаў, вырашэння якіх часта не так лёгка дасягнуць.

Калі задаць пытанне «Чаму перш за ўсё выбіраюцца такія тэарэтычныя вобласці, як спартыўная медыцына, спартыўная біямеханіка, псіхалогія спорту, сацыялогія спорту, гісторыя спорту і філасофія спорту?», то адказ можа быць наступным. Гэты пералік узнікае на падставе лагічных следстваў. Паслядоўнасць тэарэтычных абласцей пачынаецца са спартыўнай медыцыны і спартыўнай біямеханікі, якія блізкія да чалавека як фізічнай істоты (прыродазнаўчыя навукі). Тры наступныя тэарэтычныя вобласці: псіхалогія спорту, педагогіка спорту і сацыялогія спорту – прадстаўляюць паводзіны чалавека ў халістычным варыянце (сацыяльна-біяхевіярысцкія, ці псіхалагічныя навукі). Дзве апошнія тэарэтычныя вобласці: гісторыя спорту і філасофія спорту – паўстаюць як усебакова вычарпальныя метамеркаванні адносна мінулага, сучаснага і будучага (герменэўтыка-нарматыўныя навукі). Такім чынам, мадэль можа быць прадэманстравана так-

сама як кантынуум ад канкрэтнага да абстрактнага, ад прыродазнаўчых навук да гуманітарных, ад эмпірыка-аналітычных да герменэўтыка-тэарэтычных, ад канкрэтных да абстрактных, ад дэскрыптыўных да нарматыўных і г.д. У межах гэтага кантынууму ствараецца шмат сувязяў і адносін.

Спартыўная медыцына ў структуры спорту прыкладна з сярэдзіны ХХ ст. пачала разглядацца ў якасці вельмі важнага складніка сацыяльнай актыўнасці. Спорт увогуле паўстае як рэалізацыя руху, які абмежаваны пэўнымі анатамічнымі і фізіялагічнымі перадумовамі. Спорт у сваіх размаітых формах робіць магчымым рэалізацыю адпаведнай спецыфічнай дзейнасці, што палягае на феномене руху, калі браць пад увагу функцыянаванне механізма, што складаецца з костак, мускулаў, мышцаў, звязак, суставаў, а таксама ўключае работу цыркулярнай і рэспіраторнай сістэм. Спартыўная медыцына, з аднаго боку, з'яўляецца спецыяльнай сферай прыкладной медыцыны, а з другога – тэарэтычнай вобласцю спартыўнай навукі. У межах спартыўнай медыцыны следствы спартыўнай дзейнасці (рух альбо яго адсутнасць) адносна чалавечага арганізму з'яўляюцца даследаванымі і праверанымі фізіялагічнымі і клінічнымі метадамі. Яшчэ спартыўная медыцына забяспечвае кантраляванне і дагляд за спартоўцамі на трэніроўках і спаборніцтвах. Яна мае справу са спартыўнымі траўмамі, а ў адносінах да няшчасных выпадкаў з'яўляецца прэвентыўнай, тэрапеўтычнай і рэабілітацыйнай мерай у сваіх даследаваннях і падыходах. Як вынікае з вышэй сказанага, тэарэтычныя (даследніцкія) і практычныя (прымяненне) аспекты паміж сабой цесна звязаны. Падставы ведаў спартыўнай медыцыны базуюцца на шэрагу вызначаных падрахункаў, якія тэрміналагічна могуць быць акрэслены як косткі, мускулы, нервы, кардыялагічная і цыркулярная сістэмы, дыханне, харчаванне, энэргія, сэнсорная сістэма, спорт і хваробы, спорт і экстрэмальныя варункі. Гэтыя аспекты яскрава дэманструюць, якой шырокай з'яўляецца тэарэтычная вобласць спартыўнай медыцыны. Для апісання таго, чым займаецца спартыўная медыцына, можна спаслацца да працы Вільдара Хольмана [8, s. 350], які звяртаў увагу на спробы тэарэтычнай і практычнай медыцыны прааналізаваць чалавечы арганізм як у варунках руху, трэнінгу і спартыўнай дзейнасці, так і ягонае функцыянаванне пры адсутнасці руху (здароўе, стомленасць асобаў усіх узростаў), а таксама забяспечыць неабходнымі ведамі пра папярэджанне, тэрапію і рэабілітацыю. У сучасным спорце спартыўная медыцына мае самыя непасрэдныя адносіны да допінгу. Распрацаваны разнастайныя навукова абгрунтаваныя праграмы для атлетаў, якія прымаюць афіцыйна забароненыя сродкі, каб палепшыць свае вынікі і здабыць перамогу. Тут яскрава вызначаецца маральная праблема, як у адносінах да спартыўнай медыцыны і да яе прадстаўнікоў (допінг шкодна адбываецца на функцыянаванні чалавечага арганізму; вядомыя выпадкі, калі яго ўжыванне прыводзіла да летальнага зыходу), так і да саміх спартоўцаў (парушаюцца прынцыпы Fair play). Праўда, у апошні час усё больш і больш галасоў чуецца за тое, каб увогуле скасаваць допінгавыя абмежаванні, таму што тут у пэўным сэнсе парушаюцца правы чалавека ў дачыненні да яго ўласнага здароўя, якім асоба мае права распараджацца па сваім выбары.

Яшчэ адным важным кампанентам у функцыянаванні спорту мінулага стагоддзя становіцца **спартыўная біямеханіка**. Генеральна спорт з'яўляецца формай чалавечага руху, які можа быць развіты да аптымальнага стану адэкватнымі працэдурамі праз навучанне, практыкаванне і трэніроўкі. Біялагічныя і механічныя аспекты руху выконваюць галоўную ролю ў працэсе рэалізацыі гульні. Па вялікім рахунку спартыўная біямеханіка – гэта тэарэтычная вобласць спартыўнай навукі, якая звязана з рухам як вымярэннем паводзін чалавека. З дапамогай вельмі разнастайных тэхналогій яны неаднарадова правераны. Іх вынікі пастаянна выкарыстоўваюцца для развіцця аптымальнай тэхнікі спаборніцтваў у спорце. Падставы ведаў спартыўнай біямеханікі вызначаюцца на прыкладах апісання руху (маторная мадэль), тлумачэння прымянення сілы, біямеханічных

параметрах для пэўных варункаў і каардынацыі, аналізу і ўздыме майстэрства ў розных відах спорту, біямеханічнай падтрымцы ў навучанні, практыкаваннях і трэнінгу, запытаў адносна рухавага апарату, вытворчасці спартыўнага абсталявання і інвентару, развіцця біялагічных тэорый (прынцыпы і законы) і вымяральных працэдураў. Адно з тлумачэнняў спартыўнай біямеханікі належыць Вольфгангу Баўману [2, s. 79–80], які падкрэсліў, што запытам спартыўнай біямеханікі з’яўляецца чалавечае цела і спартыўны рух, а задачамі – аб’ектыўнае і колькаснае апісанне і інтэрпрэтацыя рэальнасці з выкарыстаннем ў вялікай ступені мовы матэматыкі. Тут прымяняецца такая вымяральная тэхніка, як біямеханічная антрапаметрыя, кінеметрыя, дынамаметрыя і электраміяграфія. Асноўнымі механічнымі параметрамі з’яўляюцца час, дыстанцыя, маса; вытворнымі параметрамі – хуткасць, сіла, імпульс, кручэнне, праца, энергія, моц. Біялагічныя падставы прадстаўлены ў структуры і прызначэнні пасіўнага руху ўсяго чалавечага апарату. На гэтых падставах базуюцца біямеханічныя прынцыпы, якія сфармаваны такім чынам, што дазваляюць меркаваць пра эфектыўнасць руху. Магчымыя крытэрыі для далейшай аптымізацыі ў гэтай сферы патэнцыяльна ўтрымліваюцца ў наступным: мінімалізацыя энергіі патрэбаў, мінімалізацыя напружання рухавага апарату, удасканаленне выканання для рухавага апарату, максімалізацыя мускульнай моцы. Біямеханічная тэхніка вымярэння ў адносінах да тыпу і параметраў працэдуры даследавання можа вар’іравацца ў залежнасці ад пастаўленай задачы, на падставе, напрыклад, распрацоўкі адпаведнай праграмы з прымяненнем кінематыкі і дынамаметрыі. У залежнасці ад патрэбаў можа выкарыстоўвацца механічная, электронная і аптычная вымяральная тэхніка.

Чарговым элементам, які займае важнае месца ў сістэме спартыўнай дзейнасці, з’яўляецца *псіхалогія спорту*. У дадзеным выпадку адносна шэрагу вымярэнняў чалавечай актыўнасці маторныя, пазнавальныя і афектыўныя кампаненты ў сукупнасці з паводзінамі набываюць асаблівае значэнне. Псіхалогія спорту бярэ пад увагу як прыкладную і спецыяльную псіхалогію, так і тэарэтычную вобласць спартыўнай навукі з размаітымі аспектамі чалавечых паводзін, якія маюць дачыненне да спорту. Гэта адносіцца як да прычын і перадумоў працэсу фармавання адпаведных структур, дасведчанасці, так і да вынікаў і сацыяльна імпліцытаваных адносін і паводзін у спорце. Сістэма псіхалогіі спорту можа разглядацца ў трох перспектывах:

- 1) псіхалогія розных відаў спорту, такіх як, напрыклад, плаванне;
- 2) псіхалогія розных спартыўных сфер, напрыклад, вышэйшы ўзровень атлетыкі;
- 3) псіхалогія асновы паводзін (мадэль) у спорце, напрыклад, псіхалогія гульні.

Падставы ведаў псіхалогіі спорту можна абгрунтаваць і інтэрпрэтаваць згодна з рознымі крытэрыямі, што ўлічваюць такія элементы, як псіхалогія дзейнасці, спартыўнай трэніроўкі і спаборніцтваў, аспекты спартыўнай псіхалогіі ў спартыўных дысцыплінах, наяўнасць таленту ў спорце, самарэалізацыя асобы ў спорце: маторыка развіцця, маторыка навучання, маторыка кантралявання, аспекты сацыяльнай псіхалогіі, рухавая тэрапія і рухавая адукацыя, матывацыйная псіхалогія, дыягностыка пазнавальных і афектыўных аспектаў выступленняў у спорце. У сістэме навуковых акрэсленняў Хартмут Габлер [4, s. 353–355] вылучае псіхалогію спорту ў якасці такой галіны ведаў, дзе робіцца спроба зарэгістраваць як мага больш дакладна чалавечыя паводзіны і дасведчанне на практыцы спартыўнай дзейнасці. Сюды ўключаецца апісанне магчыма нязменнага стану і патэнцыяльных змяненняў, а таксама праблематыка іх вымярэння. У дадзеным выпадку вельмі важна вызначаць не толькі нязменныя перадумовы, але яшчэ і тыя, што мяняюцца, і ў дадатак прадказваць, калі гэта магчыма, будучы працэс. Галоўныя вынікі апошніх даследаванняў і літаратура па спартыўнай псіхалогіі акцэнтуюць увагу як на абшары навучання і развіцця псіхалогіі, матывацыі і псіхалогіі асобы, так і на сацыяльнай псіхалогіі. Акрамя навучання і правядзення даследаванняў спартыўная псіхалогія імкліва ідзе да складанай сістэмы парад для атлетаў самага высокага класу. У свят-

ле гэтых задач і дзейнасці робіцца сэнсоўным характарызаваць псіхалогію спорту як адносна незалежную частку псіхалогіі. Псіхалогія можа апісваць сваю ўнутраную структуру разнастайнымі значэннямі ў адмысловых відах дзейнасці: адносіны ў псіхалогіі, што не арыентаваны на даследніцкія віды актыўнасці (парады атлетам); псіхалага-тэхналагічныя інавацыйныя (даследніцкія) віды дзейнасці (напрыклад, праблема вырашэння тэорыі паводзін у лыжным спорце). Адносна сувязі псіхалогіі спорту са спартыўнай навукай у цэлым дадатковыя ўзроўні ўзаемага навуковага супрацоўніцтва могуць выглядаць наступным чынам: дысцыплінарная арыентаванасць; інтэрдyscyплінарна-дадатковая арыентаванасць; інтэрдyscyплінарна-інтэгратыўная арыентаванасць.

Спорт для індывіда падставова з'яўляецца формай чалавечага руху, для якога і праз які ён мае магчымасці вучыцца. **Педагогіка спорту** ў такім разе ёсць, з аднаго боку, адмысловай і дасоўнай педагогікай у самым агульным успрыманні, а з другога боку, падаецца як тэарэтычнае поле спартыўнай навукі. Яна ўключае ў сябе функцыянальны (непазначаны) і прагназаваны (планаваны) патэнцыял, але разам з тым можна меркаваць і пра недахоп спецыяльнай адукацыі ў сферы руху, гульні і спорту. Педагогіка спорту прадугледжвае навучанне і вывучэнне для ўсіх узроставых груп без дыскрымінацыі адносна полу, расы, рэлігіі ці сацыяльна-эканамічнага статусу. Навучанне і вывучэнне адбываецца як у межах дзяржаўных інстытутаў, так і па-за імі. Мэтавымі групамі для педагогікі спорту з'яўляюцца асобы пэўнага ўзросту і кваліфікацыі (напрыклад, група інвалідаў) і індывіды, якія маюць талент і матывацыю для выступлення на вышэйшым узроўні (трэнінгавыя групы). Тэорыя спорту з аднаго боку і адпаведныя інструкцыі тэорыі спорту з другога забяспечваюць інфармацыю для развіцця па аптымальнай практычнай арыентацыі ў накірунку да руху, гульні і спорту з тэарэтычнага пункту гледжання. Прыкладамі фармавання падстаў ведаў педагогікі спорту з'яўляюцца гістарычныя перспектывы педагогікі спорту, самапаразуменне і прырода педагогікі спорту, антрапалагічныя падставы, курс тэорыі спорту, навучанне тэорыі спорту, параўнальныя аспекты педагогікі спорту. Омма Групэ і Дзітрых Курц [5, s. 351–352] вызначаюць педагогіку спорта як навуку, што аналізуе адносіны паміж спортам і адукацыяй. Гэта праяўляецца ў тым, што педагогіка спорту забяспечвае тэарэтычныя падставы для практыкі ў спорце. Гэтая практыка (як адукацыйная) падтрымлівае чалавечае развіццё і ўзбагачае жыццё. Таксама важным падаецца факт, што людзі могуць вывучаць і развіваць уласныя магчымасці на працягу ўсяго свайго жыцця. Педагогіка спорту ўключае ў сваю дзейнасць патрабаванні, якім адпавядаюць дарослыя, сталыя людзі, і людзі, якія быццам бы з'яўляюцца непаўналетнімі (напрыклад, інваліды). Педагогіка спорту ў чалавечым быцці паказвае сацыяльную актыўнасць у больш шырокім кантэксце пазначанага руху, цела, гульні, здароўя і правядзення вольнага часу. Такім чынам, праца па адукацыі мае на ўвазе падыходы сацыялізаванага ўплыву на спробы развіцця цела, руху, гульні і спорту.

Як важны грамадскі феномен спорт паўстае ў выглядзе аб'екта, які сфармаваны шматлікімі сацыякультурнымі фактарамі. **Сацыялогія спорту** ў гэтым выпадку з'яўляецца, з аднаго боку, адмысловай і прыкладной сацыялогіяй, а з другога – тэарэтычнай вобласцю спартыўнай навукі. Мэта спартыўнай сацыялогіі заключаецца ў тым, каб даследаваць поле дзейнасці спорту адносна яго ўнутранай структуры і палажэння ў грамадстве (вонкавая структура). Сюды ўключаюцца як пытанні мікрасацыялогіі групавых паводзін, так і макрасацыялогіі арганізацыйных структур нацыянальнай сістэмы спорту. Згодна з Клаусам Хайнеманам [7, s. 70–81] сюды могуць быць залічаны тры наступныя сферы:

- 1) перадумовы спорту і яго прывабнасць з пункту гледжання тэорыі дзейнасці;
- 2) сацыяльная структура спорту і спартыўныя групы;
- 3) адносіны паміж спортам і грамадствам.

Сацыялогія спорту выкарыстоўвае шырокія магчымасці ў атрыманні ведаў на розных узроўнях: ад тэарэтыка-герменеўтычных да эмпірыка-аналітычных. Падставы ведаў сацыялогіі спорту грунтуюцца на вызначэнні суадносінаў спорту і грамадства, спорту і галоўных відаў чалавечай жыццёвай дзейнасці (штодзённы распарадак, праца, вольны час), спорту і сацыяльнай сферы, спорту і сацыяльных інстытутаў і арганізацыяў, спорту і асобы, спорту і працэсаў сацыялізацыі, спорту і грамадскіх праблемаў, спорту і цывілізацыйнага развіцця. Адносна вызначэння сацыялогіі спорту К. Хайнеман лічыць, што сацыялогія спорту перш за ўсё з'яўляецца часткай сацыялогіі ўвогуле, але таксама і часткай спартыўнай навукі ў прыватнасці [6, s. 358–359]. Такім чынам, сацыялогія спорту ўключае ў сябе такія даследніцкія напрамкі, як вывучэнне ўнутранай структуры, палажэнне ў дачыненні да розных форм грамадства, функцыянальнае і сімвалічнае значэнне і г.д. Сацыялогія спорту з'яўляецца таксама адмысловай спартыўнай наукай з уключэннем у сваю дзейнасць спецыфічных праблем спорту, імкненнем знайсці рашэнні для бягучых пытанняў у межах поля свайго распаўсюджвання ў супрацоўніцтве з іншымі навукамі. Сацыялогія спорту суадносіцца з сацыялогіяй сацыяльных сістэм у шматлікай абумоўленасці і ўплывам на спорт культурных каштоўнасцей і сацыяструктурных варункаў ў грамадстве. Сацыялогія спорту аналізуе сацыяльныя структуры і працэсы ў межах самога спорту. І, зразумела, вельмі важным з'яўляецца ўплыў спорту не толькі на асобных індывідаў, але і на такія сацыяльныя сферы, як сям'я, праца, палітыка, царква, адукацыйная сістэма, сацыяльную структуру ўцэлым.

Спорт як сацыяльны феномен гістарычна пастаянна развіваўся і змяняўся. У сваёй сучаснай форме ён паўстае як усеагульная адзінка ў аспектах, падобных да калістэнікі, гімнастыкі, гульні, танцу і г.д. Такое становішча можа быць лепш зразумела на падставе яго гістарычнага развіцця. *Гісторыя спорту* з'яўляецца, з аднаго боку, часткай гісторыі ўвогуле, а з другога – тэарэтычным полем спартыўнай навукі. Гісторыя спорту ўключае ў сябе прадстаўленне і тлумачэнне развіцця фізічнай актыўнасці і фізічнай адукацыі ў шырокім сэнсе. Гісторыя спорту спрабуе прааналізаваць і растлумачыць мінулае, а таксама збудаваны на ёй базіс, аб'ектыўнае і рацыянальнае ўяўленне, асэнсаванне і інтэрпрэтацыю актуальнага стану руху, гульні і спорту. Нарэшце, гістарычныя веды маюць уплыў на будучае развіццё спорту. У гісторыі спорту перад усім належыць улічваць тыя падставы ведаў, якія маюць дачыненне да грэчаскай і рымскай антычнасці, фізічнай актыўнасці ў Сярэднявеччы і эпоху Асветы, гісторыі руху, калістэнікі і гімнастыкі, гульні і спорту ўвогуле. Да гэтага раздзелу варта таксама далучыць рэформу педагогікі ў пачатку ХХ ст., аналіз спорту і фізічнай дзейнасці ў варунках таталітарнага рэжыму (1918–1991 гг.). Хартмут Бэкер і Ханс Лангенфельд характарызуюць гісторыю спорту на падставе таго, што яна з'яўляецца не толькі часткай спартыўнай навукі, але ў прынцыпе разглядаецца таксама як неад'емная частка агульнай гістарычнай навукі [3, s. 345–346]. Яна ўключае ў сябе даследаванні па выяўленню гістарычных форм фізічнай актыўнасці, гістарычных сістэм фізічнай адукацыі ўсіх часоў і народаў, іх ідэалагічнае, арганізацыйнае і інстытуцыянальнае развіццё. Напрыклад, у тым канцэптуальным падыходзе, які быў распрацаваны ў былой ФРГ, гісторыя спорту ўключала пытанні культуры, матываў і ўніверсальных. У той самы час ГДР прэзентавала канцэпцыю гісторыі спорту на падставе дыялектычнага і гістарычнага матэрыялізму. Гэта была гісторыя фізічнай культуры, якая бачылася як сацыяльна-палітычны феномен у шчыльным узаемадзеянні з развіццём вытворчасці. У межах гісторыі спорту назіраюцца разнастайныя схемы, якія далей разышліся па перыядах, не былі арыентаванымі выключна на дату палітычнай гісторыі, але ў пэўнай ступені прымалі пад увагу варункі сацыяльнага, эканамічнага, культурнага і чалавечага развіцця і іх узаемныя адносіны.

Спорт таксама паўстае як пэўная форма чалавечага жыцця, якая можа быць растлумачана паводле перспектывы шэрагу паддысцыплін усеагульнай філасофіі, такіх

як антрапалогія, анталогія, культуралогія, эстэтыка, этыка і інш. Спорт успрымаецца на ўзроўні сваеасаблівай інтэрпрэтацыі быцця, дзе чалавек актуалізуе сваё цела праз рух, дзе прадукуюцца разнаітасць дзеянняў. Такім чынам, спорт з'яўляецца феноменам з вялікай сутнаснай разнастайнасцю адносна магчымасцей для самарэалізацыі чалавечага жыцця. Зрэшты, **філасофія спорту** мае сваю спецыфіку і выступае ў якасці дастасоўнай дысцыпліны, але ў той жа самы час яна з'яўляецца тэрэтычнай вобласцю спартыўнай навукі і ўключае ў сябе спецыяльныя даследаванні па перадумовах і інтэрпрэтацыях спорту ў яго разнастайных формах рэалізацыі. Філасофія спорту таксама робіць унёсак у навуковыя падставы тэрэтычных палёў, ці субдысцыплін спартыўнай навукі. Акрамя таго, яна можа быць разгледжана як прыкладная філасофія, што ўключае ў сябе цэнтральныя з'явы ў грамадстве: рэлігію, мастацтва, эканоміку і непасрэдна філасофію. Але калі, напрыклад, тэрэтычнае поле гісторыі спорту пераважна базуецца на рэтра-спектыве, філасофія спорту засярэджана больш на перспектыве і, такім чынам, забяспечвае неабходнасць параўнальнага аналізу і адлюстравання спорту ў яго розных формах як галоўнага сацыяльнага феномену. Больш дэталёвы навуковы аналіз адносна падставаў ведаў у філасофіі спорту мае дачыненне да навуковай тэорыі спартыўнай навукі, да антрапалогіі ў вымярэннях чалавечага цела, да філасофіі выяўлення, прэзентацыі, ці прадстаўлення, у спорце, да філасофіі гульні, да эстэтычнага зместу спорту, да ўплыву сацыяльнай філасофіі на спорт, да этычнага складальніка ў спорце, да філасофіі руху, ці кінефіласофіі. Напрыклад, вядомы нямецкі навуковец Ханс Ленк вызначае філасофію спорту на падставе яго інтэрпрэтацыі як індывідуальнага і сацыяльнага феномену, адукацыйнае поле якой бярэ пачаткі ад разнаітых філасофскіх структур: філасофскай антрапалогіі, эстэтыкі, экзістэнцыяльнай філасофіі, філасофіі жыцця, феноменалогіі, сацыяльнай філасофіі і культуралогіі [9, s. 282–283]. У даследніцкім накірунку да яе першачарговых тэм і задач належаць філасофскія падставы педагогікі спорту, аналіз спартыўнай навукі з пункту гледжання навуковай тэорыі і развіцця агульнай тэорыі пазнання, абгрунтаванне адметнасці спартыўнай дзейнасці ў дачыненні да паводзін, што арыентаваны на спаборніцтва і фізічны высілак. Філасофія спорту паўстае як адносна новая дысцыпліна, па вялікім рахунку яе развіццё адбываецца на працягу апошніх паўтара-двух дзесяцігоддзяў мінулага стагоддзя, калі шэраг пытанняў па дадзенай праблематыцы сталі задавацца асабліва часта.

Што з'яўляецца вызначальным для спорту з пункту гледжання філасофіі? Перш за ўсё, гэта новы напрамак у спробе асэнсавання сацыяльнай рэчаіснасці на падставе сацыяльна-філасофскіх інтэрпрэтацый як традыцыйных, так і сучасных філасофскіх арыентацый. З метадалагічнага пункту гледжання тут пераважаюць феноменалагічныя метады. У апошні час усё больш і больш пачынаюць дамінаваць мультыкатэгарыяльныя параметры. Яны ў пэўным сэнсе аб'ядналі гуманістычныя аспекты, рэальныя паводзіны і спартыўную навуку.

Заклучэнне

У Законе Рэспублікі Беларусь «Аб фізічнай культуры і спорце» (у рэдакцыі 2014 г.) даецца азначэнне таго, што трэба разумець пад паняццем «фізічная культура»: гэта «складавая частка культуры, сфера дзейнасці, якая вы-казвае сабой сукупнасць духоўных і матэрыяльных каштоўнасцей, што ствараюцца і выкарыстоўваюцца грамадствам у мэтах фізічнага развіцця чалавека, удасканалення яго рухавай актыўнасці, накіраваная на ўмацаванне ягонага здароўя, на садзейнічанне гарманічнаму развіццю асобы» [1]. Звяртае на сябе ўвагу тое, што фізічная культура адназначна трактуецца як неад'емная частка культуры грамадства, а з гэтага вынікае, што ўсе тыя законы і заканамернасці грамадскага развіцця, якія маюць месца ў культуры, адносяцца не толькі да фізічнай культуры, але таксама і да спорту.

Спорт у Законе Рэспублікі Беларусь «Аб фізічнай культуры і спорце» падаецца як «сацыяльна-культурная дзейнасць, што ажыццяўляецца ў форме спаборніцтваў і падрыхтоўкі да ўдзелу ў спаборніцтвах», хоць такі падыход выглядае абмежаваным, калі ўзгадаць усю тую сістэму навуковых ведаў і сацыяльных сувязей, на якія звярталася ўвага пры аналізе адносін спорту як з іншымі навуковымі ведамі, так і на сувязь яго з іншымі грамадскімі феноменамі. Зразумела, што імклівае развіццё сучаснага глабалізацыйнага грамадства з адчувальным уплывам інфармацыйных тэхналогій зрабіла моцны адбітак практычна на ўсе аспекты функцыянавання спартыўнай навукі, але гэтая тэматыка можа стаць новым аб'ектам у серыі даследаванняў дадзенага феномену з пункту гледжання дасягненняў навуковых ведаў ужо ў XXI ст.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-З : принят Палатой представителей 5 дек. 2013 г. : одобр. Советом Респ. 19 дек. 2003 г. – Режим доступа: http://www.pravo.by/upload/docs/op/H11400-125_1390251600.pdf. – Дата доступа: 05.10.2017.
2. Baumann, W. Biomechanik / W. Baumann // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig. – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 79–80.
3. Becker, H. Sportgeschichte / H. Becker, H. Langenfeld // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig. – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 345–346.
4. Gabler, H. Sportpsychologie / H. Gabler // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig P. – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 353–355.
5. Grupe, O. Sportpädagogie / O. Grupe, D. Kurz // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig. – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 351–352.
6. Heinemann, K. Sportsoziologie / K. Heinemann // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig. – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 358–359.
7. Heinemann, K. Sportsoziologie / K. Heinemann // Theorie- und Themenfelder der Sportwissenschaft / red. H. Haag, B. G. Strauß, S. Heinze. – Schorndorf : Hofmann, 1989. – S. 70–81.
8. Hollmann, W. Sportmedizin / W. Hollmann // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig P. – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 350.
9. Lenk, H. Sportphilosophie / H. Lenk // Sportwissenschaftliches Lexikon / red. P. Röthig. – Schorndorf : Hofmann, 1983. – S. 282–283.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.10.2017

Lukievich U.P. Theoretical and Cultural Foundations of Science Knowledge about Sport: the Retrospectives of the Twentieth Century

The article shows the formation and development of the science of sport in socio-cultural space of the twentieth century was associated with the development of the consumer society, the products of which were soon sporting events and all the circumstances, that it take a direct relationship with. In this case, it should be noted that if any social phenomenon is generating interest from a broad sector of the public, it must be scientifically comprehended and researched. According to such approach, the activities to a large extent uses and especially interprets the potential of some of the most common scientific knowledge, in particular, medicine, biomechanics, psychology, pedagogy, history, sociology, philosophy to them to create a special branch of scientific knowledge. However, over the last century the content and nature of the sport, attitude of the society as a whole has considerably changed.

УДК:101.1:316

М.Я. Мацевич

канд. филос. наук, доц.,

доц. каф. государственного управления социальной сферой и белорусоведения
Академии управления при Президенте Республики Беларусь

e-mail: matsevich@mail.ru

**«ПРОФАНАЦИЯ» КАК «ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА»
В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

В статье посредством обращения к трудам современного итальянского философа Джорджо Агамбена показывается невозможность рассмотрения философии и политики, антропологии и экологии как двух автономных, независящих друг от друга сфер, сфер мысли и действия. Автор, следуя логике рассуждений Агамбена, эксплицирует широкие возможности современных техник «профанаций», позволяющих каждому отдельному индивиду открывать в себе все новые и новые неизведанные грани, новые способы существования и новые смыслы жизни. Именно формы профанируемого в современном мире становятся наиболее эффективными формами политики, идеологии, науки, философии и т.д.

Введение

Джорджо Агамбен (род в 1942 г.), итальянский философ, медиевист, литературовед, является одной из важнейших фигур в современном леваческом движении. Он прославился прежде всего концепцией, изложенной в трилогии «Homo Sacer» [1; 2], о «чрезвычайности положения» современных форм власти. Идя по стопам В. Беньямина и М. Фуко, Агамбен усугубляет проблему соотношения форм законности и насилия, форм внедрения властных интенций в тело гражданина, когда жизнь большинства сводится к животному существованию, «голой жизни», противопоставленной «биосу».

Черпая темы для своих исследований в творчестве М. Фуко, Агамбен старается идти дальше. В книге «Открытое. Человек и животное» [3] он вводит концепцию «антропологической машины». «Антропологическая машина» – это различные научные, онтологические, политические соображения о создании фундаментальных теорий, «фундаментальной цензуры» по поводу взаимоотношений между человеком и животным. Эта машина имеет и современное пост-дарвиновское проявление. Современная «антропологическая машина» связана с демаркацией именно того, что является чисто животным в определенной части человеческой жизни, чтобы объявить ту часть человеческой жизни, которая не может быть «анимализированной», «человеческим в человеке», в частности, «разумность». Независимо от того, идет ли речь о дискурсах современных или нет, вид «антропологической машины» подобен политическому действию [3, р. 77]. Он создает возможность для восприятия не-человека человеком. Человек переводится в формат собственной возможности, возможности бытия и небытия, оказываясь априорно в долгу. Исключение повсеместно превращается в закон, а сфера «голой жизни», которая изначально располагалась на границах политического порядка, постепенно начинает совпадать с пространством «Человеческого».

Каждый из нас становится Homo Sacer – «проклятым», «отщепенцем» (sacer), кого можно убить, но не принести в жертву. «Человек священный принадлежит Богу в форме невозможности принесения в жертву и включается в общество в форме существа, которое можно убить» [2, с. 170]. Биополитика становится хайдеггеровским «чистым бытием», «чистой метафизикой», биополитическое – политическим.

Итальянский философ ищет ответы не только на вопрос Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Он дополняет его вопросом, унаследованным от Ханны Арендт: «Что это значит – действовать политически?». Бытие человека сводится к «бытию любого»,

открывающего возможности всякого места, «бытию как слабости», «молчаливой форме сопротивления», бытию в концлагере повседневного жизненного пространства.

На основании историко-философской дескрипции, культурологической компаративистики, этимологического анализа обратимся к исследованию трех работ Джорджио Агамбена «Открытое. Человек и животное», «Профанации» и «Homo Sacer».

Цель статьи – эксплицировать (раскрыть) отсутствие границ и модальностей «профанируемого» в современном мире.

А именно, на примере творчества Агамбена, показать, что подразумевается под знаком «профанации», какие изменения в наших мыслительных структурах соответствует реальным изменениям в состоянии мирских дел. Основная интенция автора статьи, опираясь на идеи Агамбена, Фуко и некоторых иных мыслителей XX века, задать контуры «профанации» как нейтрализация того, что профанируется, тем самым привнося волшебство в повседневную жизнь и обеспечивая свободное правление полисингулярности.

Достижение поставленной цели обуславливает необходимость решения следующих задач:

- 1) систематизировать философские воззрения Агамбена;
- 2) определить основные тенденции возможного противостояния индивида «голой жизни» и «антропологическим машинам»;
- 3) выявить сущность государственного капитализма как социального заказа современности;
- 4) показать экзистенциальное место каждого индивида в условиях современных рыночных отношений.

«Профанация» как деактивация современных механизмов власти

В своем отражении явления профанации Агамбен исходит из анализа этимологии этого слова, истории использования данного понятия, его становления в языке и современных современных значений, которые оно ныне вызывает. В Древнем Риме, например, латинское слово «profanatio» означало осквернение святыни. Таким образом, выделялись пространство божественного, сакрального и того, что было от него отделено, т.е., общественная сфера. Агамбен расширяет значение слова «профанация», пытаясь вернуть человеку свободное использование того, что было изъято и помещено постепенно в отдельную сферу, вне контроля общества. Отсюда его модель «профанаций» превращается в модель детской игры, в которой объекты экономики, политики, науки, искусства, человеческой судьбы становятся «гераклитовскими» игрушками в руках ребенка. Изменение своей судьбы делается источником бесконечного использования и множества интерпретаций. Таким способом, «профанация» деактивирует механизмы власти и возвращает в общественное употребление пространства, ранее захваченные ею.

Философия издревле ставила перед собой задачи поиска смысла: она подсказывала спрашивавшему, какое судебное решение можно принять, учитывая конечность предвидения. Но, как любил говорить Мартин Хайдеггер, вопросы возникают только тогда, когда становятся возможными, а в конечном итоге, и необходимыми. Добродетель стала сомнительной в условиях кризиса, кризиса полиса и софистической системы законов, языка. Кризис, возникший в письменности, превратился из мнемонического инструмента в системе государственной власти в систему поддержки индивидуального сознания. Это новое применение написания создало появление щели: с одной стороны, между законом и справедливостью, с другой стороны, между речью и знанием (софист говорит обо всем, но правда – в чем-то одном). Этот разрыв ознаменовал открытие возможности интерпретации, вследствие чего, в свою очередь, развивалась и философия.

Сохранение этого кризиса письма описывает ситуацию функционирования западной философии. Однако настойчивость не следует путать с постоянством: то, что начинается, можно изменить или прекратить. Отсюда вопрос, является ли философия с ее «самопониманием» несомненным наследием этого кризиса и «функционером», принявшим на себя добровольную роль вечного «обновленчества», либо, наоборот, это «самопонимание» постепенно стало представлять собой предел нашей способности измерения этико-политических потребностей современного мира? Поскольку Джорджио Агамбен является философом, он также наследует эту ситуацию, пытаясь ее проанализировать с точки зрения закона и языка. Согласно логике его рассуждений, закон остался в силе, но без «значения», и задача состоит в том, чтобы изобрести средство, позволившее эффективно выйти из этой ситуации. Современная юриспруденция вступила в силу без «значения» подразумеваемого; наступил кризис суверенитета. Его симптомами стали: 1) тенденция состояния исключения как правила и 2) появление «лагерей», «зон» как пространственное воплощение этой новой парадигмы. Понятие «Так» ныне раскрывает онтологию мира как любого, а не как «наилучшего» или «наихудшего». Современный мир престаёт быть миром «любой» повседневности, миром высвобожденной «таковости». Описываемый диагноз сегодня массово применяется во многих существующих геополитических тенденциях.

Во второй главе «Профанаций» – «Гений» – Агамбен показывает, что «рисование» характеризует гения с безличностной стороны; рисуя, провоцирует нас завладеть тем, что нам еще не принадлежит, вскрывая наши доиндивидуальные потенциалы. Таким образом, когда «Я» стремлюсь писать, я не только опираюсь на нечто безличное в себе, но на самом деле в ответ на что-то во мне, которое мне не принадлежит, я толкаю себя в жизнь. Когда «Я» пишу, каким-то образом борясь со своей субъективацией, оживает нечто внешнее, казавшееся ранее обреченным на провал. В этом отношении индивидуация как процесс всегда неизбежно остается неполной [4, p. 13].

Следует отметить, что пример Агамбена относительно самовыражения гения о том, «что» в нас, «которое» не принадлежит нам, есть пример исторического процесса экстерниоризации (принятия себя внешними по отношению к себе и процесса, который работает за счет использования технического аппарата, который сам «внешен»). История человечества, как показал Андре Леруа, есть не что иное, как история процесса самой экстерниоризации. Агамбен описывает подобные отношения между временностью и экстерниоризацией в главе под названием «Судный день». Он видит странную взаимосвязь между фотографией и истолкованием смысла Страшного суда, Апокалипсиса. Эта связь заключается в способе, в котором фотография записывает и сохраняет изображения человеческих жестов (его примером является изображение Л. Дагера на бульваре «разбитых надежд», первая фотография, содержащая изображение лица). Агамбен утверждает, что существуют «тайные отношения между жестом и фотографией» [4, p. 24].

Философ видит в этом исторический казус или секрет. Получается, что «точные отношения» датируют запись, которая содержится в фотографии, представляя исторический показатель, но тот, который «теперь относится к другому времени, более актуальному и более значимому, чем “время хронологическое”» [4, p. 25]. Отсюда «хронологическое» время стало возможным благодаря фотографическим аппаратам; время, которое Хайдеггер бы называл «недостовверной временностью», само по себе сделалось возможным, и вопреки Хайдеггеру, – «подлинной временностью». Поэтому Агамбен видит в фотографии протоколирование человеческих жестов, «определенных требований» («фотография требует чего-то от нас») [4, p. 25]. Другими словами, «аппаратность», «фотографичность» становятся основами современной этики.

Что за этика проистекает из фотографического аппарата, когда сущность фотографии перестает быть производственной? Как «это» (термин Р. Барта) фотографии становится «этим», а не случайностью?

Агамбену удалось подойти к ответам на подобные вопросы; он признается: коренные преобразования в характере изображения в настоящее время изменили характер существования как такового, т.е. изменили условия психической и коллективной индивидуации. В главе «Будучи специалистом» Агамбен обеспокоен, посредством чего возможно очертить онтологии изображения из таких форм, как мимолетный кинематографический образ или изображение, которое мы видим в зеркале. Их бытие состоит в том, чтобы помочь нам свершиться «приходу в видимость» [4, р. 50]. Кроме того, если на изображении мы видим себя в зеркале, не имея «значения», тем не менее экстерииоризация происходит. Зеркало, экран становятся не принадлежащим к нам самостоятельным сайтом, на котором мы таким образом обнаруживаем себя. Из чего явствует открытие о возможности открытия себя, они совпадают, как это происходит во всех формах экстерииоризации (с открытием щели в себе). Операция, посредством которой мы индивидуализируем себя на основе этого разрыва, является не чем иным, как процессом рисования на нашем «эго» доиндивидуальных потенциалов [4, р. 57].

И поскольку описываемое является основой любви к себе, в онтологическом плане мир освобожденного «так» есть мир любимый. Или, наоборот, «любимое» бытие есть бытие высвобожденного «так» – абсолютно случайное, проявленное, заданное как абсолютно необходимое. Агамбен напоминает о «логике любви, засвидетельствованной в древнем мире: мы любим кого-то не за то или иное качество, умение или воплощаемую ценность, но поскольку это лицо – это вот это лицо, эти глаза – это вот эти глаза, они представляются лицами как таковыми, глазами как таковыми» (ссылка идет далее на облик Нарцисса. – М. М.) [4, р. 57].

Процесс индивидуации всегда мой процесс индивидуации, т.е. индивидуализации своего особого бытия как «наилучшего» или «наихудшего», и последняя тайна – тайна абсолютно случайного. «Специальное бытие» превращается в овладение абсолютно случайным, трансформируясь в абсолютное высвобождение [4, р. 59].

«Поскольку “так” – это не просто то, что нельзя изменить, но это то, что есть так. “Так” и есть то, что нельзя поправить или спасти, ибо бытие (как и любовь, – замечает Агамбен. – М. М.) неспасаемо, поскольку оно не требует спасения. И продолжает: в принципе неспасаемо то, что не требует спасения. Ибо в этом и состоит парадокс спасения: спасение состоит в том, что уже нечего спасать. Или: спасение есть, но всегда уже не для нас. Поэтому абсолютно необратимое, неспасаемое уже спасено в том, что не подлежит спасению. Не подлежащие никакому спасению и есть начало любого спасения, это абсолютная точка начала и конца всякой морали добра и зла и начало этического. “Я тебя прощаю, потому что ты ни в чем не виноват”, – в этом и заключается априорная формула прощения, другого фундаментального акта, жеста или события культуры, указывает Ж. Деррида» [5, с. 45].

Современный капитализм как перформанс чистейших профанаций

Агамбен выделяет три аспекта, по которым нынешний капитализм можно рассматривать как специфически религиозный: 1) это крайний культ, все и вся становятся «посвященными», «культовость» в своих целях, а не на основании «фактичности»; 2) смешение работы и праздничных дней, что делает работу в любом случае культом (и, добавим, что заставляет выходные и праздничные дни делать в такое время, когда это поощряется культом потребления, который сегодня стоит в самом сердце описываемой системы); 3) «культ» равен вине [4, р. 80].

Итальянский мыслитель определяет религию как то, что «снимает вещи из общего пользования и передает их в отдельные сферы» (это эффект освящения жертвенного ритуала) [4, р. 74]. Он рассматривает игру как вид дезактивации ритуала, в котором действия и процедуры ритуала ставятся на пьедестал, не разделяясь, именуя подобное возвращением святыни. Для итальянского философа политическая борьба сегодня заключается в «возможивании» новых форм профанации. Капитализм, по мнению Агамбена, это всего лишь система для сбора вещей, предметов и людей, для того чтобы удалить все возможности особого использования, т.е. для того, чтобы каждый аспект жизни был управляем или коммерциализирован. Описываемое равносильно уничтожению существования как такового. Поиск смысла жизни превращается в не что иное, как в возможности «нового использования». Посредством него мы открываем еще один момент в нашем существе, вне учета и контроля, теперь уже возможный для использования. Поэтому в своей крайней фазе капитализм ничего, кроме гигантского аппарата для сбора чистых средств и форм профанации, не несет [4, р. 88].

Исторически с точки зрения марксизма религия являлась одной из главнейших форм отчуждения человека. Человек создан богами, которые придумали «правила» жизни, отделив священный мир, принадлежащий им, подчиняя человека профанному времени жизни. Молодой Маркс писал, что критика религии должна стать началом всякой критики, преодолением завесы иллюзии, охватывавшей реальное состояние человека, и, следовательно, необходимым условием для освобождения. Агамбен отмечает, что секуляризация общественной жизни, которая произошла в результате социальных перемен после Французской революции, на самом деле поверхностна и неполна. Она не принесла человеку выполнимость контроля над своей жизнью, не «разоружила» отчужденные силы, силы управляющих, а только перевела их в другие области, во власть политической, экономической, эстетической производительности, во власть «профанного». Классические религии больше не являются основным источником идеологических иллюзий, стойким социальным заказом. В центре капиталистической системы не сфера религии (табу и ритуала) – их заменили зрелища, перформансы профанаций.

Проблема в том, что культура позднего капитализма – культура «общества спектакля» (термин Ги Дебора). Шоу берет на себя все жесты «профанаций», интегрирует их с логикой, перерабатывает их, чтобы они не могли угрожать статус-кво. Парадигмой такого распоряжения повальной профанации современности есть порнография. Входящий в ее составную часть «экзгибиционистский жест», брошенный в режим индустрии культуры, не несет в себе освободительного потенциала. Трансформируясь в чистый «гламур», он стал основным объектом капиталистического потребления. Также и с художественным авангардом или искусствоведением, которые независимо от того, насколько даже радикальны, неизбежно становятся имманентны потреблению. «Креативная индустрия» плавно впитывает в себя все художественные провокации. То же самое относится и к интеллектуальной и политической провокациям. Поздний капитализм создает иллюзию того, что то, что живые люди потребляют на самом деле, принадлежит им и таким образом использует их. Даже деловые будни, которые когда-то были моделью осквернения, моделью товара, капитала, в современной культуре могут быть благодарственно означены, освящены как праздники. Последние представляют собой повторную профанацию мифических событий прошлого (изменения времени и пространства в области спонтанных творений человеческого сообщества, освобождения от отчуждения, динамического созидания новой реальности с новыми участниками).

Заключение

По Агамбену, сегодняшняя повседневность является потреблением дублирования существующих форм гегемонии и отчуждения. Современная культура говорит нам,

что нет областей, которые могут быть осквернены, ибо нет священного. Превращая все акты «профанации» в инструмент утверждения себя «как такового», мы утверждаем «любого», а значит, и «любимого». Вышеозначенное создает иллюзию свободы, преобразовывая каждый акт восстания в «восстание в следующем». Найти путь к профанации того, что «непрофанируемо», оказывается наиболее важной политической задачей современности. Новым в грядущей политике является то, что она будет не борьбой за захват государства или за контроль над ним, а борьбой между государством и «не-государством» (человечеством), необратимым выпадением «единичного» как «любого» из государственной организации.

Джорджио Агамбен, как и ранее М. Фуко, пишет о современной биополитике как о зоне, в которой все формы жизни подвергаются технологизации, когда повседневная жизнь становится не естественным событием, а государственным или политическим решением, своеобразным социальным государственным заказом. Повседневность пытаются задокументировать, запротokolировать, все больше и больше внимания уделяя бюрократической и технической документации: планам, приказам, отчетам, расследованиям, статистическим данным. Это способствует закату как таковой политики, трансформируя ее в чисто управленческую деятельность, цель которой – лишь эксплуатация, умножение, «потребительство» и десубъективация.

Поэтому «профанации» для Агамбена есть путь к реализации утопии, где нет ничего, что не будет зависеть от физических лиц, где порочный круг тотального осквернения размыкает, наконец, отношения власти и насилия. Профанацию как замещение можно понимать двояко. Подобное замещение отменяет всякое «место-собственное», но тогда и «имение-места» или любое событие любого единичного бытия уже является совместным местом, пустым пространством, открытым для нежданной, безответной встречи и вечного гостеприимства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамбен, Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен. – М. : Европа, 2011. – 256 с.
2. Агамбен, Д. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель / Д. Агамбен. – М. : Европа, 2012. – 192 с.
3. Agamben, G. The Open: Man and Animal / G. Agamben. – Palo Alto : Stanford University Press, 2004. – 102 p.
4. Agamben, G. Profanation / G. Agamben. – New York : ZONE BOOKS, 2007. – 100 p.
5. Новиков, Д. Переоткрытие ауры / Д. Новиков // Социол. обозрение. – 2008. – Т. 7., № 2. – С. 37–47.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.04.2017

Matsevich M.J. «Profanation» as «Human Ecology» in Solving Social Problems of the Past and Present Society

The author of the article explores the works of the contemporary Italian philosopher Giorgio Agamben and thereby shows the impossibility of the consideration of philosophy and politics, anthropology and ecology as two autonomous, independent from each other spheres, spheres of reason and act. Following the logic of Agamben's reasoning, the author reveals broad possibilities of contemporary techniques of «profanation», which allow every individual to open up in him/her more new inexperienced sides, new ways of existence and new senses of life. Exactly these or other forms of the profanated in the contemporary world become the most effective forms of politics, ideology, science, philosophy etc.

УДК 101.8

Е.А. Лагуновская

канд. филос. наук, доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: helenlaguna@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ ХРИСТИАНСТВА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В статье представлена социально-философская интерпретация ценностей христианства. Историография данной темы и обзор источников по ней имеет комплексный характер исследования и включает в себя философские, социальные, исторические и культурологические аспекты. В исследовании широкого круга отечественных и зарубежных работ применяется категориальный аппарат социальной философии. Решается задача категориальной экспликации духовных ценностей христианства как системы моральных ориентиров-регулятивов нравственного поведения в современном белорусском обществе.

Введение

Изменения социальной действительности в условиях системной трансформации и глобализации требуют своего философского осмысления, что ведет к формированию ряда новых социально-философских концепций, к развитию категориально-понятийного аппарата социальной философии. Социально-философская проблематика является в настоящее время одной из самых актуальных и быстро развивающихся областей философского знания. Репрезентация духовно-нравственных ценностей, и в первую очередь, ценностей христианства, в обществе XXI в. является актуальной, так как поиск путей его устойчивого развития направлен не только в сторону оптимизации политической и экономической сфер жизнедеятельности, но также и на укрепление и развитие нравственности социума. Общественные кризисы постсоветского периода, новые тенденции социальной динамики способствуют возникновению ценностного вакуума, что может привести к дестабилизации общества. Именно система духовно-нравственных ценностей призвана сыграть важную роль в стабилизации эмоционально-психического здоровья нации и направить ее внутренний творческий потенциал на достижение поставленных перед ней целей и задач. Научная проблема остается в том, что наблюдается противоречие между процессами, подвергшимися рефлексии в науке, и процессами, протекающими в современной индивидуальной и социальной практике. Специфика условий жизнедеятельности современного белорусского общества определяет новый смысл христианского наследия в его современной культуре. Таким образом, интерпретация ценностей христианства как социально-философского понятия, историография данной темы и исследование источников по ней остаются проблемой, требующей постоянного осмысления.

Цель статьи – представить интерпретацию ценностей христианства как социально-философского понятия, рассмотреть историографию данной проблемы и исследовать источники по ней. В статье решаются задачи исследования работ, посвященных проблематике христианских ценностей, применения категориального аппарата социальной философии к осмыслению христианского наследия, представленного на разных этапах истории зарубежной и отечественной мысли, категориального воссоздания духовных ценностей христианства как системы моральных ориентиров-регулятивов нравственного поведения в современном белорусском обществе.

Нравственная культура – это системное единство индивидуальной и социальной деятельности, морального сознания и отношений, нацеленное на репрезентацию общечеловеческого культурного опыта, как ценностное образование, которое качественно

влияет на состояние современного белорусского общества. Необходимо признать реальное противоречивое состояние нравственной культуры современного белорусского общества, наличие антисоциальных и аморальных поведенческих интенций в индивидуальной и социальной практике.

В процессе формирования нравственной культуры современного белорусского общества ценности, с одной стороны, предстают как предметы и явления социальной практики, взятые в аспекте их значимости для человека, а с другой стороны, обозначают некоторые высшие принципы жизни, поведения, нормы и идеалы, к которым стремится общество. Христианские ценности как устойчивая совокупность духовных принципов морально-нравственного совершенствования, выступают в качестве неизменных общечеловеческих ценностей в мировом социальном сообществе. Христианство исходит из понимания ценности как абсолютного блага, имеющего значимость в любом отношении и для любого субъекта, независимо от конкретного исторического периода. Специфика христианской философии заключается в ее сопряженности с религиозной идеологией, основанной на принципах Откровения и монотеизма.

Социально-философская интерпретация ценностей христианства осуществляется на основе анализа Священного Писания, являющегося первичным мировоззренческим ориентиром христианства, объединяющим все христианские конфессии. С учетом поликультурности и поликонфессиональности белорусского народа, его черт характера и особенностей менталитета акцент в рассмотрении ценностей христианства как социокультурного феномена был сделан на наследие представителей старобелорусской культуры, классиков национальной литературы, а также произведения отечественных ученых. Важную роль в исследовании христианских ценностей играет наследие русской религиозной философии, в русле которой с православных позиций разрабатывались ценностные аспекты христианства, так как большинство верующих нашей страны относит себя к православию. Христианство как вероучение и социальная практика осмысливались Н.А. Бердяевым, Н.Я. Данилевским, И.А. Ильиным, К.Н. Леонтьевым, А.Ф. Лосевым и др. Христианская философия понимается как область философских исследований, нацеленных на осмысление идей, принципов и положений Библии, на перевод образов с ее языка на язык философских категорий. В христианской философии способом духовного освоения мира и человека является разум, а христианство как вероучение воспринимает духовный и материальный мир через веру.

Духовность в данной статье определяется как категория, характеризующая состояние человека, ориентированного на усвоение огромного культурного опыта человечества, а через него – общечеловеческих конструктивных гуманистических ценностей как его неотъемлемой части. Дух понимается как репрезентативная способность человека к пониманию, восприятию и усвоению ценностей христианства как части общечеловеческого опыта и их реализации в индивидуальной и социальной практике. В XXI в. такое понимание духовности в отличие от классического соотносится не с совершенством идеального, а с конечностью человеческого бытия. С позиций современности восприятие христианских ценностей рассматривается как уникальный творческий акт, а не прорыв к неким вечным и неизменным идеальным сущностям.

Таким образом, отправной точкой в осмыслении духовности является ценностное состояние человека, способного воспринимать христианские ценности и действовать сообразно с ними в конкретных общественно-экономических и социально-культурных условиях современного белорусского общества [6, с. 3–8]. Социокультурный феномен христианского наследия до сих пор играет значительную роль в формировании белорусского менталитета, отражая специфическую человеческую способность постигать и развивать высшие идеалы белорусской национальной культуры.

Интерпретация ценностей христианства как социально-философской категории: историография проблемы, обзор источников

Социально-философская интерпретация ценностей христианства в формировании нравственной культуры общества предполагает комплексный характер исследования, включающий в себя философские, социальные, исторические и культурологические аспекты. Такая постановка проблемы требует привлечения широкого круга работ отечественных и зарубежных авторов.

В целом научная литература, на которую мы опирались, может быть условно разделена на три блока, соответствующих логике исследования. Во-первых, это литература по проблемам религии, духовности, ценностей и их влияния на формирование личности в социальном пространстве и, в частности, источники, посвященные исследованию нравственной культуры. Во-вторых, философские и историко-культурологические исследования мировоззрения и духовной культуры белорусского народа. И, наконец, в-третьих, философские исследования процессов глобализации, а также произведения, анализирующие место и роль современного белорусского общества в этих процессах. К этому блоку могут быть отнесены работы, задающие парадигму научного изучения духовно-ценностных оснований современного белорусского общества. Впрочем, такая разбивка на блоки является в достаточной степени упрощением и схематизацией, к которой неизбежно приходится прибегать, стремясь наиболее полно характеризовать научную литературу по изучаемой теме.

Философское осмысление религии признало в качестве одного из основных ее свойств способность смыслополагания, связанного с переживанием радикального опыта конечности человеческого существования [2–4; 13]. Вместе с тем еще со времен классической философии в понимании религиозной духовности можно увидеть два основных подхода, в соответствии с которыми религия: 1) не может быть редуцирована к проблеме нравственности (Г. Гегель); 2) не может быть сведена к нравственной проблематике (И. Кант). Принятие одного из данных подходов порождает, соответственно, проблему действительной нравственной валидности религии, либо проблему ее самодостаточности.

Значительный вклад в разработку проблемы влияния религии на формирование личности и социальной реальности внесли западные философы: Г. Гессе, Э. Гуссерль, В. Дильтей, Г. Кюнг, Т. Лукман, К. Маркс, Т. Парсонс, П. Пупар, Б. Рассел, М. Томпсон, Э. Трельч, Л. Фейербах, М. Элиаде и др. Классические работы Э. Дюркгейма, М. Вебера и др. демонстрируют взаимовлияние религии и общества. Основными функциями религии в обществе в отношении личности признаются смыслополагание и идентификация, в отношении культурной системы – интеграция, стабилизация и сакрализация культурных ценностей [2, с. 118–121]. Г. Риккерт в своем произведении «О системе ценностей», осмысливая нравственную жизнь, отмечает: «Некоторые из самых существенных черт, выведенных нами схематически, нашли свое выражение также и в фактически существующей религиозной жизни, например, в христианстве» [14, с. 387].

Религия оказывает влияние в сфере социальной организации и опирается на церковь как социальный институт, имеющий продолжительную историю. Механизм взаимодействия церкви и власти в основных христианских конфессиях строится по-разному: в православии – это идея симфонии, в католицизме – концепция двух мечей, в протестантизме формируется идея отделения церкви и государства. Сложный и противоречивый характер взаимоотношений конфессий, взаимодействия церкви и государства является предметом специального рассмотрения и достаточно подробно описан в философской и исторической литературе (Т.П. Короткая и др.). Х.Р. Нибур выделяет в работе «Христос и культура» пять основных подходов к решению проблемы роли и значения христианской религиозности в культуре [10]. Сопоставление данных подходов

позволяет понять, что влияние христианских конфессий на культуру осуществляется как духовно-нравственное, что в целом соответствует достаточно широко распространенной сегодня точке зрения [9].

Мораль представлена в области социально значимого знания в качестве этики. В этической науке анализу морали как способа духовно-практического освоения мира, вопросам нравственного развития общества и человека посвящены труды Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, Ф. Ницше, З. Фрейда, Э. Фромма и др. Если мораль фиксирует моральные ценности в предельных основаниях (как идеалы), то нравственная культура показывает, как эти идеалы реализуются в общественной практике [7, с. 8]. Проблемы нравственной культуры общества и личности изучали Е.М. Бабосов, А.С. Лаптенко, О.А. Павловская, А.И. Титаренко и др. Религия и мораль, как разноуровневые феномены социокультурной практики, взаимодействующие при образовании религиозной этики и религиозной морали, исследовались А. Бергсоном, М. Вебером, А.А. Гусейновым, А.Я. Гуревичем, И.Л. Зеленковой и др. Например, Н.Г. Севостьянова отмечает, что формирующаяся философия социокультурного синтеза позволяет интерпретировать единую систему нравственных ценностей сквозь призму наиболее синтетичных феноменов духовности, среди которых важнейшее место занимает религиозная мораль [15, с. 8].

Литературу, посвященную проблеме духовности, можно подразделить на научно-философскую и религиозно-философскую (а также теологическую).

Большое внимание проблеме ценностного значения религиозной духовности уделено в философских концепциях А. Камю, С. Кьеркегора, Г. Марселя, Ж.-П. Сартра, П. Тейяр де Шардена, А. Тойнби, А. Уайтхеда, М. Хайдеггера, А. Шопенгауэра, О. Шпенглера, К. Ясперса и др. В религиозно-философских разработках М. Бубера, Э. Жильсона, К. Льюиса, А. Любака, Ж. Маритена религиозная духовность осмысливается на основе исследования отношения человека к Богу с помощью таких понятий, как личность, автономия и гуманизм. Ядром религиозной духовности составляет вера, опыт осмысления которой характерен прежде всего для протестантского дискурса (К. Барт, Р. Нибур, П. Тиллих и др.). Широко понимаемая религиозность предстает в нравственном аспекте как истинно духовный феномен, который может быть описан, например, при помощи понятия ценности. М. Шелер в произведении «Формализм в этике и материальная этика ценностей» подчеркивает, что ценности не стоит отождествлять с эмпирической природой разных благ, с «ценными вещами» и пр. Философ относит к ценностям истинное, благородное, прекрасное, доброе, а также святое; они априорны, познаются в созерцании «мира ценностей» и иерархически упорядочены [17].

С точки зрения методологического и исторического значения для исследования христианских ценностей значимыми являются сочинения И. Канта, В. Виндельбанда, Ф. Ницше и др., заключающие в себе опыт духовно-нравственных коллизий. Осмысление христианской морали в секулярной культуре Нового времени выдвигает проблему предъявления христианством принципиально невозможных или не должных быть исполненными требований к субъекту морали, а также неверности средств, применяемых для вполне уместных моральных требований христианства. Так, например, Ф. Ницше критикует христианство по обеим позициям, а философская интерпретация христианской морали И. Канта доходит до отрицания святости как морального состояния.

Большое внимание вопросам духовности уделяла русская философия; ее представители пытались понять и объяснить сущность и природу духовного, раскрыть содержание абсолютных духовных ценностей и идеалов. Русские философы консервативного направления (И.А. Ильин, В.В. Зеньковский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, П.А. Флоренский и др.) осмысливали ценности христианства с учетом восточно-христианского православного наследия.

На основании анализа научно-философских и религиозно-философских работ можно выделить общие положения, определяющие духовность как квинтэссенцию социокультурного бытия, сплав мировоззренческих идей и идеалов с человеческими волей и побуждениями, выражающий смысловые концентрации культуры и ее ценности. В соответствии с данным ракурсом рассмотрения в становлении духовности актуализируется не обретение разнообразных знаний, а их смысл и цель. Соответственно, духовность выступает как проблема обретения смысла, что предполагает существование определенной иерархии ценностей, относящихся к высшему уровню духовного освоения мира человеком. Большинство религиозных философов (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев) и светских авторов (М.М. Бахтин, Л.П. Буева) при исследовании духовного пространства человека ориентировалось на некую вертикаль, разделяющую возвышенное и низменное, сакральное и обыденное, земное и небесное, верх и низ, добро и зло. Такая постановка идеи вертикали при определении духовности обуславливает репрезентацию ценностей по вертикали и горизонтали современными философами (С.П. Онуприенко и др.).

Философское осмысление определения дефиниции духа и духовности является предметом специального исследования (И.А. Бокачев, В.С. Барулин, М.С. Каган, А.И. Осипов и др.). Многие авторы акцентируют внимание на образованности и интеллектуальности развития личности. Во многом остается доминирующим мнение о том, что знание составляет основу духовности. Духовно-нравственные ценности проявляются в моральных основаниях индивидуальной деятельности и, выражаясь в нравственном сознании и социальной практике людей, выступают как категория, объединяющая понятия «духовность» и «нравственная культура». Ценности осуществляют социально одобряемый выбор поведения, выступают ориентирами-регулятивами нравственной деятельности и поведения индивидов.

Данный аспект рассмотрения духовно-нравственных ценностей представлен в произведениях С.П. Винокуровой, В.Ф. Мартынова, И.Я. Левяша, В.В. Познякова, Д.И. Широконова и др. Большое значение для темы исследования имеют научные работы А.С. Лаптенка, в которых осмысливается нравственная культура как степень воплощения ценностей в реальных поступках, проблемы ее преемственности, социокультурные механизмы трансляции моральных ценностей [7]. В качестве структурных компонентов нравственной культуры общества философ выделяет духовно-нравственное наследие (моральный фонд), социальный механизм его распространения, процессы духовно-нравственной жизнедеятельности социума [8].

Осмысление христианского наследия как структурного компонента нравственной культуры потребовало обращения к научным разработкам, раскрывающим истоки исторического формирования белорусского народа. Одной из значимых работ в этой области является работа М.В. Довнар-Запольского «Гісторыя Беларусі», содержащая выводы о том, что «беларускі народ быў, перш за ўсё, па сваіх гістарычных і народна-бытавых традыцыях, у вышэйшай ступені дэмакратычны», і «ўз'яднанне» ў 1569 г. з Польшчай аказалася пагібельным у тым сэнсе, што распачатая рэлігійная і сацыяльная барацьба яе насельніцтва з шляхтай адарвала сілы беларускага племені ад працы над самаразвіццём і спрыяла таму палітычнаму змярцвенню яе, якое адбілася на наступных падзеях» [1]. Несмотря на то, что задача данного исследования М.В. Довнар-Запольского была связана с артикуляцией и суммированием разрозненных сведений о белорусском народе, прочерчиванием общей линии рассуждения о его истории, в современных условиях актуальным является анализ основных смыслов, на которых базировалась общественно-политическая практика наших предков.

Предметом специального исследования А.С. Майхровича является процесс становления нравственного сознания и формирования этической мысли в Беларуси. Фило-

соф исследует духовную культуру Беларуси как абстрактно-универсальный образец всеобщего поведения, данного моральным учением христианства (Евфросиния Полоцкая, Кирилл Туровский, Ф. Скорина), и как осознание оценочной самодостаточности нравственной сферы и выделяет несколько типов морали, различающихся по модификации христианского идеального образца и выступающих как социальные и утилитарно-сословные: мораль сословно-корпоративная, народнически-труженическая, партийно-классовая [11; 12].

Глубокие многоаспектные исследования философской мысли Беларуси, ее специфики на разных культурно-исторических этапах, славянского контекста были сделаны В.Б. Еворовским, В.М. Кононом, С.А. Подокшиным, Е.С. Прокошиной. Актуальными для данной темы является также литература, посвященная проблемам развития духовной культуры восточных славян, представленная работами Г.Я. Голенченко, А.Ф. Замалеева и др. Особенности взаимодействия между христианскими конфессиями, каждая из которых формировала свой культурный стереотип, фактически по-своему перетолковывая исходную христианскую традицию и пытаясь в той или иной мере ее воспроизводить, в белорусской науке исследованы О.Д. Баженовой, Л.В. Левшун, В.А. Тепловой. Эти ученые доказали, что в культуре ВКЛ столкнулись две не совсем чужеродные, но исторически весьма по-разному развивавшиеся культуры, которые итальянский славист Р. Пиккио определил как *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*, что привело к взаимодействию разных культурных стереотипов, разных христианских традиционностей, порвавших с единой христианской традицией [16]. Ф. Скорина первым контурно обозначил формы взаимодействия христианского вероучения с белорусским религиозным менталитетом, с массовой религиозной психологией, объединение их функций в процессе консолидации представителей разных социальных слоев и конфессий. Проблема влияния христианского вероучения на мировоззренческие ориентиры белорусского народа через предрасположенности, образующие религиозный менталитет, была поднята в теоретическом наследии классиков национальной литературы: М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа и др. В данном аспекте исследования большое значение имеют также труды И. Абдираловича, В.С. Болбаса, Э.К. Дорошевича, А.С. Дубенецкого, В.М. Конона, Т.П. Короткой, А.И. Мальдиса.

В середине 90-х гг. XX в. наблюдается всплеск исследовательского интереса к аксиологической проблематике в философской, психологической и социологической литературе. Переосмысление и переоценка ценностей была необходима как элемент деидеологизации постсоветского общества. Развитие трансформационного процесса требовало поиска новой адекватной времени системы социальных ценностей (работы В.Е. Глушакова, П.В. Кикеля, В.А. Лекторского, Д.А. Леонтьева, Э.М. Сороко, В.С. Степина, Э.Г. Филимонова). Изменения, происходящие в нравственной сфере на постсоветском пространстве, раскрываются в работах Т.И. Адуло, А.Н. Данилова, Л.Ф. Евменова, И.Я. Левяша, О.А. Павловской, Я.С. Яскевич и др. Эти авторами подчеркивается, что социальная система любого масштаба предполагает существование разделяемых всеми общих ценностей.

Третий блок источников обращается к такой проблеме современного мира, как глобализация. При этом многие исследователи признают наличие кризиса современной цивилизации и утверждают, что корни этого кризиса лежат в сфере ценностей (П.А. Сорокин, А. Швейцер и др.). В данных условиях необходим выход на новый уровень философско-аксиологического осмысления непосредственно белорусской культуры (А.И. Зеленков, Ч.С. Кирвель, В.В. Кириенко, В.К. Лукашевич и др.). В решении важной задачи преодоления кризисных явлений в духовной жизни современного белорусского общества и повышения его нравственного уровня, христианские ценности должны сыграть ведущую, направляющую роль, выступив в единстве с общечеловеческими

векторами мировой культуры. Соответственно, необходима широкомасштабная интерпретация моральных универсалий христианства и большая работа по адаптации их к нынешним технико-экономическим и социально-культурным реалиям, процессам глобализации и глобальной коммуникации, охватывающим современную цивилизацию, к ценностным ориентациям и установкам граждан нашего трансформационного общества.

В Беларуси последовательно ведется работа по систематическому изучению всего комплекса христианского наследия. Основные проблемы изучения христианства в белорусской науке связаны преимущественно с его осмыслением в контексте исторических судеб белорусов, национально-культурной идентичности, развития современной восточнославянской цивилизации. В XXI в. особую актуальность приобрели вопросы, связанные с анализом духовно-нравственных и идеологических процессов в Беларуси, разных сторон государственно-конфессиональных отношений, с влиянием христианства на жизнедеятельность белорусского общества в условиях социальных трансформаций (работы Т.И. Адуло, Е.М. Бабосова, Д.К. Безнюка, А.Н. Данилова, А.И. Зеленкова, Л.Е. Землякова, В.М. Конона, Т.П. Короткой и др.). Христианские ценности в контексте их влияния на формирование мировоззрения, а также поведенческих установок личности и социума в условиях независимого белорусского государства являются предметом специального рассмотрения автора данной статьи [5; 6]. Социально-философский анализ духовных ценностей христианства как системы моральных ориентиров-регулятивов формирования нравственного поведения в современном белорусском обществе позволил категориально представить их тремя основными группами (таблица) [5, с. 17–20, 199].

Таблица. – Ценности христианства как система моральных ориентиров-регулятивов формирования нравственного поведения в современном обществе

Духовные ценности христианства в социальном пространстве адекватны трем направлениям отношений человека: с миром, с конкретной социальной действительностью и самим собой		
Ценности, раскрывающие отношения человека с внешним миром (библейские заповеди, христианский духовно-нравственный идеал, принципы поведения, общения и деятельности, нормы и оценки)	Ценности, выражающие личностное отношение человека к человеку (любовь как главное моральное чувство и состояние, духовно-нравственные цели, мотивы, установки и ценностные ориентации)	Рефлексивные ценности, выражающие отношение личности к самой себе и своему внутреннему миру (достоинство, совесть, свобода, стремление к самосовершенствованию: нравственное самосознание, самооценка, самоконтроль, саморегуляция, самовоспитание, самодисциплина и др.)

Результаты представленного исследования позволяют систематизировать нравственно-воспитательную работу по информированию населения о ценностях христианства в системах образования и воспитания, научных организациях, учреждениях культуры и т.д., а также в средствах массовой информации.

Заключение

Духовные ценности христианства рассматриваются в контексте социального пространства, что делает применимой данную дефиницию к любому обществу. Как система моральных ориентиров-регулятивов ценности христианства конституируют отношения человека с внешним миром, личностное отношение человека к социальной действительности и отношение личности к самой себе и своему внутреннему миру.

Ценности христианства как социокультурный феномен, эксплицируя огромный культурный опыт человечества при всем его многообразии и плодотворности, высту-

пают в качестве общего ориентира в конкретных условиях, выстраивающего перспективы для индивидуальной и социальной деятельности. Нацеленные на согласование повседневных личных и общественных интересов, ценности христианства в XXI в. призваны создать условия для снижения негативных поведенческих интенций человека, несмотря на то что они не фиксируются в законах, т.е. в отличие от политики и права не институционализируются.

Признавая отличительные особенности ценностей православия, католицизма и протестантизма, основное внимание автор уделяет системе общехристианских ценностей. С учетом специфики приверженцев христианства (в том числе православия, католичества, протестантизма) как представителей различных социальных групп в силу ряда объединяющих данные группы факторов (прежде всего их совместной деятельности в социально значимых ситуациях и функционирование в масштабах государства) акцент в осмыслении данной проблемы сделан именно на социально-философской интерпретации общехристианских ценностей.

Эти ценности христианства как система моральных ориентиров-регулятивов, т.е. определенная духовно-нравственная основа, признается всеми христианскими конфессиями и объединяет их (в отличие от их конфессиональных форм). При этом мы исходим с позиции, что функционально духовные ценности христианства выступают важным структурным компонентом смыслового фундамента нравственной культуры белорусского общества в ее различных формах и проявлениях. Однако изучение отличительных особенностей приверженцев христианства с точки зрения их принадлежности к разным конфессиям, открывает перспективу дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1994. – 510 с.
2. Гараджа, В. И. Социология религии / В. И. Гараджа. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 238 с.
3. Классики мирового религиоведения : антология / сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М. : Канон+, 1996. – 496 с.
4. Кюнг, Х. Религия на переломе эпох / Х. Кюнг // Иностран. лит. – 1990. – № 11. – С. 223–229.
5. Лагуноўская, А. А. Хрысціянскія каштоўнасці ў маральным патэнцыяле беларускага народа / А. А. Лагуноўская. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2016. – 200 с.
6. Лагуновская, Е. А. Ценности христианства в формировании нравственной культуры современного белорусского общества / Е. А. Лагуновская. – Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2011. – 147 с.
7. Лаптенюк, А. С. Нравственная культура общества: преемственность и новации / А. С. Лаптенюк. – Минск : НИО, 1999. – 201 с.
8. Лаптенюк, А. С. Нравственная культура советского общества: этико-методологический анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / А. С. Лаптенюк ; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л., 1986. – 116 л.
9. Любак, А. Драма атеистического гуманизма / А. Любак. – М. : Христиан. Россия, 2000. – 299 с.
10. Нибуэр, Х. Р. Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибуэра и Райнхольда Нибуэра / Х. Р. Нибуэр, Р. Нибуэр. – М. : Юрист, 1996. – С. 7–224.
11. Майхрович, А. С. Поиск истинного бытия и человека: из истории философии и культуры Беларусі / А. С. Майхрович. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 247 с.

12. Майхрович, А. С. Становление нравственного сознания: из истории духовной культуры Беларуси / А. С. Майхрович. – Минск : Беларус. кнігазбор, 1997. – 206 с.
13. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс. – М. : Вост. лит., 1996. – 360 с.
14. Риккерт, Г. О системе ценностей / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М., 1998. – С. 365–391.
15. Севостьянова, Н. Г. Христианские нравственные ценности в системе университетского гуманитарного образования / Н. Г. Севостьянова // Духовно-нравственное и физическое оздоровление общества: состояние, проблемы, поиск эффективных форм и методов : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 дек. 2003 г. : в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. М. Бабосов [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2005. – Ч. 1. – С. 122–131.
16. Теплова, В. А. Брестская церковная уния. Предыстория, причины и следствия / В. А. Теплова // Уния в документах / сост.: В. А. Теплова, З. И. Зуева. – Минск : Лучи Софии, 1997. – С. 26–60.
17. Шелер, М. Формализм в этике и материальная этика ценностей / М. Шелер // Избр. произведения / М. Шелер. – М. : Гнозис, 1994. – С. 261–314.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.09.2017

Lahunouskaya A.A. Socio-Philosophical Interpretation of the Values of Christianity: Historiography of the Problem

The article presents the socio-philosophical interpretation of the values of Christianity. The historiography of this topic and the review of sources on it are of a complex nature of the study and include philosophical, social, historical and cultural aspects. In the study of a wide range of domestic and foreign works, a categorical instrument of social philosophy is applied. The task of categorical explication of spiritual values of Christianity as a system of moral reference points-regulators of moral behavior in modern Belarusian society is being solved.

УДК 378:159.923

А.А. Габинская

канд. филос. наук, доц., зав. каф. психолого-педагогического образования
Гродненского областного института развития образования
e-mail: alla.gabinskaya@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается современное состояние проблемы профессиональных деструкций личности педагога. Дается понимание влияния специфики педагогической деятельности на траекторию профессионального развития личности. Особое внимание уделяется факторам возникновения профессиональных деструкций в профессионально-педагогической деятельности и предлагаются некоторые способы и пути профилактики и коррекции профессиональных деструкций.

Введение

О связи профессии с личностью писали еще древние философы, которые отрицали негативное влияние профессии на развитие личности, так как признавали изначальную «профессиональность» человека. Механизм выбора профессии заключался в соотношении независимых личностных особенностей человека с соответствующими профессиональными функциями и обязанностями. Если в ходе выполнения профессиональной деятельности обнаруживалось несоответствие вышеназванных компонентов, человек менял свою профессию. Античные авторы свидетельствуют, что для правильного выбора профессии человеку достаточно было иметь ясное представление о себе и своих способностях к определенному роду деятельности. На стене храма Аполлона в Дельфах, где пророчествовала Пифия, было сделано несколько надписей-граффити. Одна из них гласила: «Познай самого себя» (т.е. дорога самопознания ведет человека к пониманию и осознанию своего места в мире).

В Средние века выбор профессии считался основополагающим фактором успешности личности, возможности принести наибольшую пользу обществу. Здесь необходимо учитывать то, что в Средневековье существовали корпорации ремесленников, или жесткие социальные сословия, где принадлежность к ним не была, строго говоря, «профессией», которую человек осознанно выбирал. Скорее, судьба и жизненный статус с самого момента рождения определяли не только дело, но и образ жизни, политические права, даже стиль одежды человека.

Позже в моду вошел «поиск себя в профессии». Первым, кто создал и обосновал новую философию «призвания к профессии», был немецкий реформатор богословия Мартин Лютер, который говорил о выборе профессионального пути «по душе». Главной целью образования Лютер считал воспитание будущих поколений для управления хорошими, умелыми работниками.

Важно отметить, что проблема выбора профессии была и остается одной из самых важных для человека. Ответы на вопросы, почему люди выбирают те или иные профессии и как этот выбор влияет на их жизнь, актуальны во все времена.

Термин «*профессия*» (от лат. *profiteor* – объявляю своим делом человека) – *род трудовой деятельности, занятий, включающий комплекс специальных знаний, практических умений и навыков, приобретенных в результате специальной подготовки, опыта работы.* Существует и другая трактовка термина «*профессия*», которая происходит от французского *profiteri* (говорить публично) и раскрывает профессию как *исторически развивающуюся систему, закрепляющуюся в определенной культуре вследствие об-*

щественного разделения труда и трудовых функций. Это позволяет рассматривать *профессию* как: 1) область деятельности с распределением функций и обязанностей; 2) определенный процесс, специфический вид трудовой деятельности, встроенный в систему взаимоотношений человека с природными или искусственными объектами, явлениями, процессами и т.д.; 3) область приложения физических и духовных сил человека, позволяющая ему получать взамен затраченного труда необходимые средства для существования и развития. Достаточно часто термин «*профессия*» употребляют в качестве синонима слову «*карьера*» (от итал. *camera* – бег, жизненный путь, поприще), понимаемому как *путь к успеху, или видное положение в обществе, или должность (набор задач, выполняемых одним человеком), или достижения на служебном поприще.*

Центральной проблемой карьеры человека является профессиональное развитие, которое является неотъемлемой частью профессионализации личности. Вариантов профессионального развития личности много, но его темп у каждого индивидуален. Это обусловлено, в первую очередь, взаимосоответствием индивидуально-психологических особенностей личности с содержанием профессиональной деятельности. Согласно теории профессионального выбора Ф. Парсонса определенные профессионально значимые индивидуальные качества делают человека оптимально подходящим к требованиям единственной профессии.

Приступая к изучению механизмов влияния профессиональной деятельности на развитие личности, следует выяснить смысл самого понятия «*личность*». При всем многообразии определений понятия «*личность*» большинство исследователей сходятся на том, что *личность – это социальное качество индивида, содержание которого обладает способностью переходить в индивидуальное бытие, обуславливая тем самым культурно-исторический уровень самопроявления человека.*

Исследования в области антропологии, психологии, философии убедительно показывают «многомерный и многоуровневый» характер личности, индивидуального и неповторимого мира «Я» человека. Человеческая личность есть возможность для осуществления неограниченной действительности (В.С. Соловьев).

Процесс развития личности есть процесс развития ее взаимоотношений с окружающим миром, в котором важное место принадлежит способности к самопознанию, дающей человеку возможность самостоятельного познания мира вещей, мира других людей, мира своего «Я» (С.Л. Рубинштейн).

Когда личность овладевает всей системой отношений, она переходит на новый уровень самопроявления и приобретает способность самостоятельно организовывать свое бытие, насыщать его ценностным содержанием, направлять его к определенным жизненным целям, избирать индивидуально траекторию развития, в том числе профессиональное становление, обязательно предполагающее потребность в развитии и саморазвитии, возможность и реальность ее удовлетворения, а также потребность в профессиональном самосохранении.

Движение личности в пространстве и времени профессионального труда получило название профессионального становления субъекта деятельности. Таким образом, профессиональное становление субъекта – это часть онтогенеза человека с начала формирования профессиональных намерений до окончания активной профессиональной деятельности.

Развертывание профессионального бытия человека как личности может происходить в том или ином содержательном пространстве. Все разнообразие вариантов, способов и средств осуществления человеком этого процесса зависит от его внутренней возможности и способности быть личностью и профессионалом. Расстилающиеся перед человеком жизненные перспективы не только включают в себя позитивные возможности, но и таят негативные последствия вплоть до уничтожения своего «Я». Так,

на сегодняшний день в современном обществе можно наблюдать разнообразные формы и виды деструктивного развития специалистов, в том числе педагогов (агрессивность, зависть, социальное лицемерие, стереотипизация, суицидное поведение и др.).

Вообще, изучение профессиональных деструкций педагога и их влияния на профессиональное развитие – сравнительно новая проблема, носящая комплексный междисциплинарный характер. До недавнего времени большинство исследований по проблеме профессионального становления и развития личности педагога в образовательной практике были направлены на изучение результатов профессионального развития, а также при определении профпригодности и аттестации специалистов. При исследовании профессионального становления личности основное внимание уделялось профессионально важным качествам, в меньшей степени изучались профессионально нежелательные качества. В то же время признавалась разнонаправленность трансформаций личности в процессе выполнения профессиональной деятельности сопровождающаяся как личностными приобретениями (совершенствованием), так и потерями (разрушением).

Что касается деструктивных изменений в личности педагога, то до недавнего времени существовало значительное разнообразие подходов к определению понятий «профессиональные деформации» и «профессиональные деструкции». Анализ научной литературы по исследуемой проблеме показал, что устойчивый интерес к различным аспектам профессиональной деформации личности педагога объясняется проблемностью и нерешенностью многих важных сторон самого термина «*профессиональные деформации*». Напомним, что термин «*профессиональная деформация*» ввел в начале XX в. в научный оборот известный социолог Питирим Сорокин, который серьезно стал говорить о том, что профессиональная деятельность формирует личность и накладывает свой отпечаток на ее особенности.

К термину «*профессиональные деформации*» очень близки понятия (которые в конечном итоге являются вариантами, или уровнями проявления «профессиональной деформации»):

- ✓ «*профессиональная деградация*» (изменение в сторону ухудшения, утраты ранее накопленных профессиональных свойств);
- ✓ «*профессиональное отчуждение*», «*утрата профессиональной идентичности*» (утрата смысла в профессиональной деятельности);
- ✓ «*профессиональные стрессы*» (постоянные стрессовые перегрузки, приводящие к нарушению механизмов саморегуляции психосоциальных и физиологических функций и провоцирующие развитие психосоматических болезней и деформацию личности);
- ✓ «*профессиональные кризисы*» (нормативные кризисы собственно профессионального становления: учебно-профессиональной ориентации; ревизии; профессионального выбора; профессионального роста; профессиональной перспективы; социально-профессиональной самоактуализации; утраты профессии; опустошенности – и ненормативные кризисы, связанные с наступлением неконтролируемых личностью жизненных событий);
- ✓ *синдром «эмоционального выгорания»* (состояние физического, эмоционального и когнитивного истощения, усталости, вызванного длительным пребыванием в эмоционально перегруженных ситуациях);
- ✓ «*барьеры психологического развития*» (внутренние препятствия на пути самореализации личности);
- ✓ «*профессиональные страхи*» (ограничения, накладываемые на собственную индивидуальность и мировоззренческие убеждения; педагогические фобии и педагогические мании; психологическая закомплексованность; низкая самодостаточность; повышенная эмоциональная возбудимость).

Учитывая тот факт, что длительное время проблема профессиональных деструкций педагогов не была предметом специального изучения, возникла необходимость изучения ряда вопросов: «*Как проявляются профессиональные деформации и какие симптомы доминируют у педагогов, деятельность которых подвергается деструкции?*»; «*В какое время появляются профессиональные деструкции и какие факторы (психологические, социальные) влияют на данный процесс?*».

Итак, главным фактором профессиональных деструкций выступает сама профессиональная деятельность. Длительное выполнение педагогами одной и той же профессиональной функции, различные неблагоприятные факторы и условия труда негативно сказываются как на эффективности выполняемой педагогической работы, так и на различных взаимоотношениях, возникающих в процессе профессиональной деятельности (с коллегами, администрацией, учащимися, родителями, коллегами), а так же на взаимоотношениях вне работы (с семьей, родственниками, друзьями и т.д.).

При использовании понятия «*профессиональные деформации*», как правило, акцентируется внимание на ухудшении профессиональных качеств специалиста, а при использовании понятия «*профессиональные деструкции*» акцент делается на негативных изменениях личности самого специалиста. Так, Э.Ф. Зеер использует понятие «*профессиональные деструкции*» одновременно с понятиями «*кризис профессионального развития*» и «*личностные деструкции профессионала*». По его мнению, профессиональные деструкции связаны с кризисом профессионального развития [1]. Е.А. Климов рассматривает профессиональную деструкцию специалиста как не востребованность имеющихся у личности позитивных качеств и, соответственно, их деградацию либо их ослабление (деградация, утрата профпригодности, стагнация и др.) [2, с. 128–132]. А.К. Маркова рассматривает профессиональные деструкции как результат влияния неблагоприятных условий профессиональной деятельности, включающих монотонию труда, кризисы профессионального развития, профессиональные заболевания, биологическое старение человека [3, с. 150–151]. В.Е. Орел утверждает, что существуют какие-то оптимальные пределы профессионализации человека, в которых осуществляется положительное влияние на его психические особенности. За этими пределами влияние может носить отрицательный характер [4]. А.В. Коваленко и Л.А. Шиканов профессиональные деструкции определяют как проникновение «Я-профессионального» в «Я-человеческое»: при профессиональной деформации воздействие профессиональных рамок и установок не ограничивается исключительно профессиональной сферой. Авторы говорят о том, что после выхода личности из профессиональной ситуации не происходит ее естественного «выпрямления», поэтому даже в личной жизни человек продолжает нести на себе «деформирующий отпечаток» своей профессии [5, с. 17–18].

Возникновение и развитие профессиональных деструкций снижает мотивацию и профессиональное здоровье, негативно влияет на качество жизни. К признакам профессиональных деструкций относятся нарушения в деятельности и поведении человека, его жаргоне, манерах, физическом облике. Важной особенностью профессиональных деструкций является их постепенное, недостаточно осознанное формирование. Специалист если и замечает в себе какие-то изменения, то чаще всего воспринимает их как «позитивные». Профессиональные деструкции проявляются на разных уровнях и носят как устойчивый, так и эпизодический характер. Скорость и темпы профессиональных деструкций индивидуальны для каждого человека и зависят как от личностных особенностей, так и от факторов и условий профессиональной среды. Как правило, явные признаки деформации отмечаются у педагогов, работающих свыше пяти лет, а более глубокие деструкции наступают после десяти лет работы. Э.Ф. Зеер отмечает, что по достижении пятидесятилетнего возраста у специалиста может проявиться эффект «психологической импотенции», консервирование прежних способов жизнедеятельности и от-

ношений, осознание собственной деятельности как благородной миссии, отсутствие чувства профессиональной идентификации [1].

По мнению А.К. Марковой, в рамках профессиональной деятельности педагог сталкивается с рядом объективных и субъективных затруднений. К объективным трудностям автор относит реальную сложность педагогических ситуаций, изначально не зависящих от педагога (новый класс, «трудный класс», неразработанность методических, дидактических средств и т.д.). К субъективным трудностям автор относит такие: 1) отсутствие адекватных средств педагогической деятельности и общения (начинающий учитель); 2) отсутствие адекватных средств деятельности в случае, когда ситуация настолько изменилась, что педагог не готов к ней (к примеру, учитель не готов к дифференцированной работе с учениками на занятиях различных уровней сложности); 3) наличие у педагога психологических состояний, делающих невозможным использование определенных способов общения и педагогической деятельности (страх, тревожность, неуверенность, неудовлетворенность, напряженность, фрустрация) [3].

Некоторые авторы (В.М. Бызова, М.Н. Заостровцева) считают, что чем старше педагоги, тем чаще среди них встречаются лица с низкой коммуникативной толерантностью, которые категоричны в оценках других и стремятся к перевоспитанию окружающих. Развитию профессиональных деформаций личности педагога также способствуют репродуктивное обучение и авторитарная позиция учителя. Основными показателями этих деформаций считается безапелляционность педагогов, оценочность суждений, которые, как правило, становятся чертами характера. Многих педагогов отличает учающая манера речи. На педагогическую деформацию влияет и то, что коллектив любого образовательного учреждения, как правило, состоит в основном из женщин, которые часто используют мужской язык и образцы поведения, вследствие чего педагоги-женщины утрачивают женскую идентичность, что в результате отрицательно влияет и на половую самоидентификацию учащихся. Помимо того, педагогическая профессия предъявляет серьезные требования к эмоциональной стороне личности. Это работа сердца и нервов, требующая ежедневного и ежечасного расходования огромных душевных сил (В.А. Сухомлинский).

К числу факторов, связанных с профессиональными деструкциями педагогов, мы относим:

✓ **отсутствие самоопределения при выборе профессии** (влияние родителей на выбор профессии; мода на профессию; давление «профессиональных династий»; выбор по зову друзей «за одно»);

✓ **недостаточный уровень развития способностей, профессионально важных качеств, психофизиологических свойств** (несоответствие индивидуально-психологических особенностей человека условиям и требованиям профессии неизбежно приводит к конфликтам профессионального самоопределения, профессиональной дезадаптации и самоподчинению);

✓ **неудовлетворенность имиджем профессии, низкой зарплатой, отсутствие моральных стимулов** (неверие в возможность положительных профессиональных изменений и в собственные силы; подавленность; депрессия; человек ощущает себя заложником обстоятельств);

✓ **неудачный график работы** (несовпадение биологических ритмов с режимом труда и отдыха; несовпадение физиологических функций и динамики умственной деятельности педагога с режимом работы; неустойчивость внимания, неорганизованность; недисциплинированность);

✓ **неблагоприятный социально-психологический климат в организации** (наличие в коллективе конфликтных личностей; поощрение руководителем доносите-

ства и конфликтов; проявление синдрома «выгорания» у некоторых преподавателей; наличие в коллективе различных группировок);

✓ **выраженная ориентация на карьерный успех** (ориентация на себя и свою карьеру: «люди – средства»; отождествление личностью своей работы со своей карьерой; потребность в постоянном профессиональном признании, а также потребность безопасности и стабильности осуществления профессиональной карьеры);

✓ **чрезмерная стереотипизация профессиональной детальности** (стандартизирует мышление и гасит творческую инициативу вместе с нравственными принципами);

✓ **снижение уровня интеллекта** (повышение нагрузки: учебной, временной, материальной, физической и т.д., – выражающееся в несоответствии уровня общего интеллекта успешности педагога во взаимодействии с социальной средой; недостаточная системность в решении проблем);

✓ **профессиональная стагнация** (многолетняя деятельность в той или иной сфере сопровождается профессиональным развитием личности, однако этот процесс не может быть непрерывным: рано или поздно наступает период стабилизации, когда человек уже практически никуда не движется);

✓ **профессиональный маргинализм** (личностная позиция непричастности и ментальная непринадлежность к общественно приемлемой для данной профессии профессиональной морали, проявляющаяся в закрытости и лицемерном отношении педагога с коллегами, агрессивности, преувеличение своих заслуг, цинизм);

✓ **трудоголизм** (болезненная психологическая «трудозависимость», которая возникает в процессе чрезмерно интенсивной педагогической работы; при трудоголизме педагог ревностно относится к порядку, добросовестен, терпелив и упорен в работе, боится ошибиться, не может расслабиться и не умеет эмоционально самовыражаться);

✓ **псевдотрудоголизм** (педагог пытается прикрыть избыточным рвением к работе неспособность выполнить поставленные задачи);

✓ **приобретенная выученная беспомощность** (состояние человека, при котором он не предпринимает попыток к улучшению своего состояния, не пытается избежать негативных стимулов или получить позитивные, хотя имеет такую возможность);

✓ **отсутствие перспектив карьерного роста в организации** (отсутствие у руководителя умений стимулировать творческую инициативу педагога; нечеткие задания, исходящие от руководства, неостребованность интеллектуального продукта педагога; невозможность проявления работником собственной индивидуальности);

✓ **неразвитые навыки делового общения** (отсутствие коммуникативных, организаторских умений; низкий уровень овладения нормами профессиональной этики и профессионального общения; отсутствие умения договариваться, решать совместные задачи в нестандартных условиях);

✓ **низкий уровень корпоративной культуры** (отсутствие корпоративных интересов, убеждений, взглядов, и традиций; неумение работать в педагогической команде; отсутствие желания работать на коллективный результат);

✓ **эмоциональная напряженность педагогического труда** (высокие интеллектуальные и коммуникативные нагрузки; постоянный контроль и оценка работы);

✓ **профессиональные акцентуации** (чрезмерное усиление некоторых черт характера, а также отдельных профессионально обусловленных свойств и качеств личности);

✓ **возрастные изменения, связанные со старением** (физическое, профессиональное и психологическое старение, отрицательно сказывающиеся на достижении вершин профессионального мастерства).

Влияние специфики педагогической деятельности, а также долгое пребывание в профессии изменяет траекторию профессионального развития и обуславливает появление и развитие у педагога профессиональных деструкций. С нашей точки зрения,

наиболее эффективными способами преодоления профессиональных деструкций являются следующие:

- ✓ саморегуляция эмоционально-волевой сферы, сброс накопившейся агрессии;
- ✓ совершенствование смысловой сферы личности специалиста;
- ✓ преодоление стереотипов и деформаций профессиональной направленности специалиста;
- ✓ рефлексия педагогической деятельности;
- ✓ разработка альтернативных сценариев дальнейшего личностного и профессионального роста;
- ✓ повышение уровня образовательной, социальной и психологической компетентности.

Рассмотрим более подробно способы и пути преодоления профессиональных деструкций педагогов. В первую очередь, это своевременная диагностика профессиональной деформации и разработка стратегии преодоления профессиональной деструкции. Некоторые явления и особенности профессиональной деформации, поведение, стереотипы и оценки можно предотвратить путем их осознания. По мнению О.С. Ноженкиной, профилактика профессиональных деформаций должна быть направлена на совершенствование смысловой сферы личности педагога, включая погружение в ценностно-смысловой контекст педагогической деятельности. Необходимым условием профилактики профессиональных деструкций является выявление ценностных ориентаций педагога к самому себе, субъектам образовательного процесса и собственно педагогической деятельности. Именно ценностно-смысловая сфера определяет качественное содержание профессионального бытия [6, с. 8].

Эффективным средством преодоления негативных деформаций профессиональной направленности специалиста является переосмысление педагогических мифов и стереотипов («Вот раньше учителей уважали»; «Учителя делят детей на любимчиков и изгоев, плохих и хороших»; «Учитель досконально разбирается в своем предмете, он знает все»; «Учитель всегда оценивает ученика субъективно»; «Молодежь уже не та...»), которые выступают в качестве регуляторов практических действий педагога, определяя его мотивы, нормы деятельности, установки поведения [7].

Результативными формами проведения профилактических занятий по преодолению деструкций педагогов являются педагогические студии, тренинги, на которых используются разнообразные игры (с противоположностями, парадоксами, несуразностями, афоризмами). Они способствуют развитию рефлексивной культуры педагога, что позволяет осознать подлинное назначение педагогической деятельности, сущность собственной миссии в образовательном процессе, мотивы поступков учащихся, последствия своего личностного влияния и роли в педагогическом процессе.

Заключение

Профессия, которую человек свободно или под влиянием определенных обстоятельств выбирает для себя, становится, как правило, делом всей его жизни, определяет его судьбу. Профессиональная деятельность неоднозначно воздействует на человека. С одной стороны, она может сделать его настоящим знатоком своего дела – профессионалом, где личность может самореализоваться. С другой стороны, человек может замкнуться в рамках своей профессии, что в значительной мере сделает одномерным его мировоззрение и мышление. Специалист привыкает смотреть на мир как бы через призму своей профессии, зацикливается на ней, начинает считать свое дело самым важным для общества. Иными словами, как правило, складывается ситуация, когда не человек владеет профессией, а профессия как бы владеет человеком и откладывает «деформирующий отпечаток» на личности. Профессия может постепенно существенно изменить

характер человека. Характер, степень выраженности профессиональных деформаций зависят от характера, содержания деятельности, престижа профессии, стажа работы и индивидуально-психологических особенностей личности.

Факторами, усиливающими влияние профессии на личность педагога являются: отсутствие самоопределения при выборе профессии; недостаточный уровень развития способностей, профессионально важных качеств и психофизиологических свойств; неудовлетворенность имиджем профессии, низкой зарплатой, отсутствие моральных стимулов; чрезмерная стереотипизация профессиональной деятельности; профессиональная стагнация; профессиональный маргинализм; трудоголизм; псевдотрудоголизм; приобретенная выученная беспомощность; отсутствие перспектив карьерного роста в организации; несформированность адекватных коммуникативных навыков; эмоциональная напряженность педагогического труда; профессиональные акцентуации и возрастные изменения, связанные со старением.

Наиболее эффективными способами преодоления профессиональных деструкций являются: саморегуляция эмоционально-волевой сферы, сброс накопившейся агрессии; совершенствование ценностно-смысловой сферы личности специалиста; преодоление стереотипов и деформаций профессиональной направленности специалиста; рефлексия педагогической деятельности; разработка альтернативных сценариев дальнейшего личностного и профессионального роста; повышение уровня компетентности (образовательной, социальной и психологической).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеер, Э. Ф. Психология профконсультирования : метод. пособие / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк. – М. : Академия, 2014. – 224 с.
2. Климов, Е. А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд) / Е. А. Климов. – М. : МПСИ, 2003. – 320 с.
3. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М. : Знание, 1996. – 312 с.
4. Орел, В. Е. К проблеме соотношения основных этапов профессионального становления личности / В. Е. Орел // Весн. Ярослав. гос. ун-та им. П. Г. Демидова. Сер. «Гуманитар. науки». – 2007. – № 4. – С. 34–36.
5. Профессиональная деформация личности : учеб. пособие / сост.: А. В. Коваленко, Л. А. Шиканов. – Томск : Изд-во ТПУ, 2009. – 90 с.
6. Ноженкина, О. С. Роль рефлексии в преодолении профессиональной деформации личности педагога [Электронный ресурс] / О. С. Ноженкина. – Режим доступа: <http://detectivebooks.ru/book/27353193/?page=17>. – Дата доступа: 06.07.2017.
7. Жалагина, Т. А. Психологическая профилактика профессиональной деформации личности преподавателя вуза : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.03 / Т. А. Жалагина. – Тверь, 2004. – 309 л.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.09.2017

Habinskaya A.A. The Philosophy of Professional Activity of the Teacher as a Problem of Contemporary Education

The article is devoted to modern state of the problem of professional destructions of the personality of the teacher. The understanding of the influence of the specificity of pedagogical activity on the trajectory of professional development of the individual is given. Special attention is paid to the factors of professional destructions in professional pedagogical activity and some ways and means of prevention and correction of professional destructions are offered.

УДК: 17.026.2

Д.В. Столяров*магистр социол. наук, аспирант**Института философии Национальной академии наук Беларуси**e-mail: nizshe@mail.ru***ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ
КАК ВЗАИМОУСЛОВЛЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ**

В статье рассматривается специфика взаимосвязи между явлениями гендерной стереотипизации и двойных стандартов. Проводится анализ воздействия гендерной стереотипизации на основные сферы общественной жизни. Исследуются актуальность полоролевой стереотипизации с биологических и социальных позиций, факторы формирования и развития белорусского гендерного общества. Описываются его отличительные черты и особенности, связанные с переходным этапом его развития. Осуществляется сравнение гендерной культуры западноевропейского и белорусского обществ. Изучаются особенности влияния гендерных стереотипов на общественную жизнь и основные социальные институты. Анализируются специфические черты традиционной маскулинности и феминности. Показан характер влияния маскулинного общества на формирование гендерного поведения мужчин и женщин. Поднимаются проблемные вопросы современной западноевропейской гендерной политики.

Введение

Определенный стереотип восприятия, как правило, складывается в обществе вследствие многочисленных факторов организации жизни. Тем не менее стереотипизация как явление еще и сама может породить определенные социальные феномены. Одним из таких примеров является возникновение на ее фоне феномена двойных стандартов. Сущность его в двояком истолковании и восприятии одних и тех же действий, осуществляемых разными сторонами. В общем-то, нельзя говорить об этом как об однозначно нерациональном проявлении человеческой сущности. Здесь необходимо рассуждать с учетом исторических периодов и конкретных обстоятельств.

Маскулинность и феминность предполагают определенные значения, присущие мужчине или женщине. Множество характеристик определяют мужественность или женственность личности: это и стиль одежды, и поведение, и голосовые интонации и др. В данном случае определение ограничено Я-концепциями и тем, насколько данные концепции включают в себя свойства, отождествляемые с мужским или женским полом. Такой ограниченный подход к пониманию маскулинного и феминного начал предполагал несколько методик оценивания для исследователей. Кто-то, например, применял различные типы опросников для описания себя, кто-то проводил анализ исключительно характеристик, которые были социально желательны, некоторые исследовали характеристики, ассоциируемые с полом, не учитывая степень их желательности в социальном смысле [1, с. 146].

По сути, идеализация матери являлась главной составляющей изначальной конструкции материнства, естественно поддерживая определенные ценностные характеристики романтической любви. Имидж «жены и матери» создавал преимущественное положение для «двуполой» системы действий и чувств. По мере социоэволюционного развития мужское население стало воспринимать женское как некое иное воплощение, скрывающее в себе массу неизведанного и абсолютно чужеродного. Так, тезис о поле как сокрытии тайны стал распространяться в самых разных культурных общностях. Это

Научный руководитель – М.А. Можейко, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств

стало одним из факторов закрепощения мужчины в данной сфере [2, с. 68]. Цель исследования – доказать взаимосвязь между гендерными стереотипами и двойными стандартами в рамках современных обществ.

В контексте данной цели решаются следующие задачи:

- 1) выявить степень и характер воздействия гендерных стереотипов на социальную жизнь и ее основные сферы;
- 2) обозначить характерные черты и процессы гендерной стереотипизации в маскулинном обществе;
- 3) определить ключевые проблемные вопросы западноевропейской гендерной политики;
- 4) выявить специфические факторы, оказавшие влияние на формирование белорусского гендерного общества.

Особенности влияния гендерной стереотипизации на ключевые сферы социальной жизни

Анализируя гендерную проблематику, можно сказать, что во многом двойные стандарты в сфере гендера проистекают из явления гендерной стереотипизации, возникшей вследствие разделения труда. В период начальных стадий формирования человеческой цивилизации ввиду жесткого разделения умственного и физического труда это было закономерно объяснимо. Но чем дальше развивалось человечество, чем стремительнее осуществлялся научно-технический прогресс, тем более размытыми становились эти границы, тем более условными становились предрассудки, связанные с распределением обязанностей и характером деятельности и поведения. Конечно, и в настоящее время, сталкиваясь с необходимостью выполнения работ, требующих большей физической силы, никто не станет посылать туда женщин, но нужно сказать, что перечень таких видов деятельности стремительно снижается во всех цивилизованных странах ввиду компьютеризации и автоматизации процессов производства. Все реже и реже для выполнения тяжелых работ необходима мускульная мужская сила человека.

Следует отметить, что два из приведенных типа идентичностей у одного и того же человека не обязательно будут совпадать в связи с некоторой автономностью личности [3, с. 36]. Как следствие, возможная вероятность конфликта таковых идентичностей может породить еще ряд проблем в отношениях между гендерными группами, а также между личностью и обществом. Подавляющее влияние мужчины ориентирует действия женщин в таком ключе, когда создается впечатление того, что именно мужская часть населения получает наибольшие жизненные блага, тогда как женщины ориентируют на деятельность, которой пренебрегают мужчины. Так образовалось явление крайней конфронтации, когда желание мужчин властвовать над женщинами естественно привело к недовольству последних сложившейся ситуацией. В силу взаимозависимости полов нетрудно осознать всю нежелательность подобного положения дел, ибо оно легко порождает конфликтные ситуации, обостряет взаимоотношения [4, с. 36].

Если говорить о странах с отстающей экономикой, то здесь все ясно: они еще просто не вышли на необходимый технико-экономический уровень, требующий нового гендерного порядка и делающий старый неактуальным. Но почему же в развитых странах явление двойных стандартов изживается так медленно? Почему по-прежнему работа о ребенке считается сугубо женским делом, а война сугубо мужским, если учесть, что современный уровень технического оснащения существенно упрощает и то и другое? В данном случае, возможно, все кроется именно в системе стереотипизации, архаичных, исторически сложившихся гендерных отношений, которые и порождают двойные стандарты.

Так, мужчины не могут избавиться от ярлыка лидерства и идеальности, навешанного на них обществом (в частности, многими женщинами). В результате для подтверждения своего превосходства он вынужден искать сферы, предполагающие быстрый и яркий карьерный рост и высокие доходы, в крайнем случае – выбирать откровенно брутальные сферы деятельности, прочно закрепившиеся в традиционном сознании как сугубо мужские. Понятное дело, что в рамках человеческой цивилизации война всегда была делом более доходным, чем воспитание детей. Война – более яркая деятельность, активно показывающая твою социальную полезность, воспитание же ребенка предполагает ежедневную рутинную работу и принимается обществом как нечто само собой разумеющееся. Вот поэтому мужчины и идут на войну в тех или иных ее формах. И это лишь один, возможно, и не очень популярный в наше время пример, но то же самое можно сказать и о сферах политики и бизнеса для мужчин, школьное же образование или текстильное производство остаются уделом женщины.

Всякая неприметная и малооплачиваемая сфера в консервативном патриархальном обществе – удел женщины. Казалось бы, двойные стандарты здесь работают абсолютно на стороне мужчин и речь идет более о женской дискриминации, но, рассмотрев ситуацию глубже, можно смело утверждать, что дискриминируются все. Ведь что есть дискриминация? Это когда в той или иной форме ограничиваются свобода и права определенной категории населения. А что происходит во многих обществах? Мужчинам и женщинам четко прописывают их роли на том же рынке труда, и отклонение от этих ролей где-то просто осуждается, а где-то и законодательно наказуемо. Вот и получается, что многие женщины, находясь в рамках гендерных стереотипов и двойных стандартов, сами психологически «давят» на своих мужчин, требуя реализации в определенных сферах (успешность и авторитет которых подтверждается в обществе), определенного поведения, идентифицирующегося как мужское. Объективно все это может быть никак не связано с логической рациональностью. Мужчина же, если он хочет более-менее нормального существования в таком социуме, вынужден принимать его правила, не считаясь с собственными желаниями и склонностями относительно социальных ролей и профессиональной реализации. Таким образом, многие мужчины находятся в состоянии психологического дискомфорта либо по причине несостоятельности в традиционно мужских ролях, либо по причине осознания того, что его деятельность не приносит ему желаемого удовлетворения. Так, стереотипы в виде моральной составляющей и материальные бонусы вступают в противоречие с психологическими особенностями личности.

Двойные стандарты и гендерная конфронтация в условиях современного маскулинного общества

В описанной в предыдущем разделе ситуации мы можем наблюдать, что риски неблагоприятного исхода для мужчины в таких ситуациях несколько выше, чем для женщины. Женщина в обществах такого рода может не состояться в карьере, и это принесет ей лишь моральные страдания. Конечно, культ успешного брака и материнства в консервативно-патриархальных культурах также силен, но даже в случае неудачи и на этом фронте женщину ждет лишь критика морального плана. Мужчина же в случае неудачно сложившейся карьеры подвергается сразу двум негативным факторам. Это и описанное выше психологическое давление общества в виде необоснованной критики, насмешек, осуждения, и реальные финансовые проблемы без каких-либо надежд на помощь.

Женщинам, оказавшимся в беде, в маскулинном обществе принято помогать, мужчинам – нет. Мужчина, оказавшийся в неблагоприятной жизненной ситуации, не добьется помощи и сочувствия ни у одной из сторон. Для других мужчин он конкурент, сошедший с дистанции, для женщин – неоправданная трата времени. В данном случае мы

не имеем в виду вообще всех людей, а лишь описываем стереотипные настроения маскулинного общества. Как ни парадоксально, наряду с мужской солидарностью в таких обществах не менее развита и мужская конкуренция. Так что оступившаяся женщина – жертва, оступившийся мужчина – неудачник. И если женщина может рассчитывать на поддержку окружающих, в том числе и мужа, то в ситуации мужчиной все несколько сложнее. Женская сущность может быть как жертвенной и исцеляющей, так и беспощадно разрушающей. И тех и других примеров в литературе да и в жизни предостаточно.

Личностная идентичность гендерного характера реализуется в ходе гендерной социализации, которая представляет собой принятие содержаний культурных гендерных схем. Вся человеческая жизнь может включать в себя процессы гендерной социализации, в силу того что перед личностью всегда встают вопросы необходимости собственного определения в полоролевом пространстве [3, с. 38].

Различные общества характеризуются специфическими типами гендерного неравенства. Также они отличаются по уровню такого неравенства и насильственных действий (реальных или подозреваемых), нужных для функционирования систем различия и господства. Главные же факты остаются общими: практически любое общество базируется на утверждении гендерных различий и политике гендерного неравенства [5, с. 11].

Современная гендерная политика в западноевропейском обществе

В современном западноевропейском обществе, где ценности и стереотипы перемешались и трансформировались, гендерные отношения обострились более явно. Двойные стандарты, свойственные патриархату и описанные выше, более-менее системны и последовательны, хоть и дискриминационны. Характерные же черты стереотипов и двойных стандартов гендерной сферы современной Западной Европы – непоследовательность и хаотичность. Политика позитивной дискриминации наиболее точно отразила кризисность и иррациональность гендерных отношений в данном социуме. В современном мире гендерные стереотипы и связанные с ними двойные стандарты в принципе не могут быть логичны и рациональны, но для изучения явления важно установить некую его систему и закономерности. Двойным стандартам и стереотипам этого вида свойственна не просто бессистемность и иррациональность – их характеризует некая спонтанность и регрессивность. Но может это лишь на первый взгляд? Не является ли такое моделирование ситуации сознательным раздражением общества с целью дестабилизации обстановки и утверждением нового порядка? Или же это форма мести угнетенных угнетателям? В общем-то, учитывая фрагментарный характер западноевропейского социума и всеобщую его неопределенность в плане гендерных ценностей, можно говорить об общей социальной деградации, о ситуации массовых противостояний различных сил и интересов в его содержании. Именно этим и можно объяснить современные парадоксы развития его гендерных практик.

Дискриминационные гендерные практики в Западной Европе в отношении мужчин привели к тому, что мужское и женское начала существенно отдалились друг от друга. Однобокое законодательство, призванное регулировать отношения личного характера, сделало из всякого мужчины потенциального преступника, изначально возводя его в ранг низшего существа, как это раньше было с женщиной. Все это, конечно, можно трактовать как некую женскую месть за века угнетения, но такой путь не может быть конструктивным решением назревших вопросов. Мужчина и женщина – два базиса единой духовной первоосновы, поодиночке значительно теряют свою ценность и обречены на исчезновение. Активистки женских движений, упоенные достигнутой властью, видимо, забыли, что высшая цель гендерной революции есть равенство, а не месть, не доминирование. Такой подход не позволит сделать шаг вперед, а лишь вернет европейскую цивилизацию на ранние этапы ее формирования, если, конечно, ее вообще не по-

глотят другие, более агрессивные. В свою очередь, гендерные квоты существенно подрывают экономическую эффективность производства, что неминуемо ведет к убыткам.

Реализация описанных законодательных практик отстраняет мужчин и женщин друг от друга, усиливает гендерную конфронтацию. Отсюда вытекает ряд таких проблем, как гомосексуализм, асексуализм, снижение брачности, рождаемости, увеличение числа разводов. Правда, современная западная идеология и эти проблемы, собственно, как проблемы и не рассматривает, а рассматривает социальные группы, придерживающиеся подобных убеждений, просто как определенные меньшинства, права которых нужно блюсти даже в ущерб правам большей части граждан. С точки зрения анализа ущерба для нации в современных западных обществах происходит примерно та же ситуация, что и во времена разгула инквизиции. Если тогда просто убивали женщин, чем, естественно, снижали уровень и качество воспроизводимого потомства, то сейчас мужчин и женщин отстраняют друг от друга, делая акцент не на крепкой и гармоничной семье, а на вычурных правах сексуальных и иных меньшинств. Права женщин также доводятся до абсурда и преподносятся в весьма извращенной форме. Вместо того, чтобы искать общее между мужчинами и женщинами и отталкиваться именно от этой первоосновы, акцент почему-то ставят на различности, что неминуемо ведет к конфликту.

Формирование и трансформации гендерной культуры белорусского общества

Рассматривая белорусское общество в гендерном контексте, можно обнаружить, что в определенные моменты случались всплески маскулинизации или феминизации. Например, можно вспомнить советский период, начальный этап которого был ознаменован многочисленными мерами по урегулированию взаимоотношений в сфере гендерного равенства. Принимались законопроекты, проводились мероприятия откровенно феминистского характера. Но с течением времени все поменялось. Власть и общество опять вернулись на позиции маскулинной системы развития. Революционный запал постепенно угас, а новые исторические вызовы (например, Великая Отечественная война) лишь усугубили маскулинизацию общества. На мужчину опять был возложен непосильный груз положительного и активного персонажа.

Подобная ситуация в определенной мере оказала влияние на дальнейшее состояние белорусского общества. Полоролевая система распространялась не только на брачно-семейные отношения, но и на специфику профессиональной деятельности. Даже если женщину и назначали на руководящую должность, то чаще всего в сфере, считающейся в маскулинном обществе традиционно женской: в культуре, образовании и т.д.

Одним из наиболее распространенных направлений, объясняющих такой феномен, является дифференцирующая социализация. Согласно данной концепции люди различны, потому что их воспитали таковыми. Как только человек рождается, его половая принадлежность сразу же начинает влиять на отношение к нему общества. Со временем у детей формируются характер, поведение и ценностные установки, которые доминирующая в социуме культура разграничивает в качестве мужественных или женственных. Люди рождаются не разными – таковыми они становятся в процессе социализации. Наше рождение не является предопределяющим фактором гендерного неравенства. Y-хромосома не несет в себе черты доминантности. Это есть итог создания в культурном пространстве разной ценности мужского и женского опыта [5, с. 14].

В постсоветский период для Беларуси начался новый этап культурного формирования. Страна обрела фактическую независимость, а ее общество стало более открытым для восприятия новых идей и концепций гендерных отношений. Так, существующее маскулинное восприятие гендерной реальности столкнулось с новыми жизненными обстоятельствами, объективно требующими его трансформации. Позже это вылилось

в социально-культурные противоречия в сфере гендерных отношений, свойственные уже для современной Беларуси.

Противоречия, возникающие в обществе на фоне столкновений гендерных укладов жизни, могут принимать самый разный характер. Как правило, они обусловлены кризисом существующего гендерного порядка. Кроме того, определенные противоречия возникают в период социальных трансформаций в переходных обществах. Как же с этой позиции можно охарактеризовать белорусское общество? То, что оно переходное – да. Находится в состоянии трансформаций гендерных отношений? Безусловно. Вопросы возникают только касательно характера и интенсивности этих трансформаций. В Беларуси, конечно, подобные изменения протекают медленно и осторожно, поэтому на данный момент можно смело заявлять о его маскулинности. Впрочем, на фоне стран постсоветской эпохи Беларусь сложно упрекнуть в гендерном неравенстве при распределении властных полномочий, и это несмотря на существующий разрыв в распределении руководящих должностей между мужчинами и женщинами. Отсутствие акцента на гендере при распределении официальной власти и полномочий только в плюс белорусской модели развития.

Тем не менее, несмотря на стремление к формальному обеспечению гендерного равенства в белорусском обществе, по сей день прослеживаются черты консервативного патриархального уклада. Нельзя сказать, что на официальном уровне идеи гендерного равенства не реализуются. Можно констатировать, что при распределении функций и полномочий в государстве гендерный баланс учитывается. Это даже правильно, что на нем не заостряют внимание. Тем не менее проблемные моменты остаются. Следует сказать, что они не только чисто мировоззренческого характера. Морально-мировоззренческие аспекты тесно переплетаются с рядом законодательных положений. Остро стоит вопрос о том, как убедить общество отказаться от привычных схем поведения и начать реализовывать себя в новых направлениях. Основными препятствиями к этому остаются социально-экономические проблемы и открытая трансляция маскулинных поведенческих практик в СМИ, что вступает в открытое противоречие с, казалось бы, адекватной и умеренной в гендерном плане системой должностных назначений и государственной политики в целом. Такое положение вещей приводит к тому, что на бытовом уровне по сей день доминируют традиционные гендерные стереотипы, перешедшие к нам по наследству из советских времен. Визуальные и даже в некоторой степени смысловые интерпретации их изменились, но суть осталась прежней. Мужчине навязывается образ напористого и активного, не имеющего права на ошибку. В свою очередь, в женщине приветствуется сдержанность и умеренность, ошибочность ее действий принимается с пониманием, как нечто само собой разумеющееся. Мужчина, не вписывающийся в какой-либо мере в обозначенные рамки, в той или иной степени подвергается осуждению, хоть, конечно, оно и не имеет законодательно оформленного характера, как в более консервативных странах.

Негативное воздействие гендерной стереотипизации и двойных стандартов маскулинного общества на социальные взаимоотношения и восприятие личности было наглядно продемонстрировано западными исследователями Кэй До и Джанет Тэйноу. Проведенный ими эксперимент подразумевал прослушивание испытуемыми записи беседы с учащимися мужского и женского пола на получение престижной стипендии. В ходе прослушивания, мужчину, который успешно отвечал, испытуемые оценили выше, нежели женщину, которая отвечала ничуть не хуже. Тем не менее мужчина, отвечавший на низком уровне, у той же группы получил значительно более слабую оценку по сравнению с претенденткой, дававшей такие же неважные ответы. В ходе проведенных исследований было показано влияние гендерных стереотипов на оценку человеческих способностей. Стоит также отметить, что их отрицательное влияние распрост-

раняется как на оценку женского, так и на оценку мужского уровня. Так, среди в одинаковой степени успешных людей обоих полов компетентность признают только за мужчинами, а успешность женщин связывают с высокой мотивацией либо с простым везением, но никак не с высоким уровнем ее способностей. Вместе с этим если неудача постигает женщину, отношение к ней более снисходительное, нежели к мужчине, потерпевшему фиаско. Таким образом, из-за жестких гендерных стереотипов к мужчине предъявляются завышенные требования в плане успешности, в то время как для женщин деловой успех совсем не является обязательным [6, с. 41].

Заключение

Проблемные вопросы половых различий остаются актуальными и на сегодняшний день. На современном этапе важно разобраться, в какой степени полоролевая стереотипизация оправдана, т.е. не противоречит мужской и женской природе, а в какой степени ошибочна. Главное при рассмотрении данного вопроса придерживаться баланса между факторами биологического характера и факторами социального порядка [7, с. 9].

В современной Беларуси на официальном уровне проблема гендерной дискриминации во многом преодолена, но на бытовом уровне в сфере общественного сознания дискриминационные установки не сдают позиций. Женщина в большинстве случаев так и остается на вторых ролях, на мужчину вешают непосильное бремя первенства и ответственности. Отсюда возникают проблемы психологического и экономического насилия в семье. Так, часто жены проецируют на мужей свои неудовлетворенные экономические и социально-статусные потребности, оказывая психологическое воздействие, вынуждая их примерять на себя несвойственные образы и пробовать развиваться в сферах, вызывающих отторжение, что минимизирует шансы на успех. Такое положение вещей не может не сказываться на мужском здоровье. Неравное и неправильное распределение социальных ролей и обязанностей в равной степени негативно сказывается и на мужчинах, и на женщинах, и на всем социуме нашей страны. На данном этапе крайне важно начать активное и решительное преодоление патриархальных стереотипов именно на уровне массового сознания.

Выводы:

1. Гендерные стереотипы задают определенные схемы восприятия мужского и женского, что неминуемо ведет к различным оценкам идентичного поведения обеих сторон, порождая тем самым эффект двойных стандартов.

2. Существенная степень воздействия гендерных стереотипов на общество и его институты во многом препятствует формированию культуры гендерного равенства.

3. В современном маскулинном обществе в равной степени доминируют дискриминационные гендерные практики в отношении обоих полов, что проявляется и в профессиональной, и в личной сферах.

4. Западноевропейское общество столкнулось с проблемами в сфере распределения гендерных прав, что повлекло за собой кризисные явления в рамках основных социальных сфер.

5. На становление и формирование белорусского гендерного общества оказали серьезное влияние как внешние, так и внутренние факторы, что изначально способствовало его маскулинизации.

6. Современный этап развития белорусской гендерной культуры носит переходный характер, что создает условия для разработки новой концепции гендерного равенства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2003. – 718 с.
2. Гидденс, Э. Трансформация интимности / Э. Гидденс. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.
3. Воронцов, Д. В. Гендерная психология общения / Д. В. Воронцов. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2008. – 208 с.
4. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер. – СПб. : Акад. проект, 1997. – 256 с.
5. Киммел, М. Гендерное общество / М. Киммел. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. – 464 с.
6. Ким, Л. Гендерные стереотипы / Л. Ким // Введение в теорию и практику гендерных отношений : сб. науч. ст. – Ташкент, 2007. – 388 с.
7. Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2003. – 544 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.05.2017

Stolyarov D.V. Double Standards and Gender Stereotypes as Mutual-Determined Phenomena of Contemporary Societies

The article specifics of interrelation between the phenomena of gender stereotypization and double standards are considered. Analysis of the impact of gender stereotypization on the main spheres of public life is done. Comparison of gender culture of Western European and Belarusian societies is carried out. The nature of influence of the masculine society on formation of gender behavior is shown.

УДК 101.1:316(100)''19/20''

А.М. Дубравина

магистр ист. наук, аспирант 2-го года обучения каф. философии
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
e-mail: adubravina@ya.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ В ТРУДАХ ФИЛОСОФОВ XX – НАЧАЛА XXI в.

В статье представлены научные взгляды ученых, занимавшихся проблемой классификации социальных иллюзий и близких к ним понятий: В. Парето, В.Х. Беленького И.А. Недуговой, Л.В. Шукишиной, А.А. Байкова, П.А. Плютто, А.М. Юсуповой. Показано, что в ходе решения вопроса о классификации социальных иллюзий постепенно происходило расширение представлений о возможных источниках возникновения и развития социальных иллюзий и иллюзорного сознания в целом. Если в начале XX в. в качестве такого источника рассматривалось обыденное сознание (труды В. Парето), то к началу XXI в. представление об источниках иллюзорного сознания значительно расширилось за счет теоретического сознания, общественной психологии и т.д. Результаты работы могут быть использованы для дальнейшего исследования темы социальных иллюзий, а также в преподавании дисциплин социально-гуманитарного цикла для повышения квалификации педагогических кадров, задействованных в воспитательном процессе.

Введение

На протяжении всей истории существования человечество испытывает на себе воздействие такого явления, как социальные иллюзии. С ускорением технического прогресса интенсивность их влияния не только не уменьшилась, а, наоборот, возросла. Изменилась лишь тематика и формы иллюзорного пласта сознания, а также способы трансляции иллюзий. Вообще, способность создавать, использовать и разрушать социальные иллюзии – неотъемлемое свойство человеческого сообщества. А XXI в. с его нарастающей информатизацией и виртуализацией ставит проблему иллюзий в один ряд с наиболее актуальными проблемами современной социокультурной динамики.

Под социальными иллюзиями мы понимаем социокультурный феномен, проявляющийся в формировании, существовании либо воспроизводстве неадекватных действительности (усеченных, избыточных, модифицированных, инверсивных) представлений о себе и о социальной реальности в целом со стороны определенного индивида, социальной группы. Под представлением в данном случае мы понимаем «форму фиксации коллективного опыта в содержании культуры: в максимально обобщенном своем виде представление выступает структурно-содержательной формой конституирования мировоззрения как системы наиболее общих представлений о мире, человеке и месте человека в мире, выступая в качестве глубинных семантико-аксиологических оснований той или иной культурной традиции» [1, с. 652]. Свою формулировку понятия «социальные иллюзии» мы основываем на взглядах философов классического периода античной философии: Платона, Аристотеля и продолжающих их традицию просветителей. Этот духовный феномен имеет сложную структуру и затрагивает как собственно сферу сознания, так и отчасти сферу бессознательного.

На протяжении веков представители социогуманитарных наук, исследовавшие различные аспекты социальных иллюзий, считали необходимым систематизировать и классифицировать эти феномены, а также и другие иллюзорные образования. В XX – начале XXI в. тема социальных иллюзий привлекает внимание все большего числа ученых. При изучении динамики исследования социальных иллюзий мы используем хро-

---

Научный руководитель – С.З. Семерник, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

нологический подход. Можно отметить, что зарубежные философы и социологи обратились к проблеме социальных иллюзий несколько раньше, чем отечественные. В частности, одним из таких ученых, рассматривавших на рубеже XIX–XX вв. проблему социальных иллюзий, был *итальянский социолог Вильфредо Парето*.

Многомерность, многослойность и многокомпонентность феномена социальных иллюзий предполагает, что в основе их классификации не может лежать методология, использующая один классификационный признак. Поэтому многие философы, изучавшие особенности социальных иллюзий, пытались классифицировать их по различным основаниям. Так, Вильфредо Парето попытался дать классификацию всех иллюзорных образований, взяв в качестве основного классифицирующего признака такой источник возникновения иллюзий, как обыденное сознание. Учитывая методологический поворот в социогуманитарном познании, который произошел на рубеже XIX и XX вв., когда предметом пристального внимания исследователей стал мир повседневности, частная жизнь и обыденный мир отдельной личности, обращение к исследованию иллюзий, которые возникают в обыденном сознании, было вполне закономерным.

Псевдологическим формам объяснений, возникающим в общественном сознании по поводу иррациональных действий субъектов, а также идеологемам, иллюзиям, верованиям и т.п. В. Парето дал обобщенное название «деривация», понимая под ней своеобразную «вторичную» реальность, возникающую на основе реально существующей действительности. Он разделил деривации на четыре класса, каждый из которых имеет несколько подклассов.

Первый класс дериваций, по мнению Парето, имеет три подкласса. Первый подкласс дериваций формируется на основе стремления человека изречь некую «истину», будто бы продиктованную эмпирическим опытом (сюда относятся изречения из священных книг, запреты, табу и т.д.). Второй подкласс порождается эмоциями, которые нуждаются в косвенном выражении, в некотором словесном закреплении. Данные деривации вовсе не являются итогом логических умозаключений. Скорее, их можно назвать отвлеченным обозначением переживаемого чувства. Третий подкласс дериваций может формироваться как смесь первого и второго источника. Это выражение чувства, которое претендует «на звание» установленного факта.

Второй класс дериваций обусловлен тем, что люди психологически склонны выступать в роли консерваторов или новаторов. Консерваторы нуждаются в авторитете, который санкционировал бы их «мудрость». Тут возможны ссылки на различные источники: на одного человека или на «других», на традиции, обычаи или нравы, на религиозные авторитеты. Новаторы также ищут опору во всех этих ссылках, прибегая лишь к иным комбинациям тех же источников.

Третий класс дериваций представляет собой обращения к общепринятым чувствам и принципам: ссылки на «общее мнение», в частности, пословицы, поговорки и другие сентенции; логические оправдания собственного интереса, так сказать, резоны своей выгоды; обоснование коллективного интереса; всякого рода апелляции к юридическим сущностям, т.е. к абсолютной морали и абсолютному закону; поиск абстракции типа «справедливость», «истина», «демократия»; наконец, религиозно-этические системы вроде учения Августина Блаженного.

Четвертый класс дериваций порожден готовностью человека спорить, дискутировать, выдвигать доводы. По мнению В. Парето, есть некие реальные, объективно существующие вещи (понятия), которые обозначаются разными терминами, многие из которых лишены определенности. Это, во-первых, известные из формальной логики софизмы. Во-вторых, это термины, которые обозначают действительные факты, события или процессы, но при этом с помощью выбора возможных слов достигается тот или иной эффект. К таким деривациям принадлежат лжерационализации, псевдообъясне-

ния, эвфемизмы. Можно сказать, например, «кража», а можно «экспроприация»; суть, по мнению Парето, одна, а эмоциональные оттенки совсем разные. Оказывается, одно и то же свойство можно обозначить множеством вариантов. Здесь открываются широкие возможности формировать те или иные эмоциональные состояния. В-третьих, деривации этого класса образуют различные комбинации реального смысла и используемого «расплывчатого» термина [2, с. 190–236].

Если исходить из того, что лжерационализации, псевдообъяснения, как и мифы, можно отнести к способам объективации социальных иллюзий или их составным частям, то, соответственно, приведенная выше классификация может быть применена и к объекту нашего исследования.

В.Х. Беленький в многообразии социальных иллюзий выделяет следующие формы: индивидуальные и общественные (групповые, массовые), наивные и циничные, традиционные и актуальные, стратегические и тактические, развернутые и свернутые. Данный исследователь не раскрывает сущности всех форм, останавливая свое внимание лишь на последней паре. «Развернутая социальная иллюзия вызвана к жизни усилиями коммуникатора, для чего он использует мифы, дезинформацию, неадекватные научные концепции, различные технологии управления. Свернутые – это иллюзии несостоявшиеся (не дошедшие до адресата) или состоявшиеся не в полной мере» [3, с. 112].

Поскольку с социальными иллюзиями тесно связаны такие понятия, как «иллюзорное мировосприятие», «иллюзорное сознание», мы рассмотрим также классификацию данных понятий и обозначаемых ими феноменов. *И.А. Недугова* в своем исследовании [4] выделяет четыре основных типа иллюзорного сознания.

Первую группу составляют иллюзии самообмана (индивидуальные иллюзии), связанные с неудовлетворенностью настоящим, что порождает необоснованную веру в будущее. Сюда же относятся современные иллюзии самообмана, связанные с существующими в обществе социальными стереотипами богатства, успеха и славы. Вторую группу составляют социально-политические стереотипы, мифы и иллюзии. Здесь особо следует отметить политические идеологии, утопии, в которых описывается идеальный общественный порядок. К третьей группе иллюзорного сознания отнесены клинические нарушения сознания. Четвертая группа иллюзий связана с процессами познания и самопознания. Человек, являясь частью социума, познает самого себя через призму существующих особенностей, где зачастую часть «выдается» через целое [3, с. 18].

По мнению *Л.В. Шукиной*, в качестве классификационных признаков социальных иллюзий можно предложить следующие основания, или критерии:

- 1) субъекты – состояния личности и различных общностей (иллюзии групп, коллективов, классов, народов, масс, рас, общества);
- 2) уровень нормативности – иллюзии нормативные, пограничные и отклоняющиеся от нормы (аномальные, патологические);
- 3) временные параметры – иллюзии кратковременные, длительные, постоянные;
- 4) приуроченность к источнику – иллюзии ситуативные, актуальные, субъективные;
- 5) тональная окраска – иллюзии нейтральные, минорные, мажорные;
- 6) уровень осознанности – иллюзии осознаваемые, малоосознаваемые и бессознательные;
- 7) уровень контролируемости – иллюзии спонтанные, неконтролируемые, контролируемые;
- 8) уровень напряженности – иллюзии, приводящие к стрессу, разрядке и релаксации;
- 9) направленность психических функций субъекта – иллюзии по отношению к другим, по отношению к деятельности, иллюзии общения;
- 10) сферы общества – экономические иллюзии, социальные иллюзии, политические иллюзии, иллюзии в духовной сфере [5, с. 247–248].

Основываясь на психологическом подходе, российский исследователь предлагает такую дихотомию иллюзий, как пассивные и активные. Носители активной иллюзии – это субъекты с мощными социальными и личностными ресурсами, что позволяет им преодолевать различные препятствия, брать на себя ответственность, трансформировать обстоятельства [6, с. 155]. Пассивные иллюзии Л.В. Шукшина характеризует, используя такие словосочетания, как «пассивное упование», «выжидательная иллюзия» [7, с. 92], что, на наш взгляд, характеризует не сами иллюзии, а их носителя, его отношение к возможности и способам реализации определенных целей.

Недостаточно обоснованной представляется позиция, предполагающая существование такого вида иллюзий, как «реальные иллюзии» (полностью осознаваемые). «Реальная иллюзия подразумевает ожидание объективно возможного и соответствие ресурсов и усилий человека этому возможному» [7, с. 93].

Иллюзии могут быть направлены как в будущее, так и в прошлое. Поскольку полностью осознаваемая иллюзия утрачивает свое означаемое (воображаемую реальность), то существует лишь как знак. В случае, приведенном выше, мы можем говорить о векторе направленности иллюзии, а не о реальной возможности ее достижения.

«Истоки недостижимой иллюзии находятся в искаженном восприятии действительности. Этот вид основан исключительно на обмане чувств, на предубежденности людей и на сознательной или бессознательной подмене критериев оценки» [7, с. 93]. Основываясь на определении ключевого понятия, мы позволим себе оспорить такой подход к классификации, поскольку все социальные иллюзии (а не только недостижимые) – это прежде всего неадекватные представления субъекта о социальной действительности.

Л.В. Шукшина выделяет также такую форму иллюзий, как эзотерические. Она описывает их как иллюзии, уходящие в область трансцендентного: им «свойственна особая область ожидания, которая простирается в таинственный, сверхъестественный или магический миры; мессианские иллюзии, основанием которых является фигура мессии, Спасителя, способного избавить от земных невзгод; апокалипсические иллюзии – рассчитаны на преодоление разочарования и отчаяния через катастрофу и последующее глобальное обновление; утопические иллюзии – фантазии относительно построения идеального общественного устройства» [7, с. 93–94]. На наш взгляд, такие иллюзии можно рассматривать не просто как отдельную форму социальных иллюзий, но как архетипический элемент массового сознания.

Различные критерии для различия социальных иллюзий определяет *А.А. Байков*. Он выделяет следующие основания классификации:

1. По задействованной познавательной способности: иллюзии восприятия и иллюзии мышления. К иллюзиям восприятия относятся прежде всего значимые искажения ощущений (любых органов чувств) и производимые ими искаженные образы. К иллюзиям мышления относятся симулякры, стереотипы, мифы, идеологии, различные формы самообмана, личные значимые заблуждения и другие ложные идеи и представления, которые искажают мировоззрение людей. Стоит сказать, что для иллюзий мышления можно выделять особые подвиды по области действия: социальные иллюзии, научные иллюзии, политические иллюзии и др.

2. По необходимости возникновения: трансцендентальные и акцидентальные иллюзии. Данное различие необходимо по причине трудности обнаружения трансцендентальных иллюзий. Трансцендентальные иллюзии – это искаженное восприятие и мышление человека, присущие ему независимо от индивидуального опыта. Акцидентальные иллюзии – это искаженное восприятие и мышление, присущие человеку и появляющиеся случайным образом в связи с определенными явлениями и событиями или обусловленные индивидуальными особенностями.

3. По типу субъекта: индивидуальные и коллективные иллюзии. Индивидуальные иллюзии – это искажение действительного, присущее одному единственному сознанию. К индивидуальным иллюзиям относятся личные заблуждения, результаты самообмана, искажения восприятия, причиной которых является индивидуальное развитие, случайные одномоментные иллюзии. Коллективные иллюзии – это искаженные восприятие и мышление, присущие для целой группы лиц.

4. По источнику происхождения: естественные и искусственные иллюзии. Естественные иллюзии – это иллюзии, создание которых не обусловлено сознательной деятельностью человека. К естественным иллюзиям можно отнести все врожденные иллюзии, большинство иллюзий восприятия, почти все индивидуальные иллюзии. Естественными являются и социальные иллюзии, не имеющие очевидного создателя, а возникшие случайно, из-за определенного стечения обстоятельств. Искусственные иллюзии – это иллюзии, умышленно создаваемые человеком, который при этом понимает, что создает иллюзию.

5. По характеру влияния на человека, культуру и общество: конструктивные и деструктивные иллюзии. Конструктивные иллюзии оказывают положительное влияние на человека, культуру и общество. К ним относятся, например, художественные иллюзии, иллюзии восприятия, на которых затем основываются определенные оптические технологии, социальные иллюзии, способствующие сплочению общества не в ущерб отдельным лицам. Деструктивные иллюзии оказывают негативное влияние на человека и общество. Общественные стереотипы, заблуждения, ограничивающие познание, относятся именно к ним [8].

А.А. Байков в своей классификации обобщает представления обо всех иллюзиях (а не только о социальных), объединяя их в общий исследуемый массив. Такой подход, по нашему мнению, не совсем правомерен, так как иллюзии восприятия основаны на ошибках органов чувств, а социальные иллюзии связаны с духовной деятельностью человека и социума. Мы в своей классификации анализируем исключительно социальные иллюзии, оставляя порождения ошибочного восприятия органов чувств естественным наукам.

Весьма оригинальную классификацию представляет П.А. Плютто. Все иллюзии, обозначенные им как «социокультурные», он подразделяет на иллюзии стихийные и рационализированные. По мнению данного автора, первый вид иллюзий обычно фигурирует под наименованием «социальных мифов», а второй более известен под именем «утопий» и «идеологий» [9, с. 11].

Такое глобальное разделение иллюзий дополняется рядом более локальных по следующим признакам:

1) по потребностям человека в особой «жизни в иллюзиях» – религиозные, метафизические, идеологические. Все эти иллюзии имплицитно или эксплицитно стремятся удвоить реальность.

2) по социокультурным сферам, в которых совершаются иллюзии – тендерные; идеологические; исторические; массовые; моральные; научные; национальные; педагогические; повседневные (обыденные); политические; правовые; религиозные; философские; экономические; элитарные; эстетические и т.д.

Автор также допускает возможность деления данных видов на подвиды. Например, среди исторических или научных иллюзий согласно историческим эпохам можно выделить «социокультурные иллюзии «древнего мира», «средневековые социокультурные иллюзии», «социокультурные иллюзии эпохи Нового времени» и т.д.

3) по привязке к конкретному историческому месту и времени – глобальные (или исторически-сквозные) – те, которые существуют у разных народов в разные исторические эпохи или у одного и то же народа на протяжении длительного исторического

промежутка времени; и локальные – те, которые оказываются жестко привязаны к конкретному историческому месту и времени.

4) по охвату – массовые и элитарные.

5) по отношению к науке – донаучные и научные [9, с. 119–124].

В своеобразной классификации Плюто имеются принципиальные моменты, с которыми мы не можем согласиться: уравнивание понятий «иллюзия», «миф», «утопия», «идеология». В своем исследовании мы рассматриваем мифы и утопии как понятия близкие к понятию «иллюзии», но не тождественные. При всем внешнем сходстве они, по нашему мнению, представляют собой лишь форму объективации социальных иллюзий. Идеология нам представляется в качестве одной из сфер продуцирования и существования иллюзий, но никак не видом иллюзий.

А.М. Юсупова все существующие иллюзии разделяет на «иллюзии восприятия» и «иллюзии мышления». Социальные иллюзии она относит к иллюзиям мышления и классифицирует их по следующим критериям:

1) по признаку необходимости – трансцендентальные и акцидентальные. Первые представляют собой искаженное восприятие и мышление человека, с необходимостью присущие ему, независимо от индивидуального опыта. К трансцендентальным иллюзиям можно отнести иллюзорные представления, которые Ф. Бэкон называл идолами рода. Трансцендентальными иллюзиями можно считать религиозные представления. Акцидентальные иллюзии – это искаженное восприятие событий и процессов, которое не присуще человеку априори. Акцидентальные иллюзии зависят от определенных явлений или обусловлены индивидуальными особенностями человека. К акцидентальным иллюзиям можно отнести, например, национальные стереотипы.

2) По распространенности – индивидуальные и коллективные. Индивидуальные иллюзии – это представления, присущие одному человеку. Коллективные иллюзии разделяются на групповые и массовые. Групповые иллюзии транслирует определенная социальная группа, объединенная возрастными, профессиональными или другими признаками.

3) По характеру возникновения – естественные и искусственные. Возникновение естественных иллюзий не обусловлено сознательной деятельностью человека. Искусственные иллюзии создаются умышленно с целью манипуляции общественным сознанием.

4) По характеру влияния на человека, культуру и общество – конструктивные и деструктивные иллюзии. Конструктивные иллюзии оказывают положительное влияние на человека, культуру и общество. Деструктивные иллюзии оказывают негативное влияние.

5) По способности к саморефлексии субъекта иллюзии – осознаваемые и неосознаваемые. В первом случае индивид допускает мысль, что имеющееся у него представление о каком-либо событии, явлении, человеке не соответствует действительности. Неосознаваемые иллюзии вообще не расцениваются человеком как заблуждения.

6) По степени укорененности в сознании – традиционные и актуальные. Иллюзии традиционные, в противовес иллюзиям актуальным, видятся как некие вневременные, повторяющиеся из поколения в поколение иллюзорные представления, которые могут претендовать на роль регулятора картины мира. Актуальные иллюзии продуцируются, развиваются и предаются забвению в относительно короткий период времени, связаны с политико-экономической формацией общества, зависят от господствующей идеологии и сиюминутных политических и экономических реалий общества.

7) По степени воздействия на адресата – развернутые и свернутые (терминология В.Х. Беленького) [10, с. 44–48].

Заклучение

Исследователи, подходя к анализу социальных иллюзий и близких к ним понятий, обращали внимание на необходимость выявления границ применимости каждой терминологической единицы, имеющей отношение к данному вопросу, определения как ее содержания, так и объема. По их мнению, благодаря данной мыслительной процедуре, появляется возможность точного соотнесения понятия «социальные иллюзии» (а также «миф», «утопия», «стереотип» и т.п.) с тем или иным конкретным феноменом общественного или индивидуального сознания, что, в свою очередь, самым существенным образом влияет на глубину их понимания.

Один из способов решения данной задачи – составление классификации названных феноменов: выявления оснований для смыслового их разделения либо обобщения, установления диапазона возможных вариантов проявления. В начале XX в. классификации подлежали только те социальные иллюзии, которые относились к обыденному сознанию, например, классификация В. Парето, который систематизировал все псевдологические формы объяснений, имеющих отношение к обыденному сознанию, дав им название «деривации». Выделив четыре класса дериваций, итальянский социолог каждый из них разделил на подклассы.

Позднее стали рассматриваться и другие источники возникновения иллюзорного сознания. В частности, это отражено в работах российских исследователей И.А. Недуговой, Л.В. Шукшиной, П.А. Плюгто, А.М. Юсуповой и др.

На наш взгляд, наиболее полный анализ классификационных оснований представлен в работах А.А. Байкова. Этот современный российский исследователь, охватывая широкий пласт критериев, анализирует все иллюзии, а не только социальные.

Таким образом, можно сделать вывод, что в XX–XXI вв. проблема изучения социальных иллюзий и вопрос об их классификации актуализировались. Именно в данный период времени наблюдается значительный рост числа исследовательских работ, посвященных названной проблематике. Это связано как с умножением объективных предпосылок «погружения» общественного и индивидуального сознания в состояние иллюзорности (формирование информационного общества, появление и стремительное развитие виртуального мира и т.п.), так и с усилением субъективного интереса академического сообщества и неакадемических (политических, экономических, культурных и т.п.) общностей к данной проблеме, желающих выявить возможность/перспективу практического использования социальных ситуаций, связанных с возникновением, развитием и уничтожением социальных иллюзий.

Несмотря на наличие множества работ на данную тему, проблема и сегодня остается открытой, поскольку изменения, происходящие в ходе социокультурной динамики, не только порождают новые иллюзорные образования, но и заставляют пересмотреть взгляды на классификацию уже имеющихся социальных иллюзий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Представление // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Минск : МФЦП, 2002. – 1008 с.
2. Парето, В. Компендиум по общей социологии / В. Парето. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2008. – 511 с.
3. Беленький, В. Х. Социальные иллюзии: опыт анализа / В. Х. Беленький // Социол. исслед. – 2001. – № 5. – С. 110–116.
4. Недугова, И. А. Иллюзорное сознание: онто-гносеологический анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / И. А. Недугова. – Челябинск, 2005. – 150 л.

5. Шукшина, Л. В. Особенности представления о социальных иллюзиях у современных студентов / Л. В. Шукшина, О. В. Мизонова // Молодежь как активный субъект современного общества : материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов, студентов, Саранск, 14 дек. 2012 г. / Мордов. ун-т ; редкол.: Н. М. Арсентьев (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 2013. – С. 245–253.

6. Шукшина, Л. В. Социальные иллюзии как экзистенциальная ценность / Л. В. Шукшина // Вестн. Ленинг. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. «Философия». – 2008. – № 4 (17). – С. 151–159.

7. Шукшина, Л. В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Л. В. Шукшина. – Саранск, 2010. – 301 л.

8. Байков, А. А. Классификация основных видов иллюзий относительно взаимодействия с субъектом [Электронный ресурс] / А. А. Байков // Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2013. – № 4. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/4/Baykov_Types-of-Illusions/. – Дата доступа: 15.02.2017.

9. Плюто, П. А. Исследование реальности социокультурного виртуального. Опыт анализа социокультурных иллюзий / П. А. Плюто. – М. : Прогресс-Традиция, 2014. – 366 с.

10. Юсупова, А. М. Журналистика как фактор формирования социальных иллюзий: на примере общественно-политических изданий Уральского федерального округа : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / А. М. Юсупова. – Екатеринбург, 2016. – 228 л.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.09.2017

Dubravina A.M. The Classification of Social Illusions in the Works of Philosophers of XX–XXI Centuries

The present article investigates the problem of the classification of social illusions in the works of philosophers of XX–XI centuries. The scientific views of the scholars who studied the problem of scientific illusions and related concepts are presented: V. Pareto, V.H. Belenkij, I.A. Negugova, L.V. Shukshyna, and A.A. Baykov, P.A. Plutto and A.M. Yusupova. V. Pareto classified all pseudologic forms of explanation and called them derivation. Having distinguished four derivation classes, he further split them into subclasses. I.A. Nedugova determined four basic types of illusory perception taking the source of the illusory and the form of its manifestation as a basis. L.V. Shukshyna suggested classifying illusions based on a psychological approach. In conclusion, the main results of the author's research are summed up. The results can be used for further research in the field of social illusions, as well as in teaching humanities; and to improve the skills of the teaching staff involved in the educational process.

УДК 316.3.004

П.П. Каскенов

аспирант каф. философии

Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

e-mail: rockmanishere@gmail.com**ТРАНСФОРМАЦИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЙ СОЦИУМА
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ: ХАРАКТЕР И НАПРАВЛЕННОСТЬ**

В статье описаны процессы десистематизации знания вследствие нарастания информационного потока. Выделены факторы, влияющие на восприятие индивидом виртуального пространства и позитивных и негативных симулякров. Отмечены тенденции формирования альтернативных виртуальных обществ, а также их способность переходить в состояние виртуальной толпы. Проведены аналогии между элементами религии и индивидуальным виртуальным полем индивида.

Духовные и нравственные ценности играют существенную роль как в историческом развитии общества, так и в развитии отдельного индивида как такового, являясь основой для его личностного роста и социализации [1, с. 138]. Наличие духовно-нравственных ориентиров обуславливается необходимостью присутствия в социуме как сложной организованной системе механизмов саморегуляции для поддержания важнейших системных параметров на определенном уровне с целью обеспечения ее стабильности и устойчивого развития.

На сегодняшний день основным вектором развития современного социума является его информатизация, направленная в идеале на построение общества знания. Эта направленность сохраняется за счет развития современных технических средств (Интернета в первую очередь) и последующего увеличения времени пребывания людей в виртуальном пространстве.

Широкие возможности, полученные человечеством за счет технического прогресса (доступность информации и расширение географии межличностных взаимодействий), однако, не всегда ведут к созданию именно общества знания. Часто получение информации из виртуального пространства происходит фрагментарно, не систематизируется и, как следствие, знание как таковое не образуется. Не-знание, т.е. десистематизированная информация, в свою очередь, не позволяет индивиду получить механизмы для обработки новой информации, и при получении новой информации образуется не-знание второго уровня, которое после приводит к получению не-знания третьего уровня и т.д. Таким образом, десистематизированность накапливается и растет, и в итоге индивид вынужден пользоваться готовыми решениями в той или иной жизненной или виртуальной ситуации. Очевидно, что при таком положении вещей индивид становится подвержен влиянию извне различного рода манипуляций и внушений, открывается простор для использования ситуации в коммерческих и/или пропагандистских целях. Однако это влиянием извне будет лишь фигурально, на деле же все будет происходить в пространстве «индивидуального “виртуального информационного пространства” вокруг индивида» [2].

Вытеснение традиционного общения виртуальным еще больше влияет на такие негативные тенденции. Виртуальное общение, заявленное как «стирающее границы», на деле очерчивает их вокруг человека, который при виртуальном общении взаимодействует не с другими людьми, а с симулякрами, т.е. с имитацией несуществующего.

Научный руководитель – О.А. Романов, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

«Прибегать к диссимуляции – это значит делать вид, что вы не имеете того, что у вас есть. Симулировать – это значит делать вид, что у вас есть то, чего вы не имеете. Одно отсылает к наличию, другое – к отсутствию» [3, с. 8].

В этом случае диалог, который при традиционном общении является не только способом передачи информации, но и средством культурного и духовного обмена, становится двумя параллельными диалогами, которые обращаются к взаимнообращенным симулякрам.

Все большее количество времени, проводимое человеком в виртуальном пространстве, вынуждает его создавать и улучшать свой персональный симулякр, приводя его в соответствие с запросами рынка с целью культивируемого сегодня персонального обогащения. В этом смысле провозглашаемая неограниченная свобода самовыражения в виртуальном пространстве на деле является ограниченной не только возможностями того или иного ресурса, но и спросом на определенные типы симулякров, причем как у производителей той или иной продукции или услуг, так и у рядовых пользователей. Интернет-ресурсы, позволяющие создавать персональные аккаунты (страницы пользователей), являются не чем иным, как аналог рынка рабов в виртуальном пространстве, где каждый презентует свой симулякр с целью его популяризации как для повышения его статуса, так и для своего обогащения. В случае обретения симулякром популярности за ним может быть закреплен определенный товар или услуга, что будет коммерчески обоюдовыгодно. При этом не имеет значения, является симулякр позитивным (вызывающим положительную реакцию) или негативным (вызывающим отрицательную реакцию). Важно то, каким образом построить его ассоциирование с продуктом. Очевидно, что точно таким же образом можно произвести синтез симулякра с любой идеей вообще. При этом вышеописанная десистематизированность информации не позволяет ориентироваться в самих идеях, навязываемых популярными симулякрами, и, как следствие, индивид оценивает их с точки зрения симпатии и антипатии к симулякру.

Также заявляемая свобода самовыражения в Сети ведет к тому, что индивид воспринимает виртуальное пространство как среду беззакония и безнаказанности, что также может привести к различного рода негативным девиациям. Еще больше эту ситуацию усугубляют интернет-зависимость и игровая зависимость, которые, являясь способом ощутить то, что невозможно по различным причинам в реальной жизни, приводят к изменению мироощущения индивида (это происходит по причине реверсивного характера симуляции, т.е. не только индивид изменяет симулякр, но и симулякр способен изменять индивида). В таком случае граница между реальным и виртуальным стирается, что и приводит к правонарушениям и даже преступлениям [4].

Стоит обратить внимание на формирование в процессе информатизации множественных альтернативных обществ. Эти общества обладают рядом свойств, которые при определенных обстоятельствах становятся весьма опасными.

Во-первых, индивид может принадлежать к большому количеству обществ одновременно, при этом иметь в них различные социальные статусы и находится на разных ступенях иерархии. Учитывая то, что в случае с виртуальным пространством при использовании современных средств коммуникации (смартфонов, компьютеров и т.п., держащих всегда «на связи») индивид постоянно находится в условиях мгновенной смены своей социальной роли, т.е. практически индивид одновременно играет различные социальные роли. Это может приводить к элементарному перепутыванию своих социальных ролей в различных обществах, а также к «усреднению» социальной роли, появлению желания с наименьшим сопротивлением занять тождественные социальные позиции во всех виртуальных обществах.

Во-вторых, нередко социальная роль индивида в виртуальном обществе абсолютно не совпадает с той, которую он выполняет в реальной жизни. Поэтому также возможны диссонансы социальных ролей.

В-третьих, в любом обществе, реальном или виртуальном, существуют свои лидеры, которым легко дается убеждение и внушение. В случае с виртуальным обществом они могут в разы эффективнее транслировать идеи, выгодные как им, так и кому-либо еще, за счет того, что любая информация в виртуальной среде имеет свойство быстро распространяться посредством инструментов репостинга и точечной пересылки, что приводит к тому, что индивид «потребляет» одну и ту же информацию несколько раз, т.к. ее ретранслируют связанные с ним пользователи, и при нехватке времени на обработку и критическое осмысление информации начинает воспринимать ее как истину.

Также нельзя не отметить того факта, что часто виртуальные общества за короткое время трансформируются в виртуальную толпу. В данном случае толпа понимается как собрание людей, объединенных неким порывом, и «при известных условиях – и притом только при этих условиях – собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания» [5, с. 159]. Ввиду того, что такого рода метаморфозы в виртуальном пространстве не требуют больших усилий (индивид все время находится в состоянии переключения социальных ролей), это происходит довольно быстро. Речь идет, например, о т.н. «набегах» – массовых организованных посещениях пользователями одной части виртуальной среды с целью дестабилизации работы другой. Более того, можно говорить о двойственном характере виртуальных обществ или о виртуальном обществе-толпе, которое одновременно обладает как строгой иерархической структурой общества при внутренних взаимодействиях, так и отсутствием различий между индивидами при действиях, направленных во внешнюю виртуальную среду.

Особо опасными вышеперечисленные тенденции выглядят ввиду все большего количества времени, которое человек затрачивает на различного рода источники информации. По результатам исследования, проведенным eMarketer в 2011 г., в США время, которое средний американец проводил за изучением источников информации, составляло 11 ч 33 мин. [6]. При этом необходимо учитывать тот факт, что практически все виды источников информации (газеты, радио, кино, телевидение, интернет-ресурсы) интегрированы как в форме дублирования или пересказа информации, так и при помощи инструментов перенаправления. Следовательно, большую часть жизни индивид получает информацию по различным информационным каналам, не имея инструментов для их критического оценивая, и, как следствие, принимает одну из предложенных точек зрения по тому или иному вопросу. Зачастую это приводит к растрачиванию индивидом времени на отстаивание приобретенной точки зрения на публичных интернет-форумах и других площадках, позволяющих производить симуляцию диалога. Несмотря на очевидную необходимость моральных норм для регулирования поведения индивидов в виртуальном пространстве, они практически полностью отсутствуют. Между тем попытки регулировать поведение пользователей виртуального пространства извне не приносят желаемого результата ввиду технической сложности этой задачи, а также множества путей обхода пользователями тех или иных правил и запретов. Поэтому единственным решением данной проблемы видится контролирование и регуляция поведения пользователей изнутри, т.е. при помощи самоконтроля и саморегуляции индивидов посредством обретенных ими духовных и нравственных ценностей и установок.

На протяжении длительного периода истории человечества фундаментом, на котором строился самоконтроль личности, была религия. Ее духовно-нравственные ценности определяли не только контроль личности над собой, но и контроль внешний, что нашло отражение в законах, различного рода предписаниях, заповедях и т.д. Долгое

время религия оставалась также необходимой отдушиной для человека, способом отвлечения от проблем, дающим надежду на их скорое разрешение всемогущим существом. Однако «возрастающие научные достижения постепенно подрывали религиозные устои, опрокидывали религиозное учение о мироздании в целом и месте в нем человека» [7]. Это зарождало сомнения у людей в правильности этого учения, что приводило их к отказу от него, а вместе с отказом от учения и к отказу от духовно-нравственных ценностей религии. Это породило целый ряд проблем, связанных с образованием духовного и нравственного вакуума, который так и не смогла заполнить наука. Духовно-нравственный кризис многократно усиливается с развитием информационно-коммуникационных технологий по причине ощущения индивидом своей безнаказанности в виртуальном пространстве. Неудивительно, что в настоящее время распространена точка зрения, согласно которой для сохранения духовно-нравственного наследия необходимо восстановить традиционные религиозные ценности в современном мире [1, с. 117]. Не вызывает сомнений тот факт, что религиозное сознание содержит достаточный этический потенциал, который может быть востребован в процессе происходящих сегодня социальных трансформаций.

Однако существует целый ряд проблем при использовании культурного опыта религий для заполнения образовавшегося в результате сложных отношений науки и религии духовно-нравственного вакуума.

Во-первых, религиозная мораль неразрывно связана с самим вероучением о строении мира и о месте человека в нем, которое по многим вопросам вступает в конфликт с научной точкой зрения, которую, в свою очередь, не представляется возможным синтезировать в полной мере с религиозным учением.

Во-вторых, духовные и нравственные ценности религиозного характера предполагают традиционное межличностное взаимодействие и, соответственно, не могут быть полностью перенесены в виртуальное пространство в сферу межличностных взаимодействий симулятивного характера.

В-третьих, в формируемом вокруг индивида индивидуальном информационном поле действуют свои законы и аналогии с элементами религий. Так, существует легенда о его создании самим индивидом, который и задает законы работы этого самого пространства. Тут же существуют аналогии различного рода религиозных предписаний, заповедей, за исполнение и неисполнение которых существует система поощрений (одобрительные отметки – «лайки») и наказаний (неодобрительные отметки – «дизлайки»). Есть в виртуальном пространстве обряды принятия (добавление в «друзья» или список контактов) и отречения (удаление из «друзей» или списка контактов). Также вхождение в индивидуальное виртуальное пространство другого пользователя нередко предполагает элемент веры в полную идентичность симулякра и его создателя (сомнение в фейковости, т.е. несоответствии создателя и виртуального образа может «каратся» при помощи инструментов ресурса). Очевидно, что, выступая в этом персональном пространстве в роли создателя, индивид самостоятельно формирует законы его работы (в рамках существующих ресурсов и/или технических средств) и духовные и ценностные ориентиры. В таком случае религиозное учение и его духовно-нравственные ценности будут настолько действенны, насколько они будут соответствовать законам виртуального индивидуального пространства.

Все это говорит о том, что существует необходимость в совершенно ином подходе к формированию духовно-нравственных ценностей индивида. Опираясь на опыт, в том числе и на религиозный, необходимо выработать новые направления аргументации духовного и нравственного, их логическое обоснование с целью не допустить тотализации человека, его публичного затворничества, дегуманизации и обеспечить таким образом трансформацию социума в общество знания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека / О. А. Павловская [и др.] ; под ред. О. А. Павловской ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 451 с.
2. Владимирова, Т. В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз / Т. В. Владимирова // Социол. исслед. – 2011. – № 5. – С. 123–129.
- 3 Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. – М. : ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
4. Климентьева, И. А. Философский анализ значения некоторых смыслов виртуальной реальности / И. А. Климентьева // Вес. НАНБ. Сер. гуманітар. навук. – 2016. – № 2. – С. 5–9.
5. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон ; пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. – М. : АСТ, 2017. – 320 с.
6. Media Multitasking Brings Challenges and Opportunities for Marketers [Electronic resource] // eMarketer. – Mode of access: <http://www.emarketer.com/Article/Media-Multitasking-Brings-Challenges-Opportunities-Marketers/1008924?ecid=a6506033675d47f88-1651943c21c5ed4>. – Date of access: 12.06.2017.
7. Гончаров, В. П. Проблема взаимоотношений науки и религии [Электронный ресурс] / В. П. Гончаров // Философия и общество. – 2009. – № 2. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-vzaimootnosheniy-nauki-i-religii>. – Дата доступа: 26.09.2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.10.2017

Kaskenov P.P. Transformation of Spiritual and Moral Foundations of the Socium in the Conditions of Informatization: Nature and Direction

The main part of the article describes the processes of knowledge desistemization due to the growth of the information flow. Factors influencing the individual's perception of virtual space and positive and negative simulacra are singled out. The tendencies of the formation of alternative virtual societies, as well as their ability to move into the virtual crowd state, are noted. Analogies between the elements of religion and individual virtual field of an individual are drawn.

УДК 930 (476)+357.71

Э.Н. Северин

канд. полит. наук, доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
[e-mail: Endhause1982@mail.ru](mailto:Endhause1982@mail.ru)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье показывается, что в настоящее время права человека представляют собой неотъемлемый стандарт политики и в этом качестве оказывают постоянное воздействие на процессы, происходящие как на международном уровне, так и в Республике Беларусь. При определении содержания внутренней и внешней политики следует принимать во внимание содержание и особенности процесса формирования и развития прав человека как теоретического и политического конструкта с тем, чтобы избежать искажений анализа и добиться максимальных результатов. Сложность исследуемой проблемы требует внимательного изучения со стороны политологии, поскольку посредством фактора прав человека принимаются решения и реализуются инициативы, значимые для Республики Беларусь и международного сообщества. Институционализация – процесс признания, обеспечения и в необходимых случаях защиты на государственном и социальном уровнях института прав человека и гражданина.

Введение

Формирование концепции прав человека в любой стране зависит от специфики развития ее государственности, особенностей политической системы, расстановки политических сил как в данном государстве, так и на международной арене, от национальных, культурных, религиозных традиций, национального менталитета, от уровня развития политической, правовой и общей культуры. «Историческое прошлое предоставляет нам немало свидетельств этнической и религиозной терпимости у наших предков, которая пережила века и оставила глубокий след в современном духовном и политическом облике белорусского народа» [1, с. 53].

Политическая история белорусской государственности – это борьба за реализацию права белорусского народа на самоопределение. Начиная с периода Речи Посполитой и до декабря 1991 г. территория современной Беларуси поэтапно входила в состав Российской империи, а затем Советского Союза.

На формирование современного понимания прав человека в Беларуси наибольшее влияние оказало вхождение территории Беларуси в состав СССР. Советский Союз оставил нам не только наследие, связанное с нарушениями гражданских и политических прав. Будущее суверенное государство получило полезный опыт международного сотрудничества в области прав человека. В 1945 г. БССР стала одной из стран – учредителей ООН, став, таким образом, признанным субъектом международных отношений. Советская Белоруссия подписала и ратифицировала важнейшие международные документы в области защиты прав человека: Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и др. «Участие в международных документах по правам человека не самоцель. Важно то, какое содержание содержащиеся в них нормы получают в национальном законодательстве, как они реально реализуются в жизни» [2, с. 18]. Основные положения вышеназванных документов нашли свое отражение в Конституции БССР 1978 г. Конституции советского периода выступили в качестве важного исторического этапа процесса формирования института прав человека в Беларуси. Вопросы прав человека в первых конституциях носили программный характер, но, несмотря на их неустойчи-

вость и неоднозначность, они стали ключевыми политико-правовыми актами, которые сыграли важную роль в развитии прав человека, особенно в признании социально-экономических и культурных прав.

Политика Беларуси в области прав человека, на наш взгляд, может стать одним из факторов, обеспечивающих стратегический потенциал нашего государства, фактором консолидации белорусского общества, устойчивого развития Республики Беларусь. «После обретения суверенитета мы поставили перед собой цель построить государство для народа, где обеспечивается полное и свободное развитие личности, соблюдаются права человека», – в очередной раз отметил А.Г. Лукашенко 5 июля 2017 г. на пленарном заседании, посвященном торжественному открытию в Минске 26-й ежегодной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ [3].

Права человека не только представляют собой отдельные политико-правовые возможности, имеющие обособленное значение, но и выступают как единый комплекс политико-правовых реалий, определяющих статус гражданина в государстве. Причем именно конституционные права оказывают решающее влияние на формирование и реализацию основ государства, определяя его политическое, экономическое, социальное и духовное содержание и проявляя через его порядок свою политическую природу.

Основным национальным механизмом реализации прав человека является Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Конституция закрепила новую концепцию взаимоотношений личности и государства. «Не классовые интересы, а человек является высшей ценностью общества и государства. Пришло понимание необходимости оптимизации отношений между индивидуумом и государством. Дальнейшее развитие статей, посвященных правам и свободам граждан, наполнение их новым содержанием, гарантированность исполнения – задача всех государственных органов, в том числе судов» [4, с. 283]. Основной Закон исходит из единства прав человека: равнозначное положение занимают гражданские, политические права и свободы, экономические, социальные и культурные права. Конституция Белорусского государства базируется на основополагающих принципах и нормах международного права в области прав человека. Фактически все разделы Конституции Республики Беларусь органично связаны с правами человека. «В каждой политической системе одни права чтят больше, другие меньше, и это отражает моральный базис этих систем» [5, с. 158].

Конституция Республики Беларусь формирует триаду положений, в рамках которой реализуются права человека, – **признание, соблюдение и защита**.

Признание прав человека находит выражение в их официальном (конституционном, законодательном и ином) нормативном закреплении.

Соблюдение означает выполнение органами государственной власти, органами местного управления и самоуправления и их должностными лицами конституционных норм и прав человека.

Защита представляет собой деятельность органов государственной власти, местного управления и самоуправления и их должностных лиц, направленную на восстановление нарушенных или оспариваемых прав, охраняемых законом интересов граждан.

Закрепив данную триаду положений, государство берет на себя определенные обязательства по обеспечению прав человека. Первые два элемента вытекают в качестве материального наполнения содержания прав человека, в то время как последний элемент указанной триады выступает в качестве процессуального обеспечительного механизма, без которого первые два положения не функционируют. Именно поэтому вопросы политики в области защиты прав человека и формирование действенного механизма их защиты являются стержневыми элементами в системе прав человека.

Уже в Преамбуле Конституции говорится, что народ Беларуси, принимая Основной закон государства, сознает себя полноправным субъектом мирового сообщества и подтверждает свою приверженность общечеловеческим ценностям, стремится утвердить права и свободы каждого гражданина Республики Беларусь. «Права человека – это квинтэссенция правового государства, важнейший фактор демократизации общества» [6, с. 20]. Признание человека, его прав и свобод приоритетом политики белорусского государства, а также курс на построение социального правового государства являются важнейшими признаками институционализации прав человека в Республике Беларусь.

Ряд важнейших международно-правовых принципов, определяющих конституционные основы нашей Республики, содержится в первом разделе Основного закона «Основы конституционного строя»: построение демократического социального правового государства (ст. 1), признание человека высшей ценностью общества и государства (ст. 2), народовластие и суверенитет народа (ст. 3), закрепление принципа демократии и плюрализма мнений (ст. 4), разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви (ст. 6), верховенство права (ст. 7), равенство форм собственности (ст. 13), равенство перед законом религий и вероисповеданий (ст. 16), во внешней политике равенство государств, неприменение силы, нерушимость границ, мирное урегулирование споров (ст. 18) и др.

Конкретные же гражданские, политические, социальные и иные права и свободы граждан закреплены непосредственно в статьях второго раздела Конституции «Личность, общество, государство» и гарантированы ч. 3 ст. 21 вышеназванного раздела: «Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства».

К гражданским и политическим правам и свободам Конституция относит: право на жизнь (ст. 24); свободу, неприкосновенность и достоинство личности (ст. 25); право на свободу мысли, убеждений и их свободное проявление (ст. 33); право на свободу собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и микширования, которые не нарушают правопорядок и права других граждан Республики Беларусь (ст. 35) и др.

Непосредственное участие граждан в управлении делами государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов другими определенными законом способами. Граждане Республики Беларусь в соответствии со своими способностями, профессиональной подготовкой имеют право равного доступа к любым должностям в государственных органах (ст. 39). «Именно народовластие, наряду с правами человека, является фундаментом политического и государственного устройства Республики Беларусь. Народовластие в своем высшем проявлении – это власть не от имени народа, а власть самого народа» [7, с. 4].

Кроме того, Конституция предоставляет гражданам следующие экономические, социальные и культурные права: право на справедливую долю вознаграждения в экономических результатах труда (ст. 42); право на отдых (ст. 43); право собственности (ст. 44); право на жилище (ст. 48); право на образование (ст. 49); право на сохранение национальной принадлежности (ст. 50) и др.

Согласно ст. 41 Конституции гражданам Республики Беларусь гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, т.е. право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с признанием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда.

Уровень обеспечения экономических, социальных и культурных прав тесно связан с уровнем экономического развития государства. Провозглашение республики социальным государством означает, что его экономическая и социальная политика во многом обуславливают друг друга. Это определило выбор белорусским государст-

вом модели социально-ориентированной рыночной экономики. Политика, носящая социальный характер, включает в себя обеспечение принципов индивидуализма и солидарности. «Свободное общество, которое не может помочь многим, которые бедны, не может также спасти немногих, которые богаты» [8, с. 121].

В законе Республики Беларусь «Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» права человека выступают в качестве:

- 1) базового принципа;
- 2) стратегической цели (обеспечение прав и свобод человека и гражданина);
- 3) задачи внутренней и внешней политики белорусского государства (совершенствование механизмов защиты прав человека).

Сегодня, будучи участницей большинства договоров в области содействия соблюдению и защите прав человека, выработанных Организацией Объединенных Наций, Республика Беларусь призывает к их всеобщей ратификации. Она принимает активное участие в разработке новых норм в области защиты прав человека, занимает одну из ведущих ролей в области прав человека в Движении неприсоединения. «Для Республики Беларусь в сложной современной международной обстановке – это возможность расширения сферы международного влияния и повышения авторитета в мировой политике» [9, с. 60]. Таким образом, Республика Беларусь не только декларирует приверженность системе прав человека, но и на практике активно содействует процессу их продвижения, реализации и обеспечения. Такова практическая сторона идеологии белорусского государства в области прав человека на международном уровне.

В любом государстве не существует прав без обязанностей гражданина. При закреплении обязанностей Конституция Республики Беларусь основной акцент делает на обеспечении прав и свобод граждан. «Однако обойтись без основных обязанностей и их законодательно-правового оформления в современном обществе невозможно, поскольку только реализация обязанностей обеспечивает нормальное функционирование самого государства» [10, с. 238]. Таким образом, Основной закон устанавливает взаимную ответственность человека, гражданина и государства. Разумное сочетание прав человека и интересов государства создает благоприятные условия для развития Беларуси как эффективного государства. Кроме того, налицо четкая взаимосвязь прав человека с комплексом традиционных ценностей белорусского народа. Так, например, право на развитие, право на самоопределение, право на достоинство, право на свободу связаны с самоуважением и независимостью личности белоруса (белорусского народа), нетерпимостью ко всякому угнетению; свобода совести, право на сохранение национальной принадлежности – с доброжелательностью и веротерпимостью; право на труд – с трудолюбием. «Национальная элита не может не учитывать того, что выдвигаемые ею социально-экономические и политические проекты имеют шанс на успех лишь при условии их “резонанса” с глубинными пластами сознания нации, духовным капиталом, системой ее базовых ценностей» [11, с. 64].

Важными документами, определяющими сущность, содержание, цели и принципы национальной политики в области прав человека являются также законы Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях», «О правах ребенка», «О беженцах» и др.

В соответствии с Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь соблюдение конституционных прав и свобод человека выступает в качестве одного из основополагающих принципов национальной безопасности; личность, ее конституционные права, свободы и законные интересы определены как объект и субъект национальной безопасности; в политической сфере всестороннее совершенствование механизмов защиты конституционных прав и свобод является определяющим фактором нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз национальной

безопасности. В документе также четко регламентированы государственно-правовые аспекты системы прав и свобод человека в политической сфере:

- 1) национальный интерес;
- 2) ведущий принцип обеспечения национальной безопасности;
- 3) определяющий фактор долгосрочной перспективы совершенствования механизмов защиты конституционных прав и свобод, законных интересов личности, общества и государства.

Первые два аспекта связаны с усложнением структурно-функциональной роли прав человека как фактора национальной безопасности, под влиянием целого ряда экзогенных и эндогенных угроз (в соответствии с Концепцией к категории одного из экзогенных и эндогенных источников угроз национальной безопасности в политической сфере относится нарушение конституционных прав и свобод человека) национальным интересам Белорусского государства. Второй аспект состоит в факторной роли инновационной модернизации в Республике Беларусь, частью которой является обновление механизмов институционализации среды обеспечения прав, свобод человека.

В целом национальную институциональную систему защиты прав человека Республики Беларусь можно представить следующим образом.

I. Государственные институты: Президент Республики Беларусь; органы законодательной власти (Совет Республики и Палата представителей Национального Собрания Республики Беларусь; Постоянная комиссия Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по правам человека, национальным отношениям и средствам массовой информации; Национальная комиссия по правам ребенка и др.); органы исполнительной власти (Правительство – Совет Министров Республики Беларусь; министерства; государственные комитеты; аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей; государственные организации и иные организации, подчиненные правительству Республики Беларусь; местные исполнительные и распорядительные органы и др.); органы судебной власти (Конституционный Суд; Верховный Суд; областные, Минский городской, районные, городские суды); иные правоохранительные органы (прокуратура; органы юстиции; органы внутренних дел и др.); органы местного управления и самоуправления (областные и Минский городской Совет депутатов; районные, городские (городов областного подчинения) Советы, городские (городов районного подчинения), поселковые, сельские Советы); Вооруженные силы Республики Беларусь; государственные средства массовой информации.

II. Институты гражданского общества: общественные и религиозные организации; неправительственные правозащитные организации (Республиканская общественная организация защиты прав человека; белорусская секция международного общества прав человека (РООЗПЧ, белорусская секция МОПЧ), Белорусский Хельсинский Комитет (БХК) и др.); профессиональные союзы; молодежные организации; негосударственные правоохранительные органы (адвокатура и частный нотариат, третейские суды, добровольные дружины, юридические клиники и др.); политические партии; негосударственные средства массовой информации и др.

Нам представляется, что для повышения эффективности национальной системы защиты прав человека, необходимо вернуться к вопросу о введении института омбудсмена. «Введение института Уполномоченного по правам человека в Беларуси – это не дань политической моде, а свидетельство признания государством настоятельной потребности общества в неформальном, независимом, деполитизированном, защищающем личность от еще часто встречающихся управленческого произвола, бюрократических искажений наших законов, несправедливого отношения к гражданам со стороны должностных лиц и иных государственных служащих» [12, с. 343]. Являясь частью национальной системы защиты прав человека, этот институт позволяет гражданам выразить

свое отношение к администрации, административным актам и процедурам. С другой стороны, в результате правозащитной деятельности по правам человека точка зрения членов гражданского общества без обычной бюрократической волокиты сможет доводиться до сведения исполнительной власти и Парламента. «Предотвращая административные злоупотребления, Уполномоченный по правам человека оказывает предупредительное воздействие и на государственных служащих. Этим нейтрализуется настороженное отношение личности к власти, поддерживается ее вера в справедливость, а в результате преодолеваются глубинные противоречия государства и общества» [13, с. 179].

Представляется необходимым учредить институт Уполномоченного по правам человека как орган парламентского контроля по правам человека, что в условиях современной Беларуси будет способствовать повышению эффективности деятельности как парламента, так и Уполномоченного. Формирование Уполномоченного по правам человека при парламенте решит ряд вопросов, а именно сформирует парламентский контрольный механизм за деятельностью исполнительной и судебной власти. В этом контексте считаем более приемлемым вариантом организации деятельности Уполномоченного по правам человека для Республики Беларусь тот, который существует в Российской Федерации, где Уполномоченный по правам человека является органом парламентского контроля. На наш взгляд, институт Уполномоченного по правам человека может и должен стать существенным дополнением нынешней системы белорусских законодательных, представительных и судебных органов системы защиты прав человека, важным элементом формирующегося гражданского общества в Республике Беларусь.

В целом, характеризуя деятельность национальной системы защиты прав человека, можно сказать, что демократические процессы, политика уважения, поощрения и защиты прав и свобод человека в Республике Беларусь обрели устойчивый и необратимый характер. Об этом свидетельствуют высокие показатели, которые показывает белорусское государство в рейтингах международных организаций. Так, в рейтинге ООН в соответствии с Докладом о человеческом развитии 2016 г. Республика Беларусь заняла 52 место из 188 стран мира. Индекс человеческого развития исчисляется по трем показателям: ожидаемой продолжительности жизни, средней продолжительности обучения и валовому национальному доходу. Беларусь входит в число 16 стран, где индекс человеческого развития женщин равен или превосходит аналогичный показатель для мужчин. По индексу гендерного неравенства наша республика занимает 31-е место среди 155 стран мира (в Республике Беларусь принят Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 гг.). Согласно Докладу о глобальном гендерном разрыве 2016 г. по версии Всемирного экономического форума Беларусь занимает 30-е место из 144 государств. В рейтинге наиболее благополучных для материнства и детства государств, ежегодно составляемом международной гуманитарной организацией Save the Children, Беларусь расположена на 25 месте (из 179) стран (этот рейтинг является неотъемлемым показателем в оценке социальной ситуации в государствах).

В 2016 г. Беларусь стала участницей Конвенции о правах инвалидов, которая направлена на поощрение, защиту и обеспечение участия инвалидов наравне с другими гражданами в жизни общества. 18 октября 2016 г. принят закон «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» (для Беларуси она вступила в силу 29 декабря 2016 г.). Инструментом, обеспечивающим интеграцию и выработку скоординированных действий по реализации вышеназванного международного акта, является Национальный план действий по реализации Конвенции о правах инвалидов. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 860 24 октября 2016 г. был утвержден первый Межведомственный план по реализации рекомендаций, принятых Республикой Беларусь по итогам прохождения второго цикла универсального периодического обзора в Совете

Организации Объединенных Наций по правам человека, и рекомендаций, адресованных Республике Беларусь договорными органами по правам человека, на 2016–2019 гг.

Заклучение

Таким образом, институционализация прав человека в Республике Беларусь обусловлена рядом признаков:

1) активной позицией Беларуси в современной системе международной защиты прав человека (конструктивный подход БССР в вопросах утверждения универсальных стандартов политики в области прав человека способствовал институционализации республики как реального субъекта международных отношений и международной системы защиты прав человека);

2) высокой степенью вовлеченности современного белорусского государства в систему международной политики;

3) развитой национальной системой защиты прав человека, включающей в себя как государственные органы и механизмы, так и институты гражданского общества;

4) политическим курсом на построение социального правового государства.

Нисколько не умаляя роль личной активности каждого человека и институтов гражданского общества в реализации и отстаивании своих прав и свобод, все же надо признать определяющую роль государства, призванного создавать необходимые предпосылки и условия, обеспечивая при этом необходимый баланс общественных и личных интересов. Белорусская политика в сфере прав человека юридически находится в рамках признанных международных стандартов в области прав человека, а политически – в рамках политико-правовой регламентации прав человека в Конституции Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельников, А. П. Об истоках и генезисе белорусской национальной идеи / А. П. Мельников, С. И. Симановский // Трансформация образования и мировоззрения в современном мире : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 22 окт. 2010 г. / Беларус. гос. пед. ун-т ; Обществ. об-ние «Диалог Евразия» ; редкол.: В. В. Бущик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 550–553.

2. Землякоў, Л. Я. Правы чалавека: ці ёсць яны ў нас / Л. Я. Землякоў // Беларусь. – 1992. – № 5. – С. 18.

3. Александр Лукашенко принял участие в пленарном заседании, посвященном торжественному открытию 26-й ежегодной сессии ПА ОБСЕ [Электронный ресурс] : извлечения // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2017/-july/24820/>. – Дата доступа: 25.08.2017.

4. Современная Беларусь : энцикл. справ. : в 3 т. / редкол.: М. В. Мясникович [и др.]. – Минск : Беларус. наука, 2006–2007. – Т. 1 : Страна. Население. Внутренняя и внешняя политика. – 2006. – 774 с.

5. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ : ЛЮКС, 2004. – 349 с.

6. Тихиня, В. Г. Правовое государство как основа преобразований общества и экономики в Республике Беларусь / В. Г. Тихиня, Н. Л. Бондаренко, В. А. Кодавбич. – Минск : МИУ, 2006. – 234 с.

7. Народовластие как основа политического процесса в Республике Беларусь : для информ.-пропагандист. групп / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2007. – № 7 (43). – 31 с.

8. Василевич, Г. А. Конституция и некоторые аспекты защиты прав и свобод граждан / Г. А. Василевич. – Минск : Знание, 1999. – 51 с.
9. Малевич, Ю. И. Новые инициативы Республики Беларусь по правам человека / Ю. И. Малевич // Беларусь в современном мире : материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 86-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2007 г. / Белорус. гос. ун-т ; Белорус. ассоц. полит. наук ; редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. – Минск, 2007. – С. 60–61.
10. Бабосов, Е. М. Основы идеологии современного государства / Е. М. Бабосов. – 2-е изд., доп. – Минск : Амалфея, 2004. – 448 с.
11. Мельник, В. А. Идеология белорусского государства в тезисном изложении / В. А. Мельник // Беларус. думка. – 2015. – № 6. – С. 60–66.
12. Бебякович, Н. Н. Права человека и политика: философско-правовые основы / Н. Н. Бебякович. – Минск : Амалфея, 2009. – 412 с.
13. Проблема прав человека : парламент. слушания, 23 июня 1998 г. / Нац. собр. Респ. Беларусь, Палата представителей. – Минск : [б. и.], 1998. – 179 с.
14. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
15. Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2007 г., № 60-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.11.2005 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10700263>. – Дата доступа: 24.08.2017.
16. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 17 июля 2001 г., № 390 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 11.11.2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.10.2017

Severin E.N. Institutionalization of Human Rights in the Republic of Belarus

The article at present, human rights are an integral standard of politics and, as such, have a permanent impact on the processes that take place both at the international level and in the Republic of Belarus. In determining the content of domestic and foreign policies, one should take into account the content and specifics of the process of shaping and developing human rights as a theoretical and political construct in order to avoid distortions of analysis and achieve maximum results. The complexity of the problem under investigation requires careful study by political science, because through the human rights factor the decisions are taken and the initiatives that are significant for the Republic of Belarus and the international community are implemented. Institutionalization is the process of recognizing, securing and, where necessary, protecting the institution of human rights and citizenship at the state and social levels.

УДК 323.174

Д.В. Беявцева

канд. політ. наук, доц., доц. каф. політологіі
Інстытута сацыяльна-гуманітарнага адукацыі
Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта
e-mail: belyavtseva@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматривается моделирование как метод региональных политических исследований. Выделяются применяемые в политических исследованиях виды моделей, этапы моделирования. Анализируется использование указанных моделей в региональных политических исследованиях. Определены две основные сферы приложения моделирования: анализ регионализации (отношения «центр – регионы») и изучение региональных политических процессов. Анализ процессов регионализации представлен в научной литературе содержательными и концептуальными моделями. Доминирующими являются логико-семантические и структурно-функциональные. Использование количественных методов и статистических показателей не приводит к построению формализованных (математических) моделей. Анализ региональных политических процессов представлен электоральными исследованиями, изучением партийного представительства в регионах с применением количественных методов и статистических индикаторов как в зарубежной, так и в российской и отечественной литературе. Развитие моделирования в политической регионалистике связано с разработкой и применением количественных методов и статистических показателей в изучении проблематики отношений «центр – регионы».

Моделирование как метод научного познания получил широкое распространение в XX ст. Авторы, работающие в рамках теории и методологии политической науки, также активно разрабатывают вопросы применения различных типов моделей в политических исследованиях. Наиболее перспективными в этом отношении выглядят междисциплинарные направления, к которым относятся и региональные политические исследования. В рамках политической регионалистики моделирование превратилось в актуальную научную проблему с 80-х гг. XX в. в связи с активизацией процессов регионализации и изменением структуры политического пространства в рамках ЕС и на постсоветском пространстве. В нашем исследовании мы проанализируем применение моделирования в политической науке, выделим особенности и определим перспективы его использования в рамках региональных политических исследований.

Процесс моделирования обычно связан с представлением сложных для анализа объектов в простом, схематичном виде. Это облегчает задачу восприятия особенностей строения и функционирования этих объектов [1, с. 93]. По мнению ряда авторов, модель всегда проще тех явлений, которые она по замыслу отображает и объясняет [2, р. 3]. Под моделью мы будем понимать конкретный образ изучаемого объекта, в котором отображаются реальные или воображаемые свойства, строение и другие особенности объекта. В политических исследованиях активно применяются идеальные (воображаемые) модели. Среди идеальных моделей выделяют две основные группы:

- 1) образные, иллюстрирующие неизвестные явления в образах известных явлений и вызывающие в силу своей наглядности нужные ассоциации (рисунки, чертежи, схемы);
- 2) знаковые (символические) модели, в которых отношения и свойства моделируемых явлений выражены с помощью знаков (символов, математических формул), что лишает такие модели наглядности.

Поскольку в рамках любых социальных изысканий исследователь создает мысленно образ того или иного объекта исследования, то моделирование можно рассматривать как неотъемлемый элемент политического исследования. Тем не менее правомернее говорить о моделировании в том случае, когда выстраиваются «наблюдаемые» мо-

дели. Язык, на котором они созданы, позволяет их разделить на содержательные модели (формулируются на естественном языке) и формальные модели (создаются с помощью языков математических теорий, языков программирования). В гуманитарной сфере, по мнению М.Ю. Плотинского, чаще используются содержательные модели [3, с. 89].

Российский исследователь К.В. Симонов предлагает при моделировании политических процессов пользоваться моделями аналоговыми [1, с. 94–97]. Они представляют исследуемый объект видимым аналогом, который ведет себя как реальный объект, но не выглядит как таковой. Наиболее распространенной формой аналоговых моделей являются организационные схемы каких-либо политических структур (например, формы правления) и различные графики, позволяющие представить политические процессы в упрощенном виде и проанализировать их.

На наш взгляд, концептуальные модели Ю.М. Плотинского и аналоговые модели К.В. Симонова схожи. В частности, структурно-функциональная концептуальная модель и аналоговая организационная схема политических структур, а также причинно-следственная концептуальная модель и аналоговый график процесса по сути описывают одно и то же.

Ряд исследователей считают, что политические процессы хорошо подходят и для математического моделирования [4, с. 467–470]. Математические модели упорядочивают ментальные. Они лишены неточности и неоднозначности и в отличие от содержательных позволяют оперировать на очень высоком уровне дедуктивной сложности. Наконец, математические модели способствуют нахождению общих решений проблем, кажущихся на первый взгляд разнородными.

Можно выделить следующие этапы моделирования:

- 1) создание когнитивной модели;
- 2) построение содержательной модели.

Функционально содержательные модели подразделяются на описательные, объяснительные и прогностические. Разновидностью содержательных моделей считают концептуальные, базирующиеся на определенной концепции, методологической установке к изучению явления или точке зрения. Данные модели широко применяются в области социальных наук, в том числе в политологии. Концептуальные модели бывают логико-семантическими, которые состоят из утверждений и фактов, включенных в вербальное описание объекта (например, модели демократии), структурно-функциональными (рассматривают объект как систему, представленную в виде различного рода схем, диаграмм, чертежей и т.д.). В политологии распространен этот вид моделей. Например, модель политической системы Д. Истона, модели устройства власти в различных странах.

Причинно-следственные модели как разновидность концептуальных ориентированы на описание не статики, а динамики исследуемых явлений. Элементами таких моделей могут быть понятия, категории, индикаторы, переменные, описывающие поведение исследуемого объекта. Для создания таких моделей возможно использование различных групп индикаторов. В исследовательской литературе упоминаются, в частности, следующие: внутриэкономические индикаторы, внешнеэкономические индикаторы, финансовые ресурсы правительств, социальные индикаторы, индексы национальных и религиозных различий, индексы динамики политического процесса, индексы репрессивного потенциала режима и т.д. [5]. Однако, по мнению ряда авторов, в гуманитарных науках цикл создания причинно-следственной модели обычно заканчивается на этапе выделения факторов и индикаторов [3, с. 89–92].

Применение количественных методов в исследовании политических процессов имеет ряд сложностей. Большинство существующих политологических концепций труд-

но подвергнуть формализации. Влиятельным оказывается субъективный фактор, сложно поддающийся операционализации. Существует недостаток информации, что снижает степень корректности моделей и возможности их верификации. Модели, по мнению ряда авторов, строятся из индексов, факторов или компонентов, вычлененных на основе политологических концепций достаточно произвольно. Гуманитарные исследования обычно включают большое число переменных и зачастую небольшое число изученных примеров, что осложняет установление причинно-следственных связей [6, с. 17–30].

Проанализируем применение моделирования, сложившиеся в рамках региональных политических исследований. Важно подчеркнуть, что политическая регионалистика сосредоточивается на изучении в первую очередь проблем внутренней политики. В частности, речь идет об отношениях «центр – регионы» (субнациональная регионализация) и особенностях регионального политического процесса (электоральная география, партийное представительство в регионах и т.д.). Под регионализацией понимается процесс перераспределения властных компетенций, передачи функций с национально-го на региональный уровень.

В рамках изучения феномена субнациональной регионализации исследователи исходят из позиции территориальной неоднородности (гетерогенности) государства. В политической науке существует понятие, с помощью которого изучается неоднородность социума. Это «многосоставное общество» (*plural society*), концепция которого разработана А. Лейпхартом [7]. Разновидностью сегментов могут считаться территориальные сообщества. Расширительное толкование концепции многосоставного общества в свое время представил У. Ливингстон. Он описывал его с помощью понятия «федеративное общество», указывая на ключевую роль интеграционных процессов и союзных отношений между различными сегментами [8; 9]. А. Лейпхарт представил Кипр в качестве модели федеративного общества, которая может рассматриваться как концептуальная логико-семантическая (аналоговая) модель, элементами которой являются методологические установки вышеназванных авторов, понятия «многосоставное общество», «федеративное общество» и др., а также индикаторы и критерии их выделения.

Регионализация влечет за собой определенное структурирование (упорядочение) пространства, в частности, формализованное политико-административное измерение региональной структуры. В то же время существуют и другие измерения региональной структуры: этнокультурное, социально-экономическое и природно-географическое. Для политико-административной структуры они выступают в роли внешних факторов, которые прямо влияют на эту структуру, определяют границы и отношения между регионами. Таким образом, представление процесса регионализации пространства возможно в виде концептуальных причинно-следственных моделей. Политическая структура государства формируется также в результате действия внутренних (эндогенных) факторов, непосредственно связанных с политическими процессами. В связи с этим актуальными в рамках анализа процесса формирования региональных политических структур являются концептуальные модели Д. Истона и Г. Алмонда. Примером их применения в региональных политических исследованиях является модель взаимодействия центра и регионов, представленная Р. Туровским [10].

Все возможные элементы региональной структуры можно разделить на три группы. Формальные элементы, к которым относится административно-территориальное деление (АТД) и ведомственные сетки (экономические районы, промышленные и сельскохозяйственные территории) можно определить на основании нормативных актов. В совокупности они могут представлять структурно-функциональную или организационную модель региона.

К обыденным элементам региональной структуры относятся территории, наличие которых признано местными сообществами и нередко используется для самоидентификации, и составляет основу (или одну из основ) для их идентичности. Исследовательские артефакты региональной структуры – это территории, определенные учеными по тем или иным критериям. Регионы, объединяющие обыденные или исследовательские критерии, могут рассматриваться как пример концептуальной логико-семантической модели. Методологическую сложность их представления отмечает российский автор Б. Родоман. Он подчеркивает, что сам исследователь определяет критерии, на основании которых он проводит дискретизацию континуального пространства, делит его на условные части [11, с. 210–322]. Б. Родоман выделяет гомогенные, коннекционные и конфигурационные районы (регионы), предлагая, таким образом, концептуальную модель регионализации.

Проблематика устойчивых пространственных структур неформального характера и закономерностей их формирования представлена в концепции концентрических кругов И. Тюнена, а также в концепции гексагональных решеток А. Леша и В. Кристаллера. Поскольку процессы регионализации сопровождаются преобладанием неправильных линий над правильными, постоянными пространственными флуктуациями, применение этих моделей в региональных политических исследованиях затруднено. Наиболее распространенными оказываются логико-семантические, к которым можно отнести модели регионов Америки и регионов Германии, представленные, например, Л.В. Смирнягиным и И.М. Бусыгиной [12; 13].

Различные варианты содержательных и концептуальных моделей регионализации государств-наций в Европейском союзе присутствуют и в европейских исследованиях. Например, У. Булман, анализируя процессы принятия политических решений на третьем уровне, фактически создает логико-семантическую модель регионализации [14, р. 9–10]. Итальянский исследователь К. Дезидери, описывая регионы Италии, определяет их как искусственные конструкции. Он не только анализирует региональную структуру политического пространства Италии как структурно-функциональную модель, но и моделирует причинно-следственные связи, повлиявшие на процессы регионализации [15, р. 37–69]. Тем не менее, как отмечалось ранее, до математического моделирования дело не доходит. Французский регионализм также достаточно широко представлен в исследовательской литературе в виде логико-семантических и структурно-функциональных моделей [15, р. 167–188; 16]. В англосаксонских странах, в первую очередь США, моделирование отношений «центр – регионы» осуществляется в рамках изучения федерализма и представлено в основном в виде структурно-функциональных моделей. Применяются и количественные показатели, например, индекс централизации (соотношение расходов центрального правительства и субнациональных органов власти).

Использование количественных индикаторов является достаточно редким в рамках изучения отношений между центром и регионами. В исследовании В.В. Степина предпринимается попытка использовать метод анализа иерархий в рамках моделирования региональных процессов в Испании. Метод анализа иерархий позволяет получить количественные оценки: степени значимости различных политических акторов в политической системе, степени важности в данный период различных целей и политик политических акторов и др. [17, с. 19].

Количественные методы нашли существенное применение в рамках моделирования региональных политических процессов, в первую очередь в электоральной географии. К региональным политическим исследованиям относятся работы А. Зигфрида [18]. Он изучал особенности политических предпочтений и выделил две группы переменных, влияющих на географическое распределение голосов: географические характери-

стики и «человеческие» характеристики. Исследователь обозначил две модели голосования: северную и южную. Подход А. Зигфрида широко распространился в Западной Европе, где сформировалась сложная партийно-политическая структура [19, с. 51–52]. В изучении региональных политических предпочтений европейскими учеными стали использоваться факторный, типологический, иерархический, корреляционный и регрессивный типы анализа на основе электоральной статистики (Ф. Гогель, С. Роккан, Х. Тингстен и др.). В США в первой половине XX в. в рамках изучения пространственных различий политического характера систематизированное описание электоральных предпочтений представили Дж. Райт, Р. Крислер [20; 21]. В исследованиях был использован факторный анализ.

Моделирование в области электоральной географии активно развивалось во второй половине XX в. [22]. В исследовании П. Тейлора и Р. Джонстона предпринята попытка вписать электоральную географию в теорию «мировых систем» [23]. Экономический фактор стал оцениваться как наиболее значимый во влиянии на результаты голосования [24, с. 147, 150]. Была предложена методология факторного анализа, позволяющая отделить конъюнктурные колебания от долговременных региональных [25; 26].

Изучение паттерна регионализации предполагает также выявление ее уровня, глубины, т.е. квантификацию признаков, критериев. Подобные квантифицируемые показатели разработаны в статистике и применяются в политических исследованиях. А. Лейпхарт использовал в своих работах индекс фрагментации партийного представительства [7]. В США применяются такие показатели, как индекс дисгармонии (иллюстрирует, насколько партия-победительница отличилась в тех или иных регионах) и индекс централизации. Количественные методы активно применяются также российскими исследователями в области электоральной географии начиная с 90-х гг. XX в. (А.В. Березкин, В.Я. Гельман, В.А. Колосов, Н.В. Петров, Р.Ф. Туровский, Л.В. Смирнягин и др.). В Беларуси региональные различия в электоральной географии фиксируются в основном по линиям «центр – периферия» и «Запад – Восток» (О. Буховец, А. Данилов, И. Котляров, Д. Ротман и др.).

Анализ особенностей моделирования, представленный в региональных политических исследованиях, позволяет сделать следующие выводы. Наиболее распространенными случаями применения моделирования являются выборы, партийное представительство и законодательный процесс. Среди используемых моделей для анализа процессов регионализации выделяются содержательные, концептуальные или аналоговые. Они конструируются в виде описательных, объяснительных, логико-семантических, структурно-функциональных моделей, причинно-следственных или организационных, в зависимости от задач, стоящих перед исследователем. Однако предпочтительными становятся логико-семантические и структурно-функциональные.

Зачастую авторы, исследующие отношения между центром и регионами, либо используют известные концептуальные модели Д. Истона, Г. Алмонда, либо конструируют свои (И. Бусыгина, Б. Родоман, Л. Смирнягин). Причинно-следственные динамические модели, описывающие процессы регионализации, как правило включают анализ факторов и больше напоминают логико-семантические модели. Количественные методы и статистические показатели незначительно представлены в рамках изучения отношений «центр – регионы». Область их применения – электоральная география, партийное представительство в регионах, особенности политической культуры и т.д. В связи с этим, представляется, что развитие моделирования в политической регионалистике связано с разработкой и применением не только новых концептуальных моделей, но и расширением применения количественных и статистических показателей в изучении проблематики отношений «центр – регионы». Например, в изучении процессов децентрализации унитарных государств интерес представляет динамика индекса централизации, индекса миграции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Симонов, К. В. Политический анализ : учеб. пособие / К. В. Симонов. – М. : Логос, 2002. – 152 с.
2. Lave, Ch. An Introduction to Models in Social sciences / Ch. Lave, J. G. March. – Lanham, Md. : University Press of America, 1993. – 432 p.
3. Плотинский, Ю. М. Модели социальных процессов : учеб. пособие / Ю. М. Плотинский. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Логос, 2001. – 296 с.
4. Мангейм, Дж. Б. Политология: методы исследования : пер. с англ. / Дж. Б. Мангейм, Р. К. Рич. – М. : Весь Мир, 1997. – 544 с.
5. Боришполец, К. П. Методы политических исследований : учеб. пособие / К. П. Боришполец. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 221 с.
6. Методология моделирования и прогнозирования современного мира : монография / под ред. Т. В. Карадже. – М. : Прометей, 2012. – 198 с.
7. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт – М. : Аспект Пресс, 1997. – 288 с.
8. Livingston, W. S. A Note on the nature of the federalism / W. S. Livingston // Political Science Quarterly. – 1952. – № 67. – P. 81–95.
9. Livingston, W. S. Federalism and constitutional change / W. S. Livingston. – Oxford : Clarendon Press, 1956. – 380 p.
10. Туровский, Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений : монография / Р. Ф. Туровский. – М. : ВШЭ, 2006. – 399 с.
11. Родоман, Б. Б. География, районирование, картоиды : сб. тр. / Б. Б. Родоман. – Смоленск : Ойкумена, 2007. – 372 с.
12. Смирнягин, Л. В. Районы США: портрет современной Америки / Л. В. Смирнягин. – М. : Мысль, 1989. – 379 с.
13. Бусыгина, И. М. Регионы Германии / И. М. Бусыгина. – М. : РОССПЭН, 1999. – 351 с.
14. Bullmann, U. The Politics of the Third Level / U. Bullmann // The Regional Dimension of the European Union / Ch. Jeffery (ed.). – London : Cass, 1997. – P. 3–19.
15. Jones, B. The European Union and the Regions / B. Jones, M. Keating. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – 306 p.
16. Hogwood, P. European Politics Today / P. Hogwood, G. K. Roberts. – Manchester : Manchester University Press, 2003. – 296 p.
17. Степин, В. В. Эволюция института монархии в политической системе Испании : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / В. В. Степин ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2012. – 24 с.
18. Siegfried, A. Tableau politique de la France de l'Ouest sous III Republique / A. Siegfried. – Bruxelles : Editions de l'Université de Bruxelles, 2010. – 702 p.
19. Белявцева, Д. В. Становление и развитие региональных политических исследований в Западной Европе / Д. В. Белявцева // Выш. шк. – 2017. – № 1. – С. 51–55.
20. Wright, J. K. Voting Habits of the United States / J. K. Wright // Geographical Review. – 1932. – Vol. 22. – P. 666–672.
21. Crisler, R. M. The Little Dixie Region in Missouri / R. M. Crisler // Summaries of Doctoral Dissertation Northwestern University. – 1949. – Vol. 19. – P. 352–356.
22. Rokkan, S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction / S. Rokkan, M. S. Lipset // Party Systems and Voter Alignments. – New York, 1967. – P. 1–63.
23. Taylor, P. J. Geography of Elections / P. J. Taylor, R. J. Johnston. – Harmondsworth : Penguin Books, 1979. – 528 p.

24. Белявцева, Д. В. Региональные политические исследования в США / Д. В. Белявцева // Весн. ГрДУ. Сер. 1, Гісторыя. Археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2016. – Т. 8, № 3. – С. 145–154.

25. Jonston, R. J. The Geography of electoral change: An illustration of an estimation procedure / R. J. Jonston // Geografiska annaler. – 1982. – Vol. 64, № 1. – P. 51–60.

26. Katz, R. S. The attribution of variance in electoral returns. An alternative measurement technique / R. S. Katz // American political Science Review. – 1973. – Vol. 67, № 3. – P. 817–828.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.05.2017

Belyavtseva D.V. Modelling in Regional Political Researchers

In the article the types of models, modeling stages in regional political research are considered. The author defines the two main spheres of application of modeling: the analysis of regionalization (the relation «center-regions»), studying of regional political processes. The analysis of processes of regionalization is submitted in scientific literature by substantial and conceptual models. The analysis of regional political processes is submitted by electoral researches, studying of party representation in regions with application of quantitative methods and statistical indicators. The development of modeling in regional political research is connected with application of quantitative methods and statistics in studying of the relations «center regions».

УДК 325.1 (476)

С.В. Зенченко

канд. полит. наук, доц., зав. каф. социально-гуманитарных дисциплин
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка
[e-mail:sergzenbox.by@tut.by](mailto:sergzenbox.by@tut.by)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БЕЛОРУССКОГО ОПЫТА

Статья посвящена проблеме эффективности реализации государственной миграционной политики Республики Беларусь посредством выявления ее прямых (регулирование внешних миграционных процессов в национальных интересах, интеграция иммигрантов в принимающее сообщество, выполнение международных обязательств по защите прав беженцев, трудовых мигрантов, контроль и мониторинг миграции) и косвенных (восполнение населения, развитие международного сотрудничества) функций и анализа их результативности.

Введение

В условиях демографического кризиса, глобализации, ведущей к интенсификации миграционных перемещений, формировании единого рынка труда в рамках Евразийского экономического союза, которое может вызвать отток высококвалифицированных кадров из республики, возрастает роль государственной миграционной политики в обеспечении национальной безопасности белорусского государства. Эмиграция квалифицированных кадров может привести к потерям человеческого потенциала и человеческого капитала, что негативно скажется на социально-экономическом, культурном, научно-техническом развитии белорусского общества в рамках его модернизации. Геополитическое положение Беларуси обуславливает прохождение по ее территории масштабных нелегальных миграционных потоков, связанных с экстремистской деятельностью, оборотом наркотических веществ и оружия. Для белорусского государства незаконная миграция носит транзитный характер. Мигранты из Азии и Африки, стремясь попасть в страны ЕС, на определенное время останавливаются на территории Беларуси. Следовательно, миграция формирует карту вызовов белорусскому государству, что говорит о необходимости разработки селективной модели государственной миграционной политики при участии и сопровождении научного сообщества.

В целях раскрытия роли государственной миграционной политики в политической и социально-экономической жизни белорусского социума и ее оптимизации перед научным сообществом вырисовывается задача выявления реализуемых ее функций, а также оценка результативности их осуществления.

Государственная политика определяется отечественными политологами как совокупность целей, задач, приоритетов, принципов, стратегических программ и плановых мероприятий, которые реализуются органами государственной власти с привлечением общественных объединений и организаций [1, с. 6].

С учетом современных реалий государственную внешнюю миграционную политику можно определить как совокупность научно обоснованных, разработанных государством законодательных, управленческих, организационных и иных мер и средств, направленных на регулирование внешних миграционных потоков в национальных интересах, при учете закрепленных в международных договорах обязательств по защите прав беженцев, трудовых мигрантов и во взаимодействии с другими государствами, интеграционными объединениями, международными организациями и общественными

объединениями. Ее сущность выражается посредством реализуемых ею функций: прямых (регулирование внешних миграционных процессов в национальных интересах, интеграция иммигрантов в принимающее сообщество, выполнение международных обязательств по защите прав беженцев, трудовых мигрантов, контроль и мониторинг миграции) и косвенных (восполнение населения, развитие международного сотрудничества).

Рассматривая более подробно реализуемые государственной миграционной политикой функции, в частности, регулирования внешних миграционных потоков в национальных интересах, следует отметить, что происходит формирование селективной модели ее осуществления. Она основана на привлечении определенных категорий специалистов путем разработки и имплементации политико-правовых и организационных инструментов селекции в интересах национальной безопасности. Инструментами селекции выступают разработка и внедрение квалификационных, возрастных, языковых цензов. Формирование и проведение селективной миграционной политики заключается в установлении квот на въезд иностранцев, строгой лимитации индивидуально выдаваемых разрешений на него и занятие трудовой деятельностью.

Политико-правовые основы селективной модели были разработаны и заложены в законах Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь», «О внешней трудовой миграции», «Об иммиграции». Их действия направлены на создание условий для привлечения мигрантов с близкими этническими характеристиками, высококвалифицированных специалистов из-за рубежа, а также иностранцев, учреждающих коммерческие организации посредством освобождения нанимателя от обязанности получения разрешения по привлечению иностранных граждан. Высококвалифицированный работник в законе Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» – это иностранец, обладающий высоким уровнем профессиональных знаний, умений и навыков, подтвержденным документами об образовании и стажем работы по специальности не менее 5 лет, величина месячной заработной платы которого, согласно условиям трудового договора, превышает 15-кратную величину месячной минимальной заработной платы, установленной в Республике Беларусь. Кроме того, данный закон расширил перечень высококвалифицированных иностранцев, получивших упрощенный доступ на белорусский рынок труда. Так, иностранные студенты, обучающиеся в белорусских вузах, могут трудоустроиваться в течение года после окончания обучения по полученной специальности и присвоенной квалификации без получения на это разрешения [2].

Закон «О гражданстве Республики Беларусь», принятый в 2002 г., расширял контингент лиц, приобретающих право на упрощенное получение гражданства, и свидетельствовал о наличии этнических черт в республиканской модели государственной миграционной политики в сфере интеграции мигрантов. Так, обязательный семилетний срок проживания в стране, требуемый для получения гражданства, мог быть сокращен или не применяться вовсе для белорусов, а также лиц, идентифицирующих себя как белорусы, и их потомков (кровных родственников по прямой линии: детей, внуков, правнуков), родившихся за пределами современной территории республики. Селективный принцип также выразился в упрощенной процедуре получения гражданства лицами, имеющими выдающиеся заслуги перед страной, высокие достижения в области науки, техники, культуры, спорта, либо обладающими профессией или квалификацией, представляющей интерес для белорусского государства. Кроме того, предусматривалось право на приобретение гражданства по рождению для детей, у которых хотя бы один родитель был гражданином Республики Беларусь независимо от места рождения, а также родившихся на территории республики, чьи родители были лицами без гражданства [3].

На практике селективный подход в сфере регулирования трудовой миграции реализуется в недостаточной степени. Так, иммиграционные потоки преимущественно представлены специалистами с невысокой квалификацией, со средне-общим образова-

нием. Так, в 2016 г. из 19 939 трудовых иммигрантов 9 914 человек (50 %) были представлены рабочими специальностями, 1 103 иностранца (5,5 %) прибыли в качестве работников, занятых в сельском хозяйстве, 961 (4,8 %) – в сфере обслуживания и торговли. В то же время в качестве квалифицированных работников и специалистов въехал 4 841 человек (24 %), 1 025 (5 %) на должности руководителя [4]. Основное количество въехавших (7 459 человек) составили граждане Китайской Народной Республики, что обусловлено высоким уровнем политических, культурных отношений, значительным количеством реализуемых совместных экономических, инвестиционных проектов в рамках «Нового шелкового пути». Значительная часть трудовых иммигрантов прибыла из Украины (6 348 человек), что объясняется вхождением в единую миграционную систему, наличием традиционных социально-экономических, культурных связей, политическим и экономическим кризисом в соседнем государстве.

Одной из важнейших функций государственной миграционной политики, оказывающей существенное воздействие на национальную безопасность государств, является интеграция мигрантов в принимающее сообщество. По отношению к способу и особенностям интеграции мигрантов, прибывших на постоянное местожительство, выделяют три модели миграционной политики.

I. Этническая модель национальной принадлежности основывается на общности исторических корней или судьбы, проявляющейся в едином языке, культуре и принадлежности к единой этнической группе. Этот тип исключает иммигрантов с самобытной культурой и иными родовыми корнями из числа полноправных членов нации. Принятие гражданства предполагает здесь абсолютную ассимиляцию, не допускающую никаких уступок. Германия, по крайней мере, до последнего времени, была самым характерным его представителем.

II. Республиканская модель определяет статус гражданства преимущественно принадлежностью его к политическому сообществу. Переселенцы становятся полноправными гражданами страны, если принимают и разделяют ценности, идеалы, принципы ее политической системы, что ведет в итоге к формированию политической нации. К гражданству здесь относятся как к предпосылке, способствующей интеграции в сообщество, а не как к результату этого процесса (как это происходит в этнической модели). С некоторыми оговорками к этому типу можно отнести Францию. Республиканский принцип наиболее заметно отражен в «законе почвы», который дарует гражданство любому младенцу, родившемуся на французской земле. По этому закону иммигранты иностранного происхождения могут получить гражданство относительно легко.

III. Мультикультурная модель предполагает культурные различия внутри общества. Иммигранты являются полноправными пользователями системы образования, участниками рынка труда и жилья, а также демократического процесса принятия решений. В Нидерландах, например, наделяют местным избирательным правом лиц, которые не являются гражданами, но легально проживают в стране более 5 лет. Здесь проводится конкретная политика, нацеленная на интеграцию иммигрантов и их детей. Под интеграцией понимается обеспечение равного доступа к ресурсной и институциональной системам [5, с. 10–11]. В то же время мультикультуральная модель интеграции иммигрантов в ЕС на фоне миграционного кризиса в странах ЕС, вызванного масштабными нерегулируемыми потоками беженцев из государств охваченного войной Ближнего Востока, показала свою неэффективность. Она привела к формированию анклавов компактно проживающих иммигрантов, которые отказываются разделять европейские ценности, адаптироваться к социально-экономической и политической системе. Кроме того, нелегальные иммигранты связаны с террористическими организациями, ухудшают криминогенную ситуацию, тем самым дестабилизируют социально-экономическую и политическую обстановку в принимающих государствах.

Российский исследователь В.А. Суворова выделяет основные типы политико-правовых режимов для иммигрантов, в первую очередь, трудовых, находящихся в стране. Национальный режим характеризуется тем, что иностранные граждане и лица без гражданства приравниваются в правах и обязанностях к собственным гражданам в определенных сферах общественной и гражданской жизни. Специальный режим предусматривает установление особых правил для поведения иностранных граждан, в силу которых их правовой статус существенно отличается от соответствующего статуса граждан страны пребывания. Сутью режима наибольшего благоприятствования является то, что гражданам договаривающихся государств будут предоставлены такие права, какими пользуются или будут пользоваться граждане любого третьего государства. Привилегированный режим определяется тем, что иностранные граждане пользуются большим объемом прав, чем граждане данного государства [6, с. 17].

Анализ законодательной базы позволяет говорить о формировании в Беларуси национального режима пребывания мигрантов с элементами специального, характеризующегося приравниванием иностранных граждан и лиц без гражданства в правах и обязанностях к собственным гражданам в определенных сферах общественной и гражданской жизни, в первую очередь в социально-экономической и культурной (хотя и не в полной мере). Однако сохранялись особые правила для поведения иммигрантов в политической сфере. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь иностранные граждане и лица без гражданства на территории Беларуси пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не определено Конституцией, законами и международными договорами [7, с. 6].

Кроме того, произошло осознание необходимости использования экономических методов привлечения мигрантов, в том числе и посредством выделения денежных средств на переезд и обустройство, что нашло отражение в программе Национальной демографической безопасности на 2011–2015 гг. В частности, на переезд одного человека государство планировало выплачивать 1 млн белорусских рублей, полагались подъемные после получения вида на жительство в размере 1 тыс. долл. в зависимости от состава семьи (на 5 лет действия программы на эти нужды закладывалось 12 млрд руб.). Однако ввиду экономических трудностей, с которыми столкнулась республика, эти положения не были реализованы на практике. В то же время потенциальные мигранты могут заранее посетить Беларусь, точнее тот регион, где им будет предоставлена работа, увидеть место проживания и узнать размер заработной платы. Более того, все облизполкомы разрабатывали региональные программы по демографии на 2011–2015 гг. В дальнейшем же особое внимание будет уделяться интеграции иммигрантов. Готовится специальная памятка переселенца, которая значительно облегчит на первых порах адаптацию мигрантов. Параллельно будет проводиться широкомасштабная кампания с участием МИД и белорусских консульств за рубежом [8].

Таким образом, в Республике Беларусь разработаны политико-правовые основы в сфере интеграции трудовых мигрантов и на постоянное место жительства. Особенности государственной политики в сфере адаптации иммигрантов в белорусском социуме свидетельствуют о формировании республиканской модели миграционной политики в сфере интеграции, которая содержит элементы этнической модели. В то же время остаются незадействованными ряд организационных инструментов, которые эффективно зарекомендовали себя в государствах, имеющих длительный опыт привлечения иммигрантов. Так, в недостаточной мере в процессе адаптации мигрантов участвуют институты местного управления и самоуправления, общественные организации. Общественные организации, такие как «Красный крест», «Движение медицинских работников», в первую очередь сосредоточены на процессе поддержки в адаптации беженцев.

Особое значение в реализации государственной миграционной политики отводится выполнению международных обязательств по защите прав беженцев и трудовых мигрантов. Межгосударственная миграционная политика по сравнению с внутренней представляет собой более жесткую и более регламентированную. Она включает в себя систему специальных мер, законодательных актов и международных соглашений (двух- и многосторонних) по регулированию межгосударственных миграционных потоков. Заключение договоров об обеспечении равных социально-экономических прав для трудовых мигрантов выступает значимым аспектом реализации внешней политики современных государств мира. В Республике Беларусь создана современная система защиты беженцев, соответствующая международным стандартам и являющаяся частью международной системы. Ее важнейшие элементы – это соответствующее законодательство (с четко функционирующей процедурой определения статуса) и эффективно работающая структура государственной миграционной службы – Департамент по гражданству и миграции МВД. Во многом успехи были достигнуты за счет эффективного сотрудничества с Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев, при финансовой и организационной поддержке которого получены значительные результаты в предоставлении правовой, социальной, медицинской и материальной помощи лицам, ищущим убежища, в ходе интеграции беженцев в белорусский социум. Оказание международной технической помощи для государственных и общественных структур способствовало повышению профессионального уровня сотрудников, совершенствованию законодательства в области вынужденной миграции.

Важная роль в процессе выработки и реализации государственной миграционной политики принадлежит контролю и мониторингу миграции. Применяемая Национальным статистическим комитетом методология позволяет учесть только безвозвратных мигрантов, сменивших гражданство, и постоянных мигрантов, получивших разрешение на выезд в другие страны на постоянное местожительство и вставших на консульский учет в посольствах нашей страны за границей. Остальные, как долгосрочные, так и краткосрочные мигранты, не учитываются, что ведет к искажению общих данных о миграции. Большинство трудовых мигрантов, выезжающих в страны СНГ, прежде всего в Россию, работают без официального разрешения, а в страны дальнего зарубежья они выезжают по туристической визе и трудоустраиваются там самостоятельно. Из-за несовершенства методологии статистического учета мигрантов установить общие размеры трудовой миграции достаточно сложно. По официальной статистике, каждый год за рубеж выезжают всего несколько тысяч мигрантов из Беларуси. По мнению белорусских исследователей В.С. Загорца и И.В. Загорец, анализ двух прошедших в Беларуси переписей населения позволяет усомниться в приводимых Национальным статистическим комитетом показателях превышения числа приехавших в страну над выехавшими из нее. В подтверждение этого ученые сравнивают национальную статистику миграции с показателями тех стран, куда уезжают белорусы и откуда приезжают иммигранты в Беларусь [9, с. 75–76].

Международное сотрудничество в миграционной сфере является важным направлением развития и укрепления межгосударственных отношений в современных условиях глобализации и геополитической трансформации социальных и этнополитических пространств, способствуют формированию позитивного имиджа государства, усилению его статуса и роли на мировой политической арене. Республика Беларусь активно развивает сотрудничество с международными организациями и государствами – членами ЕС в сфере скоординированной борьбы с нелегальной миграцией.

Белорусскому государству ЕС выделил 7 млн евро в 2016 г. на обеспечение улучшения миграционного менеджмента и регулирования недокументированных мигрантов на границах с Польшей, Литвой, Латвией [10]. Это свидетельствует о значимо-

сти республики как барьера на пути интенсифицирующихся потоков нелегальной миграции в Европейский союз.

Одной из важнейших косвенных функций государственной миграционной политики в условиях общеевропейского демографического кризиса является восполнение населения посредством привлечения высококвалифицированных мигрантов на постоянное место жительства с близкими этническими признаками, что будет способствовать их быстрой интеграции в принимающее сообщество и развитию человеческого потенциала страны. Республика Беларусь является страной-донором и для европейской, и для евразийской миграционных систем. В страны ЕС, в первую очередь в Польшу, Литву, Латвию, Германию, направляются высококвалифицированные специалисты. Россия служит центром притяжения для представителей рабочих специальностей. По данным Института социологии НАН Беларуси, работу за границей ищут 8–10 % белорусов, из которых 75 % – мужчины. Их выезд негативно отразится на социально-экономическом развитии, демографической структуре населения и в итоге приведет к значительной потере человеческого потенциала. Из общего количества потенциальных эмигрантов 25 % обладают дипломами о высшем образовании и 50 % – о средне-специальном. За рубеж выезжают в первую очередь промышленные рабочие, строители, водители, учителя, врачи, инженеры, технологи, предприниматели. В Российской Федерации, по мнению экспертов, может находиться до 1 млн белорусских граждан. Только в 2016 г. на миграционный учет было поставлено 346 тыс. выходцев из Республики Беларусь. Миграция в Российскую Федерацию носит в определенной степени циркулярный характер, т.е. трудовые мигранты не теряют связи с родиной; заработав деньги, они впоследствии возвращаются в республику. В страны Европейского союза белорусские эмигранты стремятся выехать на постоянное место жительства. По оценке Европарламента численность мигрантов из нашей страны в ЕС составляет 267 тыс. человек и каждый год увеличивается на 8 тыс. человек. Из них, по данным Евростата, в ЕС к 2015 г. вид на жительство получили 82 тыс. белорусов. По мнению экспертов, в страны ЕС по самому благоприятному сценарию к 2050 г. уедут еще 380 тыс. белорусских граждан, по самому неблагоприятному – 600 тыс. человек. Европейские страны активно используют такие инструменты привлечения квалифицированных мигрантов с постсоветского пространства, как «голубая карта» (аналог вида на жительство, дающий право трудиться в ЕС высококвалифицированной рабочей силе) и карта поляка [11].

Российская Федерация стремится к наращиванию геополитического потенциала посредством преодоления депопуляции и увеличения населения за счет привлечения высококвалифицированных специалистов с близкими этническими характеристиками. 13 июня 2012 г. В.В. Путиным была утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г. По результатам первого этапа, рассчитанного до конца 2015 г., предполагалось обеспечить миграционный прирост на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно за счет привлечения на постоянное место жительства в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, квалифицированных специалистов и молодежи, увеличить численность ежегодно привлекаемых высококвалифицированных иностранных специалистов до 30 тыс. человек, иностранных учащихся – до 200 тыс. человек. На втором этапе (2016–2020 гг.) планируется увеличить общий миграционный прирост до 250 тыс. человек ежегодно, число высококвалифицированных иностранных специалистов – до 40 тыс. человек. На третьем этапе (2021–2025 гг.) миграционный прирост должен быть не менее 300 тыс. человек [12].

Формирование единого миграционного пространства в рамках Союзного государства, начало функционирования единого рынка труда в ЕАЭС и экономическая привлекательность России могут значительно стимулировать приток туда квалифицированных специалистов из Беларуси, что в ближайшем будущем негативно скажется

на развитии человеческого потенциала республики и таких ее составляющих, как социально-экономическое развитие и демографическая безопасность. В России принята программа возвращения соотечественников, куда входят положения о привлечении на постоянное местожительство мигрантов с близкими этническими, ментальными корнями, в том числе белорусов. Миграция квалифицированных и высококвалифицированных специалистов лишает республику необходимой рабочей силы, на образование которой государством были затрачены значительные средства. В средне- и долгосрочной перспективе потеря человеческого капитала способна замедлить процесс экономического развития в Беларуси [11]. Поэтому необходима тщательная разработка механизмов превращения невозвратной миграции в возвратную. Возврат трудовых мигрантов, получивших квалификацию, знания и навыки в Беларуси, будет способствовать социально-экономическому прогрессу в стране. Следовательно, миграция обеспечивает развитие человеческого потенциала за счет повышения материального благосостояния как в стране-доноре, так и в стране-реципиенте.

Заключение

Таким образом, на данном этапе были сформированы политико-правовые основы селективной модели государственной миграционной политики. В структуре эмиграционных потоков доминируют квалифицированные и молодые кадры с высшим и средне-специальным образованием. Причем существующая система статистического учета и мониторинга эмигрантов не отражает объективной ситуации в этой сфере. Поэтому актуальна проблема дальнейшего упорядочивания доступа мигрантов в страну на основе повышения требований к уровню квалификации, возрасту, языковой подготовке. Принципом отбора может стать выявление потребностей отдельных отраслей экономики в необходимых специалистах, а также введение возрастного ценза.

В сфере интеграции иммигрантов можно говорить о реализации республиканской модели миграционной политики с наличием определенных элементов этнической. Сформированные политико-правовые инструменты позволяют эффективно адаптировать мигрантов в принимающий социум, о чем свидетельствует отсутствие серьезных этнических конфликтов. В то же время дальнейшая интенсификация миграционных перемещений требует привлечения к процессу интеграции мигрантов местных органов управления и самоуправления и общественных объединений.

Позитивному решению миграционных проблем в Республике Беларусь, прежде всего в вопросах вынужденной миграции и убежища, борьбы с нелегальной миграцией и защиты социально-экономических прав трудовых мигрантов, способствовало международное сотрудничество с профильными организациями: Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев и Международной организацией по миграции.

Беларусь, находясь между Россией и Польшей, проводящих активную миграционную политику, является преимущественно экспортером трудовых мигрантов, что впоследствии может привести к значительной потере высококвалифицированных кадров. Об этом свидетельствуют социологические исследования миграционного настроения белорусских граждан. Это, в свою очередь, может негативно сказаться на развитии человеческого потенциала и тем самым спровоцировать новые вызовы национальной безопасности Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственные процессы и институты в Республике Беларусь и современном мире : отчет о НИР (заключ.) / Белорус. гос. ун-т ; рук. С. В. Решетников. – Минск, 2015. – 173 с. – № ГР 20112192.

2. О внешней трудовой миграции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 225-З. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/imgmvd/dgim/225.pdf>. – Дата доступа: 10.09.2017.
3. О гражданстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 авг. 2002 г., № 136-З. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_grazhdanstve.htm. – Дата доступа: 26.10.2011.
4. Справка о миграционной обстановке в Республике Беларусь за 2016 г. [Электронный ресурс] // Сайт Департамента по гражданству и миграции Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=9871>. – Дата доступа: 10.09.2017.
5. Судоплатов, П. А. Миграционные процессы и миграционная политика в странах Европейского союза : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / П. А. Судоплатов ; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. – М., 2006. – 28 с.
6. Суворова, В. А. Современная иммиграционная политика Российской Федерации: политико-правовой и институциональный аспекты : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / В. А. Суворова ; Гос. ун-т управления. – М., 2008. – 25 с.
7. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2005 г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
8. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс] / М-во труда и соц. защиты Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&po=H11000225&p2=>. – Дата доступа: 12.09.2017.
9. Загорец, В. С. Методика определения объема и результата внешней миграции населения Республики Беларусь / В. С. Загорец, И. В. Загорец // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2011. – № 4. – С. 69–76.
10. Гулина, О. Почему миграция стала жертвой политики [Электронный ресурс] / О. Гулина // Газета.ру. – 2017. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2017/07/16_a_10791002.shtml. – Дата доступа: 11.06.2017.
11. Каждый десятый белорус ищет работу за границей. Чем это грозит стране? [Электронный ресурс] // Белорусский портал tut.by. – Режим доступа: <https://finance.tut.by/news554527.html>. – Дата доступа: 05.03.2017.
12. Владимир Путин утвердил Концепцию государственной миграционной политики России на период до 2025 года [Электронный ресурс] // Русский век : портал для рос. соотечественников. – Режим доступа: <http://www.ruvek.info>. – Дата доступа: 20.07.2012.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.10.2017

Zenchenko S.V. State Migration Policy and National Security: Political Analysis of the Belarusian Experience

The problem of the effectiveness of the implementation of the state migration policy of the Republic of Belarus in the context of ensuring national security is considered in the article. On the basis of a political analysis of the Belarusian experience in implementing the migration management to identify the effectiveness of its direct (regulation of migratory flows in the national interests, the integration of migrants into host societies, fulfillment of international obligations to protect the rights of refugees, labor migrants, monitoring of migration) and indirect (replenishment of the population, development of international cooperation) functions in ensuring national interests and national security is analyzed. The thesis is substantiated that the further development and implementation of the selective model of the state migration policy is most in the national interest. The political and legal foundations of this model have been formed at the present.

УДК 316.77;070

С.В. Венідзіктаў

канд. філал. навук, дац., нач. каф. сацыяльна-гуманітарных дысцыплін
Магілёўскага інстытута Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь
e-mail: tv.lab.mogilev@gmail.com

**ГРАМАДСКАЕ ВЯШЧАННЕ Ў МЕДЫЯПРАСТОРЫ
ЕЎРАЗІЙСКАГА ЭКАНАМІЧНАГА САЮЗА**

У артыкуле даследуецца актуальны стан медыйнай прасторы Еўразійскага эканамічнага саюза ў крытычна важнай для інтэграцыі сферы грамадскага вяшчання. Паказана, што класічная еўрапейская мадэль грамадскіх СМІ не рэалізавана ні ў адной з дзяржаў ЕАЭС, што абумоўлена адсутнасцю заканадаўчых норм, якія рэгулююць іх стварэнне і дзейнасць, а таксама недахопам структур кіравання, схільнымі да маніпулявання крыніцамі фінансавання, павольным рэфармаваннем праграмнай палітыкі. Дыгіталізацыя, канвергенцыя камунікацыйных тэхналогій, канкурэнцыя з боку камерцыйных кампаній змушаюць да перагляду спецыфічных функцый такога тыпу СМІ ў новых абставінах. Сцвярджаецца, што адным з вынікаў неразвітасці грамадскага вяшчання ў Арменіі, Беларусі, Расіі, Казахстане і Кыргызстане з'яўляецца камунікацыйны разрыў паміж уладай і грамадзянамі.

Уводзіны

Эвалюцыя інтэграцыйных працэсаў у Еўразійскім эканамічным саюзе (ЕАЭС) заканамерна прыводзіць да актуалізацыі пытання аб неабходнасці фарміравання адзінай медыяінфармацыйнай прасторы. Пры гэтым важным фактарам эфектыўнага развіцця апошняй з'яўляецца стварэнне асяроддзя свабоднага распаўсюджвання інфармацыйных плыняў дзяржаў-партнёраў. У Індэксе ўстойлівасці СМІ (2016 г.) вылучаюцца пяць базавых прынцыпаў функцыянавання аптымальнай медыякамунікацыйнай сістэмы:

- 1) наяўнасць прававых і сацыяльных норм абароны свабоды слова і гарантый доступу да грамадска значнай інфармацыі;
- 2) адпаведнасць журналісцкай дзейнасці прафесійным стандартам якасці;
- 3) множнасць крыніц дакладнай і аб'ектыўнай інфармацыі;
- 4) эфектыўны менеджмент СМІ, які забяспечвае рэдакцыйную незалежнасць;
- 5) наяўнасць грамадскіх інстытутаў, якія падтрымліваюць прафесійныя і незалежныя СМІ [1, с. 21].

Эфектыўнасць медыякамунікацыі ў сацыюме пры гэтым уводзіцца ў непасрэдную залежнасць ад арганізацыйных форм даміруючых СМІ, сярод якіх вылучаюць асноўныя: 1) дзяржаўная манополія; 2) прыватнае валоданне, якое звычайна суправаджаецца дзяржаўным рэгуляваннем; 3) грамадская манополія, пры якой СМІ непасрэдна не падпарадкоўваюцца ўладзе.

Зыходзячы з таго, што ні дзяржаўныя (нават тыя, што абслугоўваюць грамадскія патрэбы), ні камерцыйныя СМІ не могуць цалкам служыць патрэбам медыякамунікацыйнай інтэграцыі, найбольш перспектыўным напрамкам у кантэксце эвалюцыі еўразійскай прасторы нам уяўляецца развіццё грамадскага вяшчання, не падкантрольнага ні дзяржаве, ні рынку. Такім чынам, мэтай дадзенай працы з'яўляецца даследаванне актуальнага стану медыйнай прасторы Еўразійскага эканамічнага саюза ў крытычна важнай для інтэграцыі сферы грамадскага вяшчання. Пры гэтым вырашаецца задача вызначэння перспектыўных напрамкаў эвалюцыі медыйнай сістэмы дзяржаў-партнёраў, якая ва ўмовах паскоранага развіцця міждзяржаўнага ўзаемадзеяння кампенсуе прабелы ў сістэме палітычнай камунікацыі.

Ідэя грамадскага доступу да СМІ выказвалася яшчэ ў 1960-х гг.: «Заснаваныя грамадствам некамерцыйныя і юрыдычна гарантаваныя інстытуты грамадзянскай супольнасці, якія працуюць добраахвотна і падсправаздачныя сваім аўдыторыям з дапа-

могай дэмакратычных працэдур, з'яўляюцца істотным складнікам мадэлі грамадскага абслугоўвання» (пераклад наш. – С. В.) [2, с. 123]. Існаванне ва ўмовах трансфармацыі свабодных СМІ, скіраваных на фарміраванне грамадскай думкі, развіццё структур грамадзянскай супольнасці, спрыяе эфектыўнай пабудове дэмакратычных інстытутаў. І калі ў сталай дэмакратыі свабодныя, незалежныя СМІ могуць узнікаць натуральным чынам, то ў многіх пераходных грамадствах неабходны меры для стымулявання дадзенага працэсу. У такой сітуацыі адным са шляхоў эфектыўнага рэфармавання медыясістэмы з'яўляецца еўрапейская мадэль грамадскіх каналаў, якая прадвызначае ступень узаемапраанікнення камунікацыйных працэсаў грамадзянскай супольнасці і палітычнай эліты.

Адпаведны еўрапейскай мадэлі грамадскіх каналаў тып журналістыкі на першае месца ставіць не рэдакцыйную палітыку, а абавязкі СМІ перад грамадствам (у ЗША нават распаўсюджана паняцце public journalism – «грамадская журналістыка»). Грамадскае вяшчанне вядзе дзейнасць незалежна ад эканамічнай і палітычнай улады, забяспечваючы сацыяльнай, палітычнай і культурнай актыўнасці грамадзян. Падобныя характарыстыкі дазваляюць разглядаць грамадскія СМІ ў якасці дзейснага фактару медыякамунікацыйнай інтэграцыі ў ЕАЭС. Грамадскае вяшчанне з'яўляецца «ўніверсальным з пункту гледжання зместу і доступу, гарантуе рэдакцыйную незалежнасць, прапануе мноства праграм і паслуг, якія задавальняюць запыты ўсіх груп насельніцтва, і нясе адказнасць перад усім грамадствам» (пераклад наш. – С. В.) [3].

У тым ці іншым выглядзе падобны тып СМІ прысутнічае у больш чым 40 краінах (Аўстралія, ЗША, Канада, Германія, Швецыя, Нарвегія, Польшча, Японія і інш.). У краінах Цэнтральнай, Усходняй і Паўднёва-Усходняй Еўропы працэс фармальнага пераўтварэння дзяржаўных СМІ ў грамадскія, распачаты пасля 1990 г., за нешматлікімі выключэннямі, завершаны. Напрыклад, у 2015 г. была створана Нацыянальная грамадская тэлерадыёкампанія Украіны, а таксама назіральны савет пры ёй. У 2012 г. Дзяржаўнай Думай Расійскай Федэрацыі быў разгледжаны законапраект аб стварэнні грамадскага вешчання.

Еўразійская інтэграцыя і грамадскае вяшчанне

Як паказвае вопыт еўрапейскага інфармацыйнага ўзаемадзеяння, а таксама дзейнасць міждзяржаўных СМІ ў СНД і Саюзе Беларусі і Расіі, менавіта грамадскае вяшчанне валодае найбольшым інтэграцыйным патэнцыялам у міждзяржаўных структурах. Асаблівую актуальнасць дадзенае пытанне набыло ў кантэксце інфармацыйнай інтэграцыі дзяржаў ЕАЭС: Арменіі, Беларусі, Расіі, Казахстана і Кыргызстана. Важную ролю ў разуменні значэння грамадскага вяшчання як інтэграцыйнага рэсурсу адыграў вопыт узаемадзеяння ў фармаце СНД: «Няўдачы ў эканамічнай і палітычнай інтэграцыі яшчэ раз пераканаўча прадэманстравалі ўсім удзельнікам СНД правату ісціны: кожнаму чарговаму кроку ў наладжванні міжнароднага інтэграцыйнага або кааперацыйнага супрацоўніцтва ў той ці іншай сферы павінна папярэднічаць рашэнне праблем інфармацыйна-медыйнага забеспячэння гэтага кроку» (пераклад наш. – С. В.) [4]. Стварэнне еўразійскага грамадскага інфармацыйнага канала стала адной з прапаноў, выказаных удзельнікамі дыскусіі па інфармацыйнай палітыцы ў ЕАЭС, якая адбылася ў 2016 г. у Інтэграцыйным клубе пры старшыні Савета Федэрацыі Расійскай Федэрацыі. Неабходнасць стварэння адзінай інфармацыйнай прасторы ў ЕАЭС, а ў яго структуры – грамадскага вяшчання, была прызнана і ўдзельнікамі VIII Форуму еўрапейскіх і азіяцкіх медыя (ФЕАМ–2015).

З улікам таго, што ЕАЭС пазіцыянуецца як аб'яднанне эканамічнае, а не палітычнае, у яго рамках цалкам можа быць рэалізавана заходняя мадэль грамадскага вяшчання. Усе нацыянальныя мадэлі грамадскага вяшчання маюць 4 інтэгральныя фактары:

1) заканадаўчая база (Каралеўская хартыя ў Вялікабрытаніі; Закон аб грамадскім вяшчанні ў ЗША і г.д.); 2) кантроль з боку грамадзянскай супольнасці; 3) фінансаванне, якое выключает магчымасць камерцыйлізацыі; 4) максімальнае задавальненне аўдыторных інтарэсаў. Агульныя прыкметы, уласцівыя грамадскаму вяшчанню, па-рознаму рэалізуюцца ў дзяржавах ЕАЭС.

У Арменіі грамадскае вяшчанне ў большай ступені, чым у іншых дзяржавах ЕАЭС, адпавядае «класічнай» мадэлі. Заканадаўчыя асновы яго функцыянавання выкладзены ў Законе Рэспублікі Арменіі «Аб тэлебачанні і радыё», у якім пазначана, што такі тып СМІ закліканы ў першую чаргу забяспечваць канстытуцыйныя правы грамадзян: «правы свабодна атрымліваць палітычную, эканамічную, адукацыйную, культурную, дзіцяча-юнацкую, навукова-асветніцкую інфармацыю, інфармацыю аб армянскай мове і гісторыі, спартыўную, забаўляльную і іншую важную і значную для грамадства інфармацыю» (пераклад наш. – С. В.) [5]. Грамадскае тэлебачанне Арменіі «Айлуур 1» з 2000 г. працуе ў Аўстраліі, ЗША і Канадзе. У цяперашні час міжнародны канал «Armenia 1» вяшчае па ўсім свеце. З 2007 г. дзейнічае другі канал Грамадскага тэлебачання «Ararat», арыентаваны на культурны кантэнт.

Аднак, як паказвае аналіз арт. 28 Закона «Аб тэлебачанні і радыё» [5], патрабаванні да праграмнай палітыкі грамадскіх вяшчальнікаў у Арменіі практычна не адрозніваюцца ад агульных рэкамендацый, актуальных для СМІ іншых форм уласнасці. Незалежны маніторынг, праведзены кампаніяй ВВС, паказаў, што больш за палову вяшчання канала «Айлуур 1» адводзіцца забаўляльным праграмам, арыентаваным на атрыманне прыбытку. З аднаго боку, арыентацыя на запыты масавай аўдыторыі дазваляе каналу захоўваць высокія рэйтынгі, з другога – супярэчыць задачам грамадскага канала. Інфармацыйна-аналітычны кантэнт «Айлуур 1» складае каля 15 % вяшчання, уключаючы ў сябе выпускі навін, аналітычныя рэпартажы, сацыяльна-палітычныя праекты, праграмы аб працы парламента. Яшчэ каля 35 % праграмнай структуры займаюць культурна-асветніцкія праекты [6].

Сярод прынцыпаў вяшчання Грамадскага тэлебачання Арменіі – адказнасць у выбары матэрыялу, патрабаванне да чысціні мовы, разнастайнасць тэматыкі, фарміраванне эфірнай палітыкі з улікам адрозненняў у рэгіянальных аўдыторыях (гарадскія/сельскія раёны, тэрыторыя Арменіі/за межамі). Грамадскае радыё Арменіі распаўсюджвае грамадска-палітычныя, інфармацыйныя, культурна-забаўляльныя, спартыўныя і музычныя праекты ў частотным радыёэфіры, праз кабельную радыёсетку, Інтэрнэт і спадарожнікавае вяшчанне. Для радыё характэрны рэжым мультыкультурнай талерантнасці: вяшчанне вядзецца на 15 мовах, уключаючы мовы нацыянальных меншасцей. У краіне дзейнічае Савет грамадскага тэлебачання і радыё, а таксама Савет грамадскага тэлебачання, у склад якіх уваходзяць аўтарытэтныя ў сферы СМІ асобы.

Нягледзячы на фармальную адпаведнасць рэдакцыйнай палітыкі грамадскіх вяшчальнікаў Арменіі агульным стандартам падобнага тыпу СМІ, прынятым у еўрапейскіх дзяржавах, нельга весці размову аб іх сапраўднай незалежнасці: арт. 35 Закона «Аб тэлебачанні і радыё» [5] прама прадугледжвае механізм дзяржаўнага фінансавання, што мае на ўвазе ўскосную падсправаздачнасць ўраду. Да таго ж, у Арменіі, нягледзячы на заканадаўчую забарону для палітычных партый валодаць тэлевізійнымі каналамі, найбольш уплывовыя вяшчальнікі дэ-факта кантралююцца палітычнымі коламі. Напрыклад, агульнанацыянальны канал «Еркір Медыя ТБ», звязаны з Армянскай рэвалюцыйнай федэрацыяй (нацыяналістычная партыя з сацыялістычнымі поглядамі). Тэлеканал «Кентрон ТБ», вядомы сваімі палітычнымі праектамі, апасродкавана кантралюецца кіраўніцтвам партыі «Квітнеючая Арменія». Канал «Арарат ТБ» звязаны з кіруючай «Рэспубліканскай партыяй Арменіі».

Арганізацыя Human Rights Watch у апублікаванай у пачатку 2016 г. справаздачы выказала таксама занепакоенасць пераходам Арменіі на лічбавае вясччанне [7]: новы фармат з'яўляецца недаступным для рэгіянальных вясччальнікаў, што ў перспектыве прывядзе да яшчэ большай цэнтралізацыі масавай інфармацыі і да зніжэння індэксу свабоды слова ў краіне.

Як і ў Арменіі, у Расійскай Федэрацыі грамадскае тэлебачанне падсправаздачна ўраду, больш за тое, акрамя механізму фінансавання, прадугледжаны і напаўдзяржаўныя кіруючыя структуры. Урад як заснавальнік ГТР (ОТР) – грамадскага тэлебачання Расіі – фармальна перадае кіруючыя функцыі Наглядальнаму савету, генеральнаму дырэктару, рэвізійнай камісіі і Савету па выкарыстанні мэтавага капіталу, кантрольныя функцыі – Савету па грамадскім тэлебачанні [8]. Класічная трыяда В. Румпхорста, якая апісвае «ідэальнае» грамадскае вясччанне (фінансаванне грамадствам, кантроль з боку грамадства, служэнне інтарэсам грамадства), у Расіі не рэалізуецца ў поўным аб'ёме, што прадвызначае дыскусію ў акадэмічным асяроддзі па пытанні «Ці лічыць расійскае грамадскае вясччанне грамадскім?». ГТР можна разглядаць як грамадска значны федэральны інфармацыйны праект, які задавальняе патрэбы шырокіх аўдыторных груп у сацыяльна значнай інфармацыі, аднак пазбаўлены дзейных механізмаў удзелу грамадзян у фарміраванні праграмнай палітыкі, а таксама фінансавай самадастатковасці. У межах існуючага прававога поля, эканамічных і медыйных рэалій трансфармацыя грамадскага вясччання Расіі ў яго еўрапейскую разнавіднасць не ўяўляецца дасягальнай. Напрыклад, пасля першага году працы, калі былі атрыманы бюджэтныя 20 млрд руб. на развіццё вясччання, ГТР сутыкнулася з праблемай збору сродкаў ад грамадскасці (за год было сабрана толькі 50 тыс. руб.) [9].

Разгледжаны ў Расіі яшчэ ў 2012 г. законапраект аб стварэнні грамадскіх СМІ выклікаў шэраг пытанняў і прэтэнзій сярод спецыялістаў, знаёмых з сусветнай практыкай функцыянавання грамадскіх вясччальных службаў, а таксама паказаў адсутнасць цікавасці з боку шараговых грамадзян: «У Расіі выразна праявіліся сацыяльная інэртнасць, дэфіцыт грамадзянскасці... У выніку рашэнне аднаго з найважнейшых пытанняў, якое вызначае далейшы стан медыясферы краіны яе магчымае здараўленне, было пакінута грамадзянскай супольнасцю на водкуп дзяржчыноўнікам з уласцівым ім менталітэтам і інтарэсамі» (пераклад наш. – С. В.) [10, с. 83].

Тэлеканал «Расія – Культура», блізкі па канцэпцыі вясччання грамадскаму, такім таксама не з'яўляецца з прычыны дзяржаўнага фінансавання і вузкасці праграмнай палітыкі. У 2011–2012 гг. у Расіі была спроба арганізацыі Сеткавага грамадскага тэлебачання, ідэі якога ўтрымліваліся ў Хартыі грамадскага тэлебачання (2011 г.), аднак пасля прэзідэнцкіх выбараў 2012 г. праект быў спынены. З 2012 г. праваабарончая арганізацыя «За правы чалавека» ажыццяўляе інтэрнэт-трансляцыю тэлеканала «Аб'яднанае грамадзянскае тэлебачанне»; канал арыентаваны на пашырэнне прыкладаў грамадзянскай актыўнасці насельніцтва і барацьбу за грамадзянскія правы, што адпавядае патрэбам дэмакратычнага грамадства, але звужае аўдыторыю (грамадскае вясччанне павінна быць арыентавана на максімальна шырокі ахоп грамадзян). У Санкт-Пецярбургу дзейнічае грамадска-палітычны інфармацыйны тэлеканал кругласутачнага вясччання ВОТ (ВГТ – «Ваша грамадскае тэлебачанне»), для якога характэрны інтэрактыўнасць, вострая дыскусійнасць і арыентацыя на палітычны дыскурс.

У такой сітуацыі ролю грамадскага тэлебачання ў Расіі выконвае «неграмадскі» прыватны вясччальнік «Дождж» (кругласутачны інфармацыйны тэлеканал, вядомы незалежнай пазіцыяй у асвятленні пратэстнага руху ў Расіі 2011–2013 гг., «Балотнай справы» і іншых вострых палітычных падзей). У дачыненні да «Дажджу» ўпершыню ў расійскай медыйнай практыцы быў рэалізаваны механізм грамадскага фінансавання: у 2014 г., калі праз фінансавыя цяжкасці ўзнікла пагроза закрыцця каналу, быў абвеш-

чаны тыднёвы марафон «Падтрымай дождж!», сродкаў ад якога хапіла на вяшчанне працягам 50 сутак [11]. У першай палове 2015 г., калі з-за ўнясення паправак у расійскае медыйнае заканадаўства канал пазбавіўся рэкламнага бюджэту, «Дождж» практычна цалкам фінансаваўся за кошт аўдыторыі.

Сітуацыя з грамадскім вяшчаннем на медыйным рынку Расіі, такім чынам, характарызуецца наяўнасцю значных супярэчнасцей: СМІ гатовы працаваць у новым фармаце, аўдыторыя гатова фінансаваць сацыяльна значныя інфармацыйныя праекты, аднак дзяржавай не створаны эфектыўны механізм (у першую чаргу, у прававой і ў палітычнай сферах), які дазволіў бы аб'яднаць гэтыя тэндэнцыі.

Калі ў Арменіі і Расіі існуе нагода для дыскусіі, ці лічыць асобныя СМІ грамадскімі, то ў Беларусі такая дыскусія не ўяўляецца магчымай. Развіццё грамадскіх СМІ ў рэспубліцы шмат у чым стрымліваецца адсутнасцю заканадаўчых норм, якія рэгулююць стварэнне і дзейнасць падобных медыя, г.зн. іх прававой базы, механізмаў кіравання і фінансавання, асноўных прынцыпаў фарміравання праграмаў палітыкі (актыўны ўдзел аўдыторыі). У Законе «Аб сродках масавай інфармацыі» не згадваюцца грамадскія функцыі журналістаў і СМІ, гарантыі рэалізацыі канстытуцыйнага права грамадзян на доступ да інфармацыі. Незалежныя СМІ ў рэспубліцы нешматлікія, ні ў адным з медыйных сектараў у цяперашні час мы не можам казаць аб наяўнасці СМІ, тыпалагічна блізкіх да грамадскіх.

У Казахстане стварэнне паўнаважнага грамадскага вяшчання таксама не ўяўляецца магчымым у бліжэйшай перспектыве, што абумоўлена дзяржаўнай манопалізацыяй сферы масавай інфармацыі, вузкасцю рэкламнага рынку, спецыфічным характарам узаемадзеяння СМІ і аўдыторыі. У 2012 г. ініцыятыва стварэння ў краіне грамадскага тэлебачання, якое дало б магчымасць быць пачутымі арганізацыям трэцяга сектара, была разгледжана ў парламенце, аднак практычных мер рэалізавана не было. Казахстанскі тэлеканал «Еўразія» ў асноўным запаўняе эфір расійскім кантэнтам, захоўваючы ў інфармацыйных праграмах пазіцыі і ацэнкі Расіі ў дачыненні да сусветных падзей. Канал «Казахстан», арыентаваны на нацыянальную мову і мясцовы медыйны прадукт, карыстаецца папулярнасцю ў слаба ўрбанізаваных раёнах. Зараз функцыю, аналагічную расійскаму каналу «Дождж», у Казахстане выконвае кругласутачны тэлеканал навін «24 KZ», вяшчанне якога з'яўляецца найбольш аператыўным і аб'ёмным з пазіцыі фарміравання парадку дня, аднак не адрозніваецца вастрынёй і дыскусійнасцю закранаемых тэм.

У Кыргызстане грамадская мадэль вяшчання, якая рэалізуецца з 2011 г., калі быў прыняты Закон «Аб Грамадскай тэлерадыёвяшчальнай карпарацыі Кыргызскай Рэспублікі» (ГТРК), таксама мае нацыянальныя асаблівасці. ГТРК зараз аб'ядноўвае тэлеканалы «Баластан», «Музыка», «Общественный первый канал», «Маданият», «Спорт», радыёстанцыі «Киргизав Радиосу», «Биринчи Радио», «Мин Кыял FM», «Түнкү белявыми», «Балдар FM», «Достук радио», а таксама Рэспубліканскі радыётэлецэнтр і студыю «Кыргызтелефильм», што робіць яе найбольш значным удзельнікам рынку СМІ краіны. Пры ГТРК з 2014 г. функцыянуе Рэспубліканскі вучэбны цэнтр медыякамунікацыі, які рыхтуе спецыялістаў-практыкаў для працы ў СМІ. Фінансуецца ГТРК пераважна са сродкаў рэспубліканскага бюджэту, а не за кошт грамадскіх узносаў і ахвяраванняў, што не дазваляе казаць пра яе як пра «традыцыйнага» грамадскага вяшчальніка. Як паказана ў справаздачы за 2015 г. праваабарончай арганізацыі Freedom House, «падчас перадвыбарчай кампаніі ГТРК моцна прасоваў прэзідэнцкую партыю СДПК, у той час як дзейнасць іншых партый асвятлялася мала, а калі асвятлялася, часта ў неспрыяльным ракурсе... Хоць канал стаў празрысцей, ён не дасягнуў аб'ектыўнай журналістыкі і не падае крытычных пазіцый у дачыненні да палітыкі ўрада» (пераклад наш. – С. В.) [12].

Яшчэ адзін тэлевізійны праект, які прэтэндуе на статус грамадскага, рэалізуецца ў Кыргызстане з 2007 г.: канал ЭлТР, які першапачаткова меў статус абласнога, цяпер прапануе 17 гадзін грамадска-палітычнага, культурнага і адукацыйнага вяшчання ў суткі (пераважна на нацыянальнай мове). Зыходзячы з таго, што аднымі з асноўных задач грамадскага вяшчання Кыргызстана названы фарміраванне адзінай інфармацыйнай прасторы рэспублікі, а таксама распаўсюджванне максімальна аб'ектыўнай інфармацыі аб унутранай і знешняй палітыцы дзяржавы, дадзены медыярэсурс правамерна разглядаць у якасці найбольш перспектыўнай платформы інфармацыйнай інтэграцыі Кыргызстана ў прастору ЕАЭС.

Заклучэнне

Цяжкасці ў стварэнні сістэмы грамадскага вяшчання ў дзяржавах Еўразійскага эканамічнага саюза, на наш погляд, з'яўляюцца заканамернымі. Сучасным грамадскім вяшчальнікам усё цяжэй апраўдаць сваё існаванне ў медыяасроддзі і палітычнай сістэме, а таксама данесці сэнс сваёй місіі да аўдыторыі. Складанасці, з якімі яны сутыкаюцца, – вынік недахопу структур кіравання, неадэкватных і (або) схільных да маніпулявання крыніц фінансавання, занадта павольнага рэфармавання праграмаў палітыкі. Дыгіталізацыя, канвергенцыя камунікацыйных і інфармацыйных тэхналогій, а таксама канкурэнцыя з боку камерцыйных кампаній змушае да перагляду спецыфічных функцый такога тыпу СМІ ў новых абставінах. Цяпер грамадскае вяшчанне «еўрапейскага тыпу» перажывае «крызіс ідэнтычнасці», наступленне камерцыйных каналаў змушае каналы грамадскія ўступаць у «вайну за рэйтынгі». Ва ўмовах адсутнасці грамадскага вяшчання і абмежаванасці ўплыву незалежных СМІ ў дзяржавах ЕАЭС атрымліваюць развіццё платформы грамадзянскай журналістыкі, якія функцыянуюць у выглядзе як самастойных анлайн-праектаў (напрыклад, расійскія Noga-TV.com, ARU TV і інш.), так і ініцыятыў у сацыяльных сетках. Усе яны характарызуюцца імкненнем адлюстроўваць той бок сацыяльнай рэальнасці, якая адсутнічае ў дзяржаўных медыя, апазіцыйнасцю да афіцыйнай палітыкі і арыентацыяй пераважна на ўнутрыдзяржаўныя праблемы. Пытанні еўразійскай інтэграцыі ў еўразійскай грамадзянскай журналістыцы не з'яўляюцца прыярытэтнымі.

Такім чынам, адсутнасць сістэмнасці ў падачы інтэграцыйнай тэматыкі ў рэгіянальных і нацыянальных СМІ дзяржаў ЕАЭС, а таксама адсутнасць умоў для развіцця грамадскіх медыя, паглыбляе камунікацыйны разрыў паміж уладай і грамадзянамі ў еўразійскай медыйнай прасторы. У выніку медыясфера ў супастаўленні са сферамі эканомікі і палітыкі застаецца найменш інтэграванай вобласцю міждзяржаўнага ўзаемадзеяння. На наш погляд, вырашэнне перспектыўнай задачы стварэння адзінай інфармацыйна-камунікацыйнай прасторы ў межах ЕАЭС як найважнейшага фактару эвалюцыі палітычнай камунікацыі, залежыць у тым ліку ад пашырэння магчымасцей для развіцця грамадскіх (альбо тыпалагічна блізкіх да іх) медыярэсурсаў. Узгодненыя крокі дзяржаў ЕАЭС павінны закранаць заканадаўчую сферу, забяспечваюць інтэграцыю на ўзроўні структур грамадзянскай супольнасці, садзейнічаць сіметрычнай эвалюцыі медыякампетэннасці еўразійскай аўдыторыі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Media Sustainability Index 2016. The Development of Sustainable Independent Media in Europe and Eurasia. – Washington : IREX, 2016. – 344 p.
2. Keane, J. Global Civil Society? / J. Keane. – Cambridge, 2003. – 206 p.
3. Об общественном вещании [Электронный ресурс] : рекомендация 1641 (2004) Парламентской Ассамблеи Совета Европы / Ин-т проблем информ. права. – Режим

доступа: http://www.medialaw.ru/laws/other_laws/european/rec1641-2004.htm. – Дата доступа: 18.02.2017.

4. Косикова, Л. Регион СНГ во внешнеэкономической стратегии России / Л. Косикова // Россия и соврем. мир. – 2010. – № 4. – С. 107–123.

5. О телевидении и радио [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения // Парламент Республики Армения : официал. сайт. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1464&lang=rus>. – Дата доступа: 24.01.2017.

6. Абашина, Е. В. Актуальные тенденции в эфире общественного телевидения Закавказья: сравнительный анализ особенностей программной политики телеканалов «Ичтимаи ТВ» (Азербайджан), «Айлур 1» (Армения) и «Пирвели архи» (Грузия) в 2011 г. и 2014 г. [Электронный ресурс] / Е. В. Абашина // Медиаскоп : электрон. науч. журн. фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.mediascope.-ru/node/1767>. – Дата доступа: 25.03.2016.

7. Freedom of Expression [Electronic source] // Human Rights Watch : official site. – Mode of access: <https://www.hrw.org/world-report/2016/country-chapters/armenia#ea21f>. – Date of access: 17.02.2017.

8. Общественное телевидение России [Электронный ресурс] : устав АНО, 12.09.2012, № 1679-р. // Обществ. телевидение России : интернет-портал. – Режим доступа: <http://www.otr-online.ru/resources/userFiles/documents/a1bc7d0b48.pdf>. – Дата доступа: 27.01.2017.

9. Общественное телевидение – это чудо, его надо сохранить [Электронный ресурс] // Телеканал «Дождь» : официал. сайт. – Режим доступа: https://tvrain.ru/teleshows/here_and_now/obschestvennoe_televidenie_eto_chudo_ego_nado_sohranit_otr_smoglo_sobrat_tolko_50_tysjach_iz_20_millionov_rublej-361018/. – Дата доступа: 11.01.2017.

10. Короченский, А. П. Медиаобразование и формирование гражданской ответственности россиян: проблемы и перспективы / А. П. Короченский // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций : материалы междунар. науч. конф., Таганрог, 6–7 сент. 2012 г. / Рос. ин-т культурологии ; отв. ред. К. Э. Разлогов, А. В. Федоров. – М., 2012. – С. 82–86.

11. Марафон в поддержку Дождя [Электронный ресурс] // Телеканал «Дождь» : официал. сайт. – Режим доступа: <https://tvrain.ru/sos/>. – Дата доступа: 15.02.2017.

12. Свобода слова в Кыргызстане: почти все СМИ зависят от мнения власти [Электронный ресурс] // KYRGYZTODAY.KG : информ. портал. – Режим доступа: <http://kyrgyztoday.kg/ru/?p=2617>. – Дата доступа: 28.04.2016.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.04.2017

Venidziktau S.V. Public Broadcasting in the Media Space of the Eurasian Economic Union

The article examines the current state of the media space of the Eurasian Economic Union in the crucial integration field of public service broadcasting. It is shown that the classical European model of public media is not implemented in any of the EAEU states that due to the lack of legislation governing their creation and activity, as well as lack of management structures, prone to manipulating sources of funding, slow reform of the program policy. Digitalization, the convergence of communication technologies, competition from commercial companies forced to revise the specific features of this type of media in the new circumstances. It is alleged that one of the results of the underdevelopment of public service broadcasting in Armenia, Belarus, Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan is a communication gap between government and citizens.

УДК 329.7:[32:001]

Т.А. Шендик

*магистр полит. наук, начальник отдела организационно-кадровой работы
Республиканского Совета Республиканского общественного объединения «Белая Русь»
e-mail: t.belayarus@gmail.com*

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСРЕДНИКИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

В статье проанализированы основные подходы к определению негосударственных субъектов политической системы общества. Определено, что в обществах переходного типа новым элементом политической системы являются общественно-политические организации, своеобразные политические посредники (медиаторы) между гражданским обществом и государством. Деятельность таких организаций оказывает влияние на развитие политической системы общества, становление партийной системы, совершенствование государственного управления. Научное осмысление сущностных характеристик общественно-политических организаций связано с разработкой и уточнением соответствующего категориально-понятийного аппарата. С этой целью дано определение категории политической науки «общественно-политическая организация», раскрывается роль и место общественно-политических организаций в политической системе общества.

Введение

Усложнение социальной структуры современного общества, увеличение в нем плюрализма мнений в процессе реализации демократических принципов и ценностей предполагают формирование новых механизмов выявления интересов и потребностей его отдельных групп.

В этой связи в функционировании социума в целом и его политической подсистемы в частности возрастает роль общественно-политических организаций, которые функционально включены в систему властных отношений и выступают связующим звеном между государством и гражданским обществом.

Определение дальнейших направлений совершенствования и развития политической системы современного белорусского общества требует научного осмысления сущностных характеристик общественно-политических организаций, предполагает разработку и уточнение соответствующего категориально-понятийного аппарата.

Для достижения этой цели видится целесообразным:

- 1) провести анализ существующих подходов к определению негосударственных субъектов политической системы общества и предложить авторское определение общественно-политической организации;
- 2) раскрыть специфические особенности общественно-политических организаций и функции, которые они выполняют в политической системе обществ переходного типа.

В современной политической науке и практике для обозначения негосударственных субъектов общественно-политических отношений, как правило, используются термины «общественное объединение», «общественная организация», «политическая партия».

Широкое использование термина «общественное объединение» обусловлено нормативным закреплением данной дефиниции в законодательстве Республики Беларусь,

---

Научный руководитель – В.И. Чуешов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь

согласно которому общественное объединение определяется как добровольное объединение граждан, в установленном законодательством порядке объединившихся *на основе общности интересов для удовлетворения нематериальных потребностей и достижения уставных целей* [1].

Цели деятельности общественных объединений могут быть разнообразны, за исключением пропаганды войны и экстремистской деятельности [1].

Законодатель разграничивает сферы деятельности общественных объединений, отдельно выделяя среди них:

1) «социально-экономическую» (защита трудовых, социально-экономических прав и интересов [2]),

2) «религиозную» (удовлетворение религиозных потребностей [3]),

3) «политическую» (содействие выявлению и выражению политической воли граждан и участие в выборах [4]) и др.

Исходя из этого, среди общественных объединений в законодательстве четко выделены профессиональные союзы, религиозные организации и политические партии.

В научной литературе общественные объединения рассматриваются в качестве «добровольных формирований, возникших в результате свободного волеизъявления граждан, объединившихся на основе общности интересов» [5]. В зависимости от тех интересов, которые лежат в основе объединения, ученые также выделяют политические партии, профсоюзные, молодежные, женские, религиозные организации, массовые движения, ассоциации, фонды, союзы и т.д. [5, с. 194].

В научной литературе термин «общественная организация» обычно определяет всю совокупность общественных институтов за исключением политических партий. Исследовательский интерес представляет определение общественных организаций как «инициативных, самостоятельных, самоуправляемых объединений граждан, деятельность которых направлена на решение общих проблем, защиту общих интересов, не связанных ни с завоеванием власти, ни с извлечением прибыли для обогащения их членов» [6].

Это определение позволяет отличать общественную организацию от политической партии, под которой в популярной литературе принято понимать «организованную (или не имеющую строгой организации) группу людей, объединенных задачей завоевания, удержания или использования государственной власти, выражающую интересы определенного класса, социальной, этнической группы, религиозной общины или иной человеческой общности» [7].

Заслуживают внимания представленные в научной литературе суждения о существовании таких групп и организаций, которые принадлежат одновременно и к общественной, и к политической сферам. Таковы, например, и группы политических интересов, и масштабные общественно-политические движения, в том числе профсоюзы, организации предпринимателей и др. Они имеют уставной целью влияние на структуры власти и их изменение, хотя при этом опираются на поддержку рядовых граждан для легитимации своих программ.

С одной стороны, они являются важными участниками политического процесса, осуществляют своеобразное посредничество между различными государственными структурами и населением. Не без их влияния происходит формирование государственных структур, осуществляется корректировка политического курса, формулируются направления политического развития.

Очевидно, однако, что эти общественные институты не имеют сугубо политического характера. Правильнее сказать, что в их функционировании переплетаются политические и неполитические задачи, творчески соединяется политика и общественная жизнь [8, с. 49–58].

Даже не ставя своей целью борьбу за власть, разнообразные общественные организации и движения стремятся и нередко становятся центрами влияния на принятие политических решений, давления на органы государственной власти.

Это возможно потому, что они на добровольной основе объединяют граждан по идейным установкам, национальным, возрастным, социально-экономическим, религиозным, профессиональным и другим интересам и выполняют функцию артикуляции общественных интересов.

В современной политической практике мы встречаем общественные организации, которые, не являясь политическими партиями, широко используют формы политического участия, и сфера их деятельности так или иначе пересекается с политической.

Такие организации создаются и действуют как в Республике Беларусь (РОО «Белая Русь», БРСМ, Движение за свободу и др.), так и в других странах: например, Общероссийский Народный фронт, Объединенное демократическое движение «Солидарность» (Российская Федерация); Независимый самоуправляемый профсоюз «Солидарность» (Польша). Это относительно самостоятельный вид общественных организаций.

В результате их деятельности, направленной на решение значимых для общества задач, образуются устойчивые многосторонние связи с различными социальными группами, что позволяет этим по существу общественно-политическим организациям формулировать актуальную повестку дня, выступать эффективным проводником идей, в том числе иных политических институтов (государства, политических партий, политических лидеров и т.п.).

Такие организации играют роль своеобразных *политических посредников (медиаторов) между формирующимся гражданским обществом и государством.*

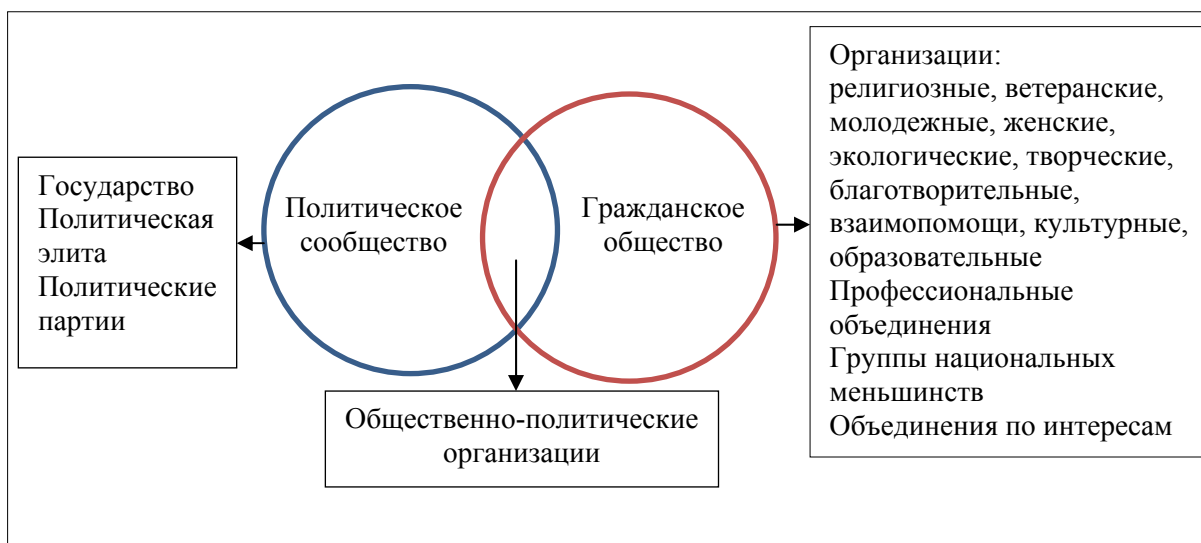
Раскрывая их природу, уместно указать на мнение А.Б. Гаджиалиева, считающего, что общественные объединения создаются «для совместного отстаивания и реализации общих интересов, осуществляют функцию посредничества между государством, призванным обеспечить всеобщий интерес и гражданским обществом, представляющим собой сочетание частных, групповых интересов, в процессах реформирования политического курса, в рамках которого индивидуальные, коллективные, групповые интересы интегрируются в единый общественный интерес» [9].

Очень близко к выявлению своеобразия именно общественно-политических объединений подходит А.С. Остапенко, указывая, что «общественные объединения как политико-правовой институт являются формой обеспечения баланса публичных, корпоративно-групповых, частных и других интересов на основе динамического взаимодействия с властными институтами» [10].

Представляется, что сегодня и в теории, и на практике в выработке дефиниции общественно-политического объединения можно пойти еще дальше и ввести в оборот новую категорию политической науки: «общественно-политическая организация».

Общественно-политической организацией называется группа людей, объединенных на добровольной основе, которая непосредственно не стремится к завоеванию власти, использует политические инструменты влияния на принятие властных решений для достижения общественных целей, лежащих в основе объединения.

Визуально сфера деятельности общественно-политических организаций представлена на рисунке.

Рисунок. – Сфера деятельности общественно-политических организаций

Политическое сообщество – это, по сути, политическая элита, внутри которой идет борьба за власть и посты в государстве, а также политические партии, по крайней мере, их руководство. Политическая борьба в обществе всегда представляет собой борьбу за государственную власть, за доступ к властным ресурсам, которыми обладает государство. Неудивительно, что государственная власть в политической системе выступает центром притяжения для других акторов, которые представлены, в том числе институтами гражданского общества.

Этот подход уточняется В.Ю. Черновым: «В политической сфере к структурным элементам гражданского общества относятся все добровольно сформировавшиеся самоуправляющиеся общности людей, выступающие своеобразным посредником между государством и гражданами. Они создаются для отстаивания интересов граждан перед органами власти или для расширения позиций тех или иных социальных групп в системе власти» [11].

Специфической характеристикой, отличающей общественно-политическую организацию от политической партии, будет являться отсутствие у нее таких политических целей, которые воплощаются в акцентированной борьбе за власть.

В отличие от политических партий, которые фокусируются на всех вопросах государственной политики, пытаясь изменить ее путем баллотирования и избрания на выборах (влияние изнутри), общественно-политические организации, как правило, сосредоточивают свое внимание на одном или нескольких конкретных вопросах государственной политики и пытаются изменить ее путем привлечения широкого внимания общественности (влияние извне).

Для достижения целей, лежащих в основе вхождения людей в общественно-политическую организацию могут быть использованы различные инструменты: целенаправленное формирование общественного мнения путем проведения кампаний в СМИ, финансирование, организация и проведение политических акций, митингов в целях воздействия на принятие государственными органами решений для поддержки своих кандидатов на выборах, взаимодействие с политическими партиями, выражающими сходные взгляды или предлагающими приемлемые пути решения базовых для организации задач.

В политической системе как «совокупности взаимодействий, которые выполняют функции интеграции и адаптации посредством применения или угрозы примене-

ния легитимного насилия» [12] общественно-политические организации представляют собой ее негосударственные субъекты, которые для обеспечения целостности и устойчивого ее демократического функционирования выполняют функции стимулирования политического участия, повышения политической культуры, создания дополнительных каналов для агрегирования и артикулирования интересов, рекрутирования и воспитания новых лидеров, совершенствования функционирования демократических институтов, расширения и обогащения каналов информации для граждан.

По мнению современных исследователей, в переходных обществах с неразвитой партийной системой именно общественно-политические организации составляют конкуренцию политическим партиям. Результатом стимулирования их деятельности со стороны государства и правительства является укрепление роли партий в политической системе общества с последующим сокращением числа непосредственно общественно-политических организаций [13].

Заклучение

В заключение следует отметить, что перманентная общественно-политическая работа, проводимая с широкими слоями населения как общественно-политическими организациями, так и политическими партиями оказывает важное влияние на уровень политической культуры и ответственности граждан и со временем может найти законодательное закрепление, например, в переходе Республики Беларусь от мажоритарной избирательной системы к пропорциональной или смешанной, от практики *назначения* к практике *выборности* руководителей органов местной исполнительной власти.

Таким образом, в обществах переходного типа, в которых недостаточно развита партийная система, выполнение ее функций могут брать на себя такие элементы политической системы, как общественно-политические организации – своеобразные политические посредники (медиаторы) между формирующимся гражданским обществом и государством.

Совершенствование и развитие политической системы Республики Беларусь является комплексным процессом, требующим научного обеспечения и понимания тенденций, происходящих в современном белорусском обществе, поскольку особенности и степень включенности негосударственных институтов в процессы выработки и принятия политических решений определяют перспективы дальнейшего структурирования политического поля страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об общественных объединениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 окт. 1994 г., № 3254-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.11.2013 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2013. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 10.03.2014.

2. О профессиональных союзах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 22 апр. 1992 г., № 1605-ХІІ // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2016. – Режим доступа: www.pravo.by. – Дата доступа: 14.02.2016.

3. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХІІ // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2016. – Режим доступа: www.pravo.by. – Дата доступа: 14.02.2016.

4. О политических партиях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 окт. 1994 г., № 3266-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.11.2013 г. // Национальный пра-

вовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2013. – Режим доступа: <http://pravo.by>. – Дата доступа: 10.03.2014.

5. Политология : учебник / под. общ. ред. С. В. Решетникова. – 6-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2010. – 528 с.

6. Модель, И. М. Власть и гражданское сообщество в России: от социального взаимодействия к социальному партнерству / И. М. Модель, Б. С. Модель // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. – 1998. – 155 с.

7. Политические партии Беларуси / М. Ф. Чудаков [и др.]. – Минск : Тесей, 2005. – 416 с.

8. Howard, M. M. The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe / M. M. Howard. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 191 p.

9. Гаджиалиев, А. Б. Политико-правовое представительство групп интересов во взаимодействии российской государственности и гражданского общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / А. Б. Гаджиалиев ; Ростов. юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д, 2008. – 28 с.

10. Остапенко, А. С. Общественные объединения в контексте «демократии участия»: диалог гражданского общества и государства / А. С. Остапенко // Право. Общество. Государство. – 2010. – № 8. – С. 3–5.

11. Чернов, В. Ю. Третий сектор в Беларуси: проблемы становления и развития / В. Ю. Чернов // Беларусь на пороге выбора. – Мозырь : Белый ветер, 2000. – С. 18–27.

12. Алмонд, Г. Гражданская культура. Политические установки и демократия пяти наций / Г. Алмонд // Антология мировой политической мысли : в 5 т. / ред.-сост.: Г. К. Ашин, Е. Г. Морозова. – М., 1997. – Т. 2 : Зарубежная политическая мысль. XX век. – С. 592–610.

13. Bloodgood, E. A. Political Parties and Non-governmental Organizations in OECD and Beyond / E. A. Bloodgood. – Montreal : Concordia University Press, 2014. – 26 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.03.2017

Shendik T.A. Socio-Political Organizations as Political Mediators between the State and the Civil Society

The article analyzes the main approaches to the definition of non-state actors of the political system of society. It is determined that a new element of the political system in transitional societies is socio-political organizations which are used as peculiar political mediators between civil society and the state. The activity of such organizations influences the development of the political system of society, the formation of the party system, the improvement of public administration. Scientific understanding of the essential characteristics of such organizations is associated with the development and refinement of the corresponding categorical conceptual apparatus. The author gives a definition of the category of political science «socio-political organization» and finds out the role and position of socio-political organizations in the political system of society.

УДК 323.21

А.И. Лысюк¹, М.Г. Соколовская²

¹д-р полит. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
²ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: ailysiuk@list.ru; llogos@list.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЕЛОСИПЕДНОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОРОДЕ БРЕСТЕ И БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье с помощью социологического инструментария дается анализ состояния и перспектив велосипедного движения в г. Бресте и Брестской области. Изучается формат взаимоотношений между велосипедистами, пешеходами и водителями автомобилей и определяются пути установления между ними конструктивных отношений. Указывается на принципиальную значимость органов государственной власти в решении проблем велосипедистов, выделяются наиболее оптимальные в этом отношении возможные ее решения и действия. Определяются формы и способы участия структур гражданского общества в решении этой группы проблем. Анализируется потенциал развития велосипедного туризма в регионе и критически оценивается состояние туристической велосипедной инфраструктуры, особенно количества и качества велосипедных дорожек. Существенную практическую ценность имеет определение совокупности конкретных предложений местных жителей по развитию велосипедного движения и велотуризма в регионе.

Введение

Очевидно, что при всей значимости качества инфраструктуры велосипедное движение обладает своим еще более важным измерением – человеческим и институциональным, – которое представлено совокупностью социальных коммуникаций, осуществляемым между всеми вовлеченными в него сторонами: самими велосипедистами, пешеходами, водителями, общественными и бизнес-организациями, органами государственной власти и др. В этих обстоятельствах важное значение имеют результаты социологического исследования, нацеленные на изучение широкого спектра ориентаций жителей г. Бреста относительно социальных взаимодействий между и внутри местных сообществ по вопросам организации велосипедного движения, что важно для последующей его корректировки, в первую очередь посредством принятия соответствующих государственных решений.

По случайной выборке социологами Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина были опрошены 350 человек (ошибка репрезентативности не превышает 5%), проживающих в городе и представляющих основные демографические группы. Учитывая, что использование велосипеда требует определенной физической готовности, мы ограничили группу респондентов возрастом до 60 лет. Исследование было проведено в сентябре–октябре 2016 г. Подобное исследование в Республике Беларусь осуществлено впервые.

Велосипедисты, пешеходы и водители: зона контрадикции?

Использование велосипедов – это не только индивидуальный выбор в пользу передвижения по дорогам на велосипедах и состояние велосипедной инфраструктуры. Оно имеет еще и личностно-коммуникативное измерение, проявляемое, в частности, в том, как же относятся к велосипедистам их партнеры на транспортных артериях – автомобилисты и пешеходы. Действительно, в постсоветскую эпоху Беларусь преврати-

лась в автомобильную страну, когда для почти трети проживающих в ней семей личный автомобиль перестал быть роскошью и превратился в банальное средство передвижения. В этой ситуации неизбежными стали «пересечения» на дорогах, зачастую контroversийные, велосипедистов и водителей автомобилей. Как же его оценивают жители Бреста?

Обращает на себя внимание тот социологический факт, что значительная часть из них (40,6 %) указывают на то, что корень «дорожной» проблемы – это не столько культура вождения, демонстрируемая водителями автомобилей и/или велосипедистами, сколько наличие или отсутствие велодорожек. При этом предполагается, что их существование сразу же снимет остроту отношений между участниками дорожного движения. Достаточно небольшая часть респондентов (10,0 %) отметила толерантность и корректность поведения представителей обеих «транспортных» групп, будучи уверенными, что водители автомобилей и велосипедисты проявляют по отношению друг к другу уважение и поддержку. 14,0 % горожан убеждены в наличии равной и обоюдной степени их вины за конфликты на дорогах, утверждая, что водители и велосипедисты не проявляют по отношению друг к другу должного уважения.

Если же попытаться в этой ситуации проранжировать степень вины за конфликты на транспортных магистралях соответственно водителей авто и велосипедистов, то некоторое сомнительное лидерство, с точки зрения респондентов, обнаруживаем за первыми: 17,7 % опрошенных полагают, что велосипедисты создают проблемы для водителей автомобилей, нарушая правила и создавая аварийные ситуации, в то время как несколько меньшее число респондентов (12,8 %) думают, что, наоборот, это автомобилисты ведут себя некорректно и грубо по отношению к велосипедистам. Небольшая часть местных жителей (2,0 %) отмечают, что все зависит от конкретной ситуации и вовлеченных в нее людей и что важной проблемой в этом контексте является отсутствие формальных и неформальных правил подобного взаимодействия (таблица 1).

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили взаимодействие на наших улицах водителей автомобилей и велосипедистов?», %

Все зависит от наличия или отсутствия на дороге велосипедных дорожек	40,6
Велосипедисты создают проблемы для водителей автомобилей, нарушая правила и создавая аварийные ситуации	17,7
Водители автомобилей и велосипедисты не проявляют по отношению друг к другу никакого уважения	14,0
Автомобилисты ведут себя некорректно и грубо по отношению к велосипедистам	12,8
Водители автомобилей и велосипедисты проявляют по отношению друг к другу уважение и поддержку	10,0
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	2,8

Нашему анализу были также подвергнуты отношения велосипедистов и пешеходов, которые все чаще вынуждены непосредственно «соприкасаться», поскольку очевидно, что при дефиците пешеходных дорожек велосипедисты не могут не передвигаться по тротуарам.

Результаты социологического исследования свидетельствуют, что гармоничные взаимоотношения между обеими этими группами еще не установлены, тем более при отсутствии как четко выработанных и присвоенных его участниками алгоритмов поведения «на дорогах», так и традиции подобного взаимодействия. В этих условиях

на первый план выходит поведенческая культура отдельного человека. По этой причине 40,3 % опрошенных заявляют, что при «пересечении» путей велосипедиста и пешехода реакция на кризисную ситуацию зависит от конкретного человека. Около четверти опрошенных (25,7 %) смотрят на велосипедистов равнодушно, воспринимая их как нечто естественное и неизбежное. Определенная часть пешеходов, с точки зрения 21,4 % брестчан, изначально с раздражением воспринимают велосипедистов, видя в них безусловную помеху своему движению. Совсем небольшая часть опрошенных (5,7 %) позитивно, с симпатией относится к велосипедистам, а 4,3 % воспринимает их даже с удивлением (таблица 2). Думается, что улучшение отношений между ними напрямую связано с преодолением велосипедистами агрессивного стиля езды и с пока еще слабо осознанным представлением пешеходов о том, что тротуары – это также и зона передвижения на велосипедах.

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос «Как, по Вашим представлениям, пешеходы относятся к велосипедистам?», %

Все зависит от человека	40,3
Равнодушно	25,7
С раздражением	21,4
С симпатией	5,7
С удивлением	4,3
Другое	2,6

Велосипедисты и местная власть

Естественным образом в «белорусских обстоятельствах» принципиальное значение для развития велосипедного движения имеет отношение к нему государства, в особенности местных администраций. Очевидно, что при всей значимости социальных инициатив и позиции общественности ресурсная база по обустройству велосипедной инфраструктуры находится в руках региональных органов государственной власти, которые существенным образом формируют материальные, институциональные и информационные условия велодвижения в городе. Поэтому если местные власти относятся к велосипедистам и их интересам дружелюбно, то неизбежна позитивная динамика в развитии этого социального сегмента.

Социологическое исследование показывает, что горожане в целом позитивно оценивают усилия местных властей по организации велосипедного движения. Только 7,4 % брестчан думают, что «власть ничего не делает и не хочет делать для велосипедистов». Еще меньше (3,7 %) тех людей, которые убеждены, что «власть делает все необходимое для велосипедистов». Около половины же респондентов высказывают уверенность, что региональная власть обладает по отношению к интересам велосипедистов самыми благими намерениями, но у нее ограничены возможности для оптимального их удовлетворения. Так, 31,1 % брестчан полагают, что «власть хотела бы сделать больше, но ей не хватает ресурсов». Еще 15,7 % местных жителей придерживаются мнения, что при всей своей позитивной направленности, «власти не хватает компетентности в поддержке велосипедистов».

Одновременно брестчане предлагают и некоторые другие варианты решения велопроблем. К примеру, 25,7 % из них настаивают на том, чтобы власть больше прислушивалась к голосу велосипедистов. Небольшая часть опрошенных (2,0 %) убеждены, что власти должны более активно для решения проблем велосипедистов привлекать бизнес, чтобы устраивать велофестивали, велопроезды, велоконкурсы и т.п. (таблица 3).

Таблица 3. – Оценка усилий местных властей по развитию велосипедного движения в г. Бресте, %

Власть хотела бы сделать больше, но ей не хватает ресурсов	31,1
Власть должна больше прислушиваться к голосу велосипедистов	25,7
Власти не хватает компетентности в поддержке велосипедистов	15,7
Власть ничего не делает и не хочет делать для велосипедистов	5,7
Власть делает все необходимое для велосипедистов	3,7
Другое	2,0
Затрудняюсь ответить	14,3

При ответе на открытый вопрос, «Что должны сделать власти для того, чтобы как можно у большего числа брестчан возникло желание передвигаться по городу и области на велосипедах?», жители Бреста высказали и другие конкретные предложения-пожелания по развитию велосипедного движения и велотуризма в городе. Так, 77,0% горожан заявили о том, что для этого хорошо бы построить как можно большее число велодорожек, что, безусловно, находится в компетенции органов государственной власти. 34,4% высказались за то, чтобы был ликвидирован очевидный дефицит стоянок для велосипедов. Действительно, усилий компании «Velcom» в этом направлении совершенно недостаточно – необходимо привлекать и бюджетные ресурсы. 21,8% проявили озабоченность состоянием велосипедных дорожек. В большинстве случаев речь идет об оборудовании их светофорами и специальными пандусами при пересечении дорог и тротуаров, что также является зоной «государственного влияния». 15,6% предлагают для развития велосипедного движения использовать специальные акции в формате социальной рекламы.

Небольшая часть опрошенных рекомендует местной власти использовать такие достаточно экзотические действия, как:

- 1) введение дополнительных налогов на владельцев автомобилей с целью побудить их сделать выбор в пользу велосипеда и ограничить их транспортную мобильность;
- 2) регулярно проводить для велосипедистов конкурсы, фестивали, велопробеги и даже «Дни велосипедиста»;
- 3) повысить цены на бензин;
- 4) запретить въезд в центр города на личном автомобиле;
- 5) снизить цены на велосипеды;
- 6) в качестве примера для подражания пересадить госслужащих с автомобилей на велосипеды;
- 7) разработать для велосипедистов туристические интернет-маршруты и др.

Некоторые брестчане призывают спокойно относиться к этому процессу, рассматривая велосипедное движение как зону спонтанности и свободы, где в режиме саморегуляции и самоорганизации с течением времени все проблемные зоны будут самопроизвольно преодолены.

Социальная активность в контексте велосипедного движения

Очевидно, что существенным образом развитие велосипедного движения в городе зависит от позиции и активности местных сообществ, самих велосипедистов, от их готовности лоббировать и отстаивать собственные интересы. Готовы ли они это делать? А если готовы, то каким образом?

Социологическое исследование свидетельствует, что потенциально способны проявить себя на этом поприще явное меньшинство горожан (34,6%), что достаточно логично для общества с высоким уровнем государственного патернализма и слабым развитием структур гражданского общества. Около половины опрошенных (48,0%) за-

труднились ответить, что тоже не вызывает удивления по выше обозначенной причине. 16,4 % респондентов заявили даже о своем нежелании участвовать в защите интересов велосипедистов (таблица 4).

Таблица 4. – Распределение ответов на вопрос «Должны ли велосипедисты публично отстаивать свои интересы?», %

Да	34,6
Нет	16,4
Затрудняюсь ответить	48,0

Каким же видится респондентам возможный процесс защиты собственных интересов велосипедистами?

В первую очередь, обращает на себя внимание то, что их значительная часть (20,3%) вообще не имеет никакого представления о том, как же это можно осуществить на практике. Среди же названных способов представительства интересов данной социальной группы лидирует (в представлении 31,7 % опрошенных) проведение информационных кампаний в СМИ, чтобы, с одной стороны, заострить внимание властей на нерешенных проблемах, а с другой – привлечь новых велоадептов в свой круг. Около четверти горожан (24,3 %) выступают сторонниками использования для защиты интересов велосипедистов весьма популярный в настоящее время формат общественных советов при государственных и общественных структурах. Предлагается создать такой совет при горисполкоме, что достаточно продуктивно, учитывая, что именно в этом органе государственной власти сосредоточен центр принятия решений по развитию велосипедной инфраструктуры.

Европейская практика представительства интересов отдельных социальных групп создала такой важный инструмент как общественная организация. 16,6 % брестчан уверены, что именно этот формат является на местном уровне наиболее эффективным для продвижения интересов велосипедистов. Мировой опыт указывает еще на один канал лоббирования интересов – через избранных депутатов, чаще всего местных представительных органов власти. Среди опрошенных насчитывается 5,4 %, предлагающих «использовать» депутатов в интересах велосипедистов (таблица 5).

Таблица 5. – Возможность отстаивания своих интересов велосипедистами Бреста, %

Проведение информационных кампаний в СМИ	31,7
Создание общественного совета по развитию велосипедного движения при горисполкоме	24,3
Создание собственной общественной организации	16,6
Поддержка на выборах кандидатов в депутаты, отстаивающих интересы велосипедистов	5,4
Другое	1,4
Затрудняюсь ответить	20,3

О потенциале велотуризма в регионе

Результаты социологического опроса показывают, что велосипед достаточно часто используется для решения сугубо прагматических вопросов, связанных с передвижением по городу (на работу, учебу, в церковь, магазин и т.п.). Вместе с тем если осмысливать мировые тренды, то нельзя не увидеть, что велосипед является наиболее популярным и часто используемым средством для передвижения по «зеленым» туристическим маршрутам. Так, по результатам социологического исследования клиентов агроусадеб Брестской области (2011 г.) выяснилось, что при продвижении по «зеленым

маршрутам» 66,7 % из них предпочитают велосипед, в то время как пеший ход – 33,4 %, байдарки – 22,2 %, а 10,0 % выбирают лошадей [1, с. 85]. Поэтому, оценивая потенциал использования велосипедов в городе и окрестностях, важно знать, насколько велосипедное движение сфокусировано на проблематике туризма.

Результаты данного исследования показывают, что меньшая часть обладателей велосипедов (37,4 %) стремится в своей жизни соединить туризм и велосипед (таблица 6). Однако, констатируя этот социологический факт, мы отмечаем и огромный потенциал развития велосипедного движения в регионе, учитывая, что, с одной стороны, недалеко от города, в зоне досягаемости велосипеда находится значительное число природных достопримечательностей, интересных для массовой публики, а с другой то, что с каждым годом в регионе все больше разрабатывается и маркируется «зеленых маршрутов», ориентированных на велосипедистов. Добавим еще, что вокруг Бреста уже создана широкая сеть агроусадеб, готовых принимать эту категорию туристов (велосипедистов).

Таблица 6. – Распределение ответов на вопрос «Используете ли Вы велосипед в туристических целях?», %

Да	37,4
Нет	62,6

Как же оценивают сами велосипедисты качество туристической инфраструктуры?

Главная проблема в восприятии большинства из них (63,4 %), – это слабая информированность о веломаршрутах. 16,0 % горожан полагают, что веломаршрутов, несмотря на все усилия властей и местных сообществ, на территории области совсем немного, с чем нельзя не согласиться. Пользователи веломаршрутов указывают и на неразвитость туристической инфраструктуры: 10,7 % из них отмечают то, что «по этим маршрутам опасно передвигаться», что они проложены как правило через существующие транспортные артерии и слабо промаркированы, а это создает потенциальные угрозы для их пользователей. 5,4 % респондентов отмечают, что «такие маршруты существуют в достаточном количестве, но они плохо обустроены» (таблица 7).

Таблица 7. – Оценка состояния туристических веломаршрутов Брестской области, %

Люди слишком плохо информированы о туристических веломаршрутах	63,4
Веломаршрутов очень мало	16,0
По этим маршрутам опасно передвигаться	10,7
Такие маршруты существуют в достаточном количестве, но они плохо обустроены	5,4
Другое	3,5

Перспективы развития велосипедного движения в городе

Каковы перспективы велосипедного движения в регионе с точки зрения жителей города Бреста? В представлении большей части опрошенных – самые благоприятные. При этом 54,9 % респондентов рационально и прагматично подходят к этому вопросу, непосредственно связывая развитие велодвижения с параллельным, а то и опережающим развитием велосипедной инфраструктуры. 22,6 % опрошенных верят в «светлое будущее» велодвижения в городе, глядя на общеевропейские тренды, которые свидетельствуют о неумолимой поступательности этого движения в Европе и мире. Совсем небольшое число горожан (11,7 %), преимущественно зрелого возраста, скептически смотрят на перспективы велосипедного движения. Достаточно много опрошенных

брестчан (9,4 %) затруднились оценить перспективы велосипедного движения в городе (таблица 8).

Таблица 8. – Оценка перспектив велосипедного движения в Бресте, %

Все зависит от того, насколько будет улучшаться велосипедная инфраструктура	54,9
Как в Европе: с каждым годом все больше людей будут передвигаться на велосипедах	22,6
На велосипедах будут передвигаться только немногие	8,0
Велосипедное движение будет затухать (угасать)	3,7
Другое	1,4
Затрудняюсь ответить	9,4

Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, респонденты достаточно высоко оцениваю деятельность местных органов государственной власти по созданию велосипедной инфраструктуры.

Во-вторых, учитывая особенности политической системы Республики Беларусь и слабость структур гражданского общества, около трети велосипедистов, тем не менее, ориентированы на процессы самоорганизации по защите собственных ценностей и интересов. В организационном плане привлекательной для них видится формат создания профильного Общественного совета при горисполкоме.

В-третьих, принципиальное значение приобретает улучшение коммуникаций между соответственно велосипедистами и водителями, велосипедистами и пешеходами, для чего необходимо провести масштабные рекламные кампании по утверждению своеобразного кодекса поведения на дорогах.

В-четвертых, хорошие перспективы просматриваются для развития велотуризма в регионе. Однако для этого целесообразно не столько проложить и промаркировать «зеленые» веломаршруты, сколько провести соответствующие рекламные кампании по их продвижению на рынки.

В-пятых, подавляющее число опрошенных (около трех четвертей) обладают позитивным видением перспектив развития велодвижения в регионе.

В-шестых, существенную практическую ценность имеет совокупность конкретных предложений местных жителей по развитию велосипедного движения и велотуризма в регионе, выявленных в ходе социологического исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трансграничный экологический туризм: состояние и перспективы развития в приграничье Беларуси и Польши / Г. М. Грибов [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2012. – 104 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.05.2017

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Perspectives of Development of Bicycle Movement in Brest and Brest Region: Sociological Analysis

In the article, using the sociological instruments, the analysis of state and perspectives of bicycle movement in Brest and Brest region is given. The format of relationship between bicyclists, pedestrians and car drivers, the ways of building constructive relations between them re defined. The importance of organs of state authority in solving bicyclists' problems, as well as the optimal solutions and activities is highlighted. The forms and the ways of participation of the structures of civil society in solving such problems are defined. The potential of bicycle tourism development in the region; given is a critical evaluation of the state of tourist bicycle infrastructure and particularly – the quantity and quality of bicycle roads is analyzed. Practically important are the specific propositions of local citizens concerning the development of bicycle movement and tourism in the region.

УДК 159.923.33 : 001.81.3

Н.В. Цыбульская

канд. социол. наук, доц., доц. каф. экономической социологии
Белорусского государственного экономического университета
e-mail: n-tsybulskaya@yandex.by

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассмотрены виды и особенности проявления социальной активности применительно к образу жизни студентов как особой социальной группы, проанализированы результаты социологического исследования социальной активности студентов Белорусского государственного экономического университета. Подчеркнуто значение учебных социологических исследований для совершенствования преподавания социологии в высших учебных заведениях, для формирования у будущих специалистов «социологического» взгляда на социальную действительность.

Введение

Социальная активность как характеристика личности – это совокупность форм человеческой деятельности, сознательно ориентированной на решение задач, стоящих перед обществом, социальной группой, отдельной личностью. Социальная активность связана с превращением личного и общественного интереса в фактор действия, с активным познанием, с целеполаганием и преобразованием действительности и коренным образом обусловлена деятельной природой человека.

Изучение феномена социальной активности молодежи получило развитие во многих научных направлениях, что привело к многообразию подходов его понимания. Так, С.А. Потапова трактует социальную активность как социально-психологическую, ценностную, профессиональную установку субъекта, реализуемую в его деятельности [1, с. 36]. По нашему мнению, социальную активность молодежи можно рассматривать как реализованную в различных социальных практиках степень деятельного участия молодых людей в жизни социума.

Положение молодежи в современном обществе является противоречивым. С одной стороны, в силу своего возраста молодые люди не имеют собственного устойчивого социального статуса, ограничены в доступе к экономическим, социальным и культурным благам, часто находятся в материальной зависимости от представителей старшего поколения, а в культурном и психологическом плане ориентированы на коммуникативные контакты и взаимодействие со сверстниками. С другой стороны, молодежь выполняет особую роль в обществе, определяемую тем, что по мере становления и развития в качестве субъекта социальных отношений именно молодежь обеспечивает воспроизводство населения, общественного производства и общественной жизни, способствует сохранению и преемственности истории и культуры страны. Благодаря своей восприимчивости к инновациям, молодежь участвует в позитивных социальных преобразованиях, а затем передает свой обновленный опыт последующим поколениям.

Цель статьи – выявление значимости учебных социологических исследований социальной активности студенческой молодежи в процессе преподавания социологии в учреждениях высшего образования.

Реализация цели может осуществляться в выполнении следующих задач:

- 1) определение специфики социальной активности студенческой молодежи;
- 2) описание процесса и результатов учебных социологических исследований, предметом которых явилась социальная активность студентов БГЭУ;

3) обоснование значимости преподавания социологических дисциплин в учреждениях высшего образования как фактора формирования и повышения уровня социальной активности студентов.

Наиболее образованной частью молодежи, предназначенной в будущем для выполнения высококвалифицированного труда, пополнения профессиональных групп интеллигенции и культурных слоев общества, являются студенты вузов. Это свидетельствует об огромной значимости потенциала студенческой молодежи и ее социальной активности для дальнейшего развития белорусского общества.

Молодежь приходит в вузы, пройдя этап первичной социализации, уже имея определенные ценности, предпочтения и представления о социальной жизни. Вместе с тем в период студенчества молодые люди более глубоко познают мир, в том числе и социальный, вступают в новые социальные взаимодействия, приобретают знания, умения и навыки для последующей трудовой деятельности. На этом уровне обучения у студенческой молодежи вырабатываются профессиональные установки, происходит переосмысление прошлого социального опыта, а процесс формирования социальной активности имеет свои особенности, обусловленные ориентированностью на будущую социально-профессиональную деятельность.

Основными социальными признаками представителей студенческой молодежи являются, во-первых, принадлежность к определенной возрастной группе, во-вторых, отсутствие у значительной части молодежи стабильного социального статуса в обществе: молодежь характеризуется при этом либо своим прошлым социальным статусом (социальным положением родителей), либо будущим статусом, связанным с получением образования по выбранной специальности.

Специфические особенности представителей студенческой молодежи заключаются также в ее социально-психологических свойствах, культурных особенностях, воспитании и др. Характерной чертой студенчества является то, что эта часть молодежи находится на стадии формирования жизненных ориентаций, интересов, поиска жизненных ориентиров, овладения множеством новых социальных ролей. В связи с этим студенческая молодежь является одной из наиболее социально активных групп населения.

Из существенной значимости роли студенческой молодежи в социальной жизни следует важность ее социальной активности, так как только осуществляя самостоятельную, сознательную деятельность, обусловленную собственными потребностями, молодые люди смогут достичь высокого профессионального и культурного уровня, успешно решать стоящие перед обществом задачи и обеспечить дальнейшее сохранение и эффективное развитие социума.

Социальная активность студентов обусловлена наличием у них собственной позиции по отношению к различным событиям жизни общества, стремлением участвовать в социально-экономических и политических процессах, которые воплощаются в социально полезной и социально значимой деятельности и предполагают различные формы коллективной самоорганизации.

Обращение к проблеме социальной активности студенческой молодежи способствует изучению молодежи как социальной общности, исследованию особенностей ее социальной адаптации, процесса социальной преемственности и наследования молодежью знаний и опыта от старших поколений, особенностей формирования ее жизненных планов и ценностных ориентаций, в т.ч. профессиональных.

Формирование социальной активности у будущих специалистов социально-экономической сферы общества является одной из важных задач подготовки квалифицированных кадров в высшей школе. Обусловлено это тем, что после окончания вуза выпускники будут осуществлять научное, техническое, организационное обслуживание

производства, управление трудовыми коллективами, решать различные социально-экономические проблемы.

Социальная активность студентов проявляется в их отношении к приобретению новых специальных и общегуманитарных знаний, в характере общения с другими студентами и преподавателями, в их участии в общественно-политической жизни учебного заведения, города, страны, в отношении к культуре в целом и к проведению своего свободного времени. Выделяются различные виды социальной активности: трудовая, общественно-политическая, культурная, образовательная (учебная) и некоторые другие. Всем видам социальной активности присущи общие черты:

- обусловленность объективными материальными условиями жизни общества, общественными потребностями и интересами;
- предметная направленность, т.е. реализация в тех или иных областях общественной жизни;
- творческий, созидательный подход к деятельности, характеризующийся стремлением людей внести личный вклад в ход того или иного общественного процесса, в развитие общественной жизни;
- наличие определенного объективного потенциала (мотивы, цели, сознание долга, заинтересованность в успехе общего дела и т.п.);
- объективация субъективной стороны в инициативных, творческих действиях, имеющих положительную общественную значимость.

Вместе с тем каждая форма социальной активности имеет свою специфику, связанную с конкретным видом общественных отношений.

Трудовая активность – это реализация интеллектуального и физического потенциала людей в процессе трудовой деятельности. Содержание понятия «трудовая активность» охватывает собственно трудовую деятельность, характеризующуюся качеством и количеством выполненной работы, а также такие ее аспекты, как дисциплинированность участников трудового процесса, характер трудовой активности – творческий или нетворческий. Творческая активность – это деятельность, направленная на решение нестандартных задач, способствующая повышению качественных и количественных результатов труда.

Образовательная активность – это включенность индивида или группы в образовательный процесс.

Общественно-политическая активность включает в себя такие понятия, как политическая, социально-правовая и гражданская активность. Политическая активность – форма социальной активности, реализуемая в сфере политической деятельности. Социально-правовая активность выражается в правомерной деятельности граждан, связанной с их участием в решении государственных и общественных дел, в обеспечении правопорядка. Гражданская активность – деятельность индивидов и социальных групп, направленная на изменение и развитие гражданского общества.

В ходе преподавания автором учебного курса «Социология» в Белорусском государственном экономическом университете (БГЭУ) тема социальной активности студенческой молодежи предлагалась студентам в качестве предмета учебного социологического исследования, в результате чего были проведены пробные описательные учебные социологические исследования социальной активности студентов БГЭУ. Студенты смогли самостоятельно реализовать все этапы социологического исследования: от написания программы до обработки и анализа полученных эмпирических данных. Следует отметить, что предложенная тема социологического исследования вызвала живую заинтересованность студентов в ее изучении. Кроме того, члены учебных исследовательских групп, обрабатывая и анализируя полученные первичные данные, смогли вы-

ступить в некоторой степени в качестве экспертов, так как предмет исследования был тесно связан с их социальным статусом и образом жизни.

Предметом учебного социологического исследования стала социальная активность студентов БГЭУ (трудовая, образовательная, культурная, общественно-гражданская). Объектом исследования выступили студенты II и III курсов нескольких факультетов БГЭУ. Цели исследования были сформулированы следующие:

- 1) получить оперативную информацию о социальной активности студентов БГЭУ;
- 2) проверить надежность, достоверность, правильность составленного инструментария (в исследовании использовался метод анкетного опроса);
- 3) получить информацию о различных видах социальной активности опрошенных студентов БГЭУ.

Были сформулированы основные задачи социологического исследования:

- 1) выявить степень проявления разных видов социальной активности студентов;
- 2) определить формы и виды социальной активности, наиболее характерные для студентов БГЭУ;
- 3) провести сравнительный анализ социальной активности студентов в зависимости от пола, курса обучения, места проживания до поступления в вуз, формы обучения (платная или бесплатная).

В ходе исследования были проанкетированы пять групп (125 респондентов) II курса факультетов банковского дела (ФФБД), учетно-экономического (УЭФ), международных отношений (МЭО), маркетинга (ФМК), менеджмента (ФМ). На III курсе были опрошены по тому же инструментарию 93 студента факультетов УЭФ, ФФБД, МЭО, ФМ. Работали две исследовательские группы: студенты II курса факультета финансов и банковского дела и студенты III курса учетно-экономического факультета.

В ходе изучения социальной активности студентов в сфере культуры (занятия физической культурой и спортом, увлечения, проведение свободного времени) были выдвинуты следующие гипотезы:

- 1) большинство студентов занимаются физической культурой и спортом;
- 2) студенты проводят свободное время активно.

Физической культурой не занимаются лишь 2 % респондентов-второкурсников, 6 % опрошенных занимаются спортом самостоятельно. Остальные занимаются физкультурой на учебных занятиях, в спортивных секциях БГЭУ, в других спортивных учреждениях. Следует отметить, что такая высокая активность второкурсников в сфере занятий физкультурой, вероятнее всего, обусловлена тем, что этот вид занятий входит в учебный план студентов I и II курсов. На вопрос же о занятиях физкультурой и спортом на III курсе 28 % респондентов ответили, что не занимаются спортом вообще (12 % юношей и 34 % девушек), 23 % занимаются самостоятельно (35 % юношей, 18 % девушек), 32 % занимаются в спортивных секциях, а 17 % – на занятиях в университете.

Что касается проведения свободного времени и увлечений студентов-второкурсников, то 22 % из них увлекаются музыкой, 17 % студентов посещают различные курсы (в том числе курсы иностранных языков – 23 %). Среди иных увлечений второкурсников можно отметить проведение времени за компьютером – 17 %, игра в футбол – 8 %, чтение книг – 8 %, занятия йогой – 8 %, занятия спортом – 12,5 %, занятия фотографией, изготовление и ремонт механизмов – 8 %. Однако свободное время лишь 6 % студентов полностью посвящают своему хобби. Другие предпочитают проводить свое время в компании друзей (33 %), за компьютером (15 %), ходить в кинотеатры (16 %), отдыхать в ночных клубах, на дискотеках (14 %). Наименее популярными видами отдыха являются просмотр телепередач и чтение книг.

Исследование позволило не только выявить предпочтения студентов во внеучебной активности, но и определить, насколько они активны в сфере культуры и спор-

та. Так, наиболее популярно среди студентов посещение кинотеатров (78 % студентов на вопрос о частоте посещения кинотеатров отметили варианты «часто» и «иногда»). Следующие позиции занимают ночные клубы, дискотеки, а также театры и концерты (по 48 %). Спортивные мероприятия тоже входят в список привлекательных мест отдыха (38 %). В то же время 2 % опрошенных никогда не посещали кинотеатров, а 25 % – выставок и музеев.

Из студентов-третьекурсников музыкой увлекаются 38 %, спортом и чтением – по 4 %, посещают различные студии 9 %, посещают курсы и клубы – 15 %. Своему хобби свободное время отдают 38 % студентов-третьекурсников, 84 % проводят свободное время с друзьями, 33 % – у компьютера, по 29 % – на дискотеках, в клубах и кино, в театрах, на концертах, 19 % смотрят ТВ, а 18 % в свободное время читают.

Студенты любят посещать кинотеатры, на втором месте – ночные клубы, на третьем – театры и спорт, затем художественные выставки.

Таким образом, в результате анализа полученной первичной информации был сделан вывод, что студенты проводят свое свободное время активно, однако эта активность является более развлекательной, рекреационной, чем проявлением стремления расширить свой кругозор, получить новый опыт и новые впечатления в самопознании и саморазвитии.

Следует отметить, что полученные в учебном исследовании результаты соотносимы с результатами исследования социальной активности студентов в Российской Федерации. В частности, исследования подтвердили традиционность сфер молодежных интересов. К ним по-прежнему относятся музыка (50,5 % респондентов интересуются музыкальными событиями), путешествия (39,8 %), спорт (37,7 %), творчество (20,6 %) [2].

Трудовая активность студентов исследовалась с целью выявления:

- 1) работающих студентов;
- 2) тех, кто не работает, но хотел бы работать;
- 3) тех, кто не работает и не планирует работать во время обучения в вузе.

Было установлено, что в студенческой среде преобладают те, кто не работает, но хотел бы устроиться на работу (48 %). На втором месте оказались неработающие студенты (33 %), а меньше всего тех, кто совмещает работу с учебой (19 %). Среди работающих студентов преобладают юноши: 38 % против 12 % девушек. Подтвердилась гипотеза о том, что студенты платной формы обучения проявляют более высокую трудовую активность, чем студенты бюджетной формы обучения: совмещают учебу с работой 24 % студентов, оплачивающих учебу, и только 14 % студентов бюджетной формы обучения.

Если рассматривать совмещение работы и учебы студентов в разрезе факультетов, то можно сделать вывод, что наиболее высокая трудовая активность наблюдалась у студентов УЭФ (33 %), за ними следовали студенты МЭО и ФМ (по 28 % работающих), а самая низкая трудовая активность была у студентов ФФБД (11 %).

Исследование показало, что чаще всего совмещают работу с учебой студенты, которые до поступления жили в столице (30 %). Среди тех студентов, кто до поступления проживал в сельском населенном пункте, в областном центре, в районном центре, трудовую активность проявляют соответственно 17, 15 и 14 % респондентов. Можно сделать вывод, что студенты-минчане лучше ориентируются на столичном рынке труда.

Не подтвердилась гипотеза учебного исследования о том, что работающие студенты часто пропускают учебные занятия. Исследование показало, что преобладающее большинство работающих студентов (79 %) не пропускают занятия из-за занятости на работе, 14 % студентов пропускают занятия иногда, редко пропускают занятия 5 % респондентов, а часто не ходят на занятия всего 2 % работающих студентов.

Третьекурсники проявляют более низкую трудовую активность, чем студенты второго курса: 19 % и 26 % соответственно. Юноши более активны в совмещении работы с учебой, чем девушки.

Студенты проявляют трудовую активность в самых различных сферах деятельности, и приоритеты выделить не представилось возможным: это работа в офисе, в области маркетинга и рекламы, работа курьерами, агентами, распространителями, в охране, в строительстве, в торговле и т.д.

Образовательная активность студентов изучалась при помощи таких индикаторов, как частота посещения учебных занятий, уровень и качество подготовки к практическим занятиям (в частности, выявлялись источники, по которым студенты готовятся к семинарским занятиям), участие в научной студенческой работе.

В целом гипотеза о том, что посещаемость учебных занятий у студентов III курса ниже, чем у студентов II курса, подтвердилась. Об этом свидетельствуют следующие данные: 30,1 % студентов-третьекурсников посещают практически все занятия против 40 % второкурсников. Присутствие студентов II и III курса только на тех занятиях, где проверяют посещаемость, примерно одинакова. Ответственность у студентов II курса при подготовке к семинарам несколько выше, чем у студентов III курса (готовятся к каждому семинару 7 % второкурсников против 1,1 % студентов III курса). Однако стараются хоть что-нибудь почитать к семинару по теме 51,6 % третьекурсников, что превышает такой же показатель у II курса (47 %).

Студенты III курса проявляют существенно большую активность в студенческой научной работе (научные и поточные конференции), чем студенты II курса (42 против 13 %). Но у второкурсников проявляется большое стремление участвовать в них в будущем (34 %). Наиболее активны в научной жизни студенты факультетов МЭО и банковского дела (38,5 и 34,6 % соответственно).

Общественно-политическая активность студентов БГЭУ исследовалась по следующим основным направлениям: членство в общественных организациях БГЭУ; членство в общественных объединениях вне университета; степень интереса к событиям, происходящим в стране и в мире; источники получения общественно-политической информации; участие в выборах в органы власти; самооценка общественно-политической активности; участие в общественных мероприятиях.

Исследование показало, что 98 % студентов БГЭУ состоят в общественных организациях БГЭУ, и только 3,5 % студентов состоят в общественных организациях вне университета. Большинство опрошенных студентов являются членами профсоюза (62 % второкурсников и 64 % третьекурсников).

Гипотеза о том, что большинство студентов интересуются событиями, происходящими в нашей стране и в мире, нашла свое подтверждение. Постоянный интерес к политическим событиям проявляют 45 % студентов II и 60 % III курсов. Активность в этой сфере у юношей оказалась значительно выше, чем у девушек (68 % против 33 %).

Гражданская активность студентов достаточно высока: 70 % студентов отметили свое участие в выборах в различные органы власти, причем этот вид активности оказался сопоставимым у студентов разных курсов.

Активность участия студентов БГЭУ в общественно-политической жизни также достаточно высока: всегда участвуют в общественных мероприятиях 51 % (на III курсе – 52 %); участвуют, если это затрагивает их личные интересы 38 % (41 %), не участвуют 11 % (7 %). Гипотеза о связи высокой общественно-политической активности с личной заинтересованностью в решении общественных проблем частично подтвердилась: достаточно высокий процент респондентов выбрали этот вариант ответа.

Заклучение

Таким образом, организация и проведение силами студентов учебного социологического исследования, предметом которого было изучение социальной активности студенческой молодежи, явились оправданным средством достижения комплекса научно-образовательных, практических и воспитательных целей.

Проведение исследовательской работы дало возможность студентам не только ознакомиться на практике с основными этапами прикладного социологического исследования, но и развить собственные научно-исследовательские способности, приобрести навыки работы с научной литературой по теме, формулирования научных гипотез и в целом формирования «социологического» восприятия происходящих в обществе событий. Кроме того, участники исследовательской группы приобрели конкретные знания об образе жизни своих сверстников, получили возможность более беспристрастно оценить проявления студенческой активности в социальной жизни, а также развенчать некоторые мифы об особенностях поведения современной студенческой молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потапова, С. А. Социальная активность студенческой молодежи современного молодого города (на материалах г. Нижнекамска) / С. А. Потапова. – СПб. : Инфо-да, 2005. – 141 с.
2. Асеева, О. В. Социологический анализ социальной активности молодежи в сетевых сообществах интернет [Электронный ресурс] / О. В. Асеева // Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsiologicheskiy-analiz-sotsialnoy-aktivnosti-molodezhi-v-setevyih-soobshchestvah-internet>. – Дата доступа: 18.09.2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.10.2017

Tsybulskaya N.V. Features Social Activity of Student Youth: Sociological Aspect

The article is devoted types and features of manifestation of social activity in relation to a way of life of students as special social group are considered, the results of sociological research of social activity of students of BSEU are analyzed. The value of educational sociological researches for the improvement of teaching of sociology in higher educational institutions, for formation at future experts of a «sociological» view of social reality is emphasized.

УДК: 316.42

С.Т. Кавецкий

канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: kstbrest@mail.ru

УГЛУБЛЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА – ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ НОВОГО МИРОУСТРОЙСТВА

В статье рассматривается планетарная проблема – углубление неравенства, которое охватывает все стороны общественной жизни. Показан рост факторов зарождения, распространения и усложнения неравенства, которое усугубляется в первую очередь экономическим неравенством, а также дискриминацией, насилием, последствиями миграции, войн, природных бедствий, климатических изменений, добычи природных ресурсов. Раскрывается сущность социального неравенства, которое проявляется в неодинаковом доступе разных групп населения к социальным благам, здравоохранению, образованию, а значит, в различных стартовых возможностях граждан, а также ограниченностью их реального участия в принятии коллективных решений

Одной из главных проблем современного мира является неравенство. Эту тему констатировал XVIII социологический конгресс, проходивший под девизом «Сталкиваясь с неравным миром: вызовы глобальной социологии». На актуальность проблемы развития неравенства в современном мире указала вице-президент Международной социологической ассоциации Ракель Соса: «Эта проблема не отдельных стран – каждый седьмой человек из десяти живет в странах, в которых экономическое неравенство за последние 30 лет увеличилось; в современном мире половина мирового богатства находится в руках 1 % населения; насчитывается не менее 774 млн неграмотных взрослых, а 162 млн детей страдают от задержки роста. Но самое главное – отмечается рост факторов, способствующих производству, распространению и усложнению неравенства, которое усугубляется расизмом, дискриминацией, насилием, миграцией, войной, природными бедствиями, инвайронментальным загрязнением, климатическим изменением или добычей природных ресурсов, фактором гендера, возраста, инвалидности, коллективной или индивидуальной идентичности, обусловленной этническими или религиозными особенностями или сексуальной ориентацией и даже невозможностью реального участия в принятии коллективных решений» [1, с. 30]. Таким образом, человечество в целом обретает облик неравного и несправедливого мира. Не просто количественно увеличивается разрыв в доходах и благосостоянии между богатыми и бедными, а качественно по нарастающей ухудшаются жизненные шансы и стили жизни миллионов людей.

Широкий спектр неравенств можно увидеть через призму влияния глобальной, по существу, западной культуры на национальные культуры. Однако при всех «достоинствах глобальной культуры, в ней есть существенные побочные эффекты, подрывающие или умаляющие ценности локальных культур» [2, с. 31].

З. Бауман считает, что больше всего иррациональное влияние глобальной культуры проявляется в ее «текучем» характере по отношению к нормам национальных культур. В своей книге «Текущая современность» он проанализировал изменяющиеся условия социальной и политической жизни мегааномалий современного мира. Используя метафору «текущая современность», автор фиксирует переход от мира плотного, структурированного, обремененного целой сетью социальных условий и обязательств к миру пластичному, текучему, свободному от заборов, барьеров, границ. «Данный переход, – утверждает он, – повлек за собой глубокие изменения во всех сферах человеческой жизни. Это новое состояние с большим трудом поддается представлению в терминах «информационное общество», «сетевое общество», «глобализация», «пост-модерн» [2, с. 5].

Таким образом, «общество потребления, или современный этап развития мира продуцирует различия во всех сферах жизнедеятельности людей, образе жизни, культуре» [3, с. 75]. «В потребительском обществе всеобщая потребительская зависимость – универсальная зависимость от покупок, это обязательное условие всей индивидуальной свободы, главным образом, свободы отличаться, “иметь идентичность”» [2, с. 92]. Возникает так называемый потребительский синдром: в условиях «текущего модерна фактор новизны приобретает наивысшую ценность» [3, с. 75]. Результатом этого явления становится «скорость, с которой делаются покупки, доступ к товарам, затраты финансовых средств и немедленное желание делать их снова» [3, с. 75].

В современном глобализирующемся мире «через Интернет, минуя национальные и культурные барьеры, в страны проникают идеи, образы, информация как легального, так и нелегального содержания (детская порнография, культура насилия и т.д.). Их “текущий” контент, распространяющийся в виртуальном пространстве, отнюдь не означает слабость влияния на общественное сознание. Более того, в силу этой “текущей” особенности в локальные культуры легче проникают формы девиации и преступности, не имеющие корней в национальной среде» [1, с. 31]. В этот глобализационный период проявляется широкий спектр девиации, т.е. массового отклонения от существующих в обществе норм, что характерно для аномического развития. «Во всем мире произошло гигантское накопление эмпирических сведений о многочисленных проявлениях негативной девиантности (хуже с позитивной – творчеством): различных видах преступности, наркотизме, алкоголизации населения, коррупции, торговле людьми, суицидальном поведении, сексуальных перверсиях и др. Развитие девиантологической теории и эмпирической базы закономерно привело к формированию относительно самостоятельных научных направлений внутри девиантологии. Диверсификация – нормальный путь развития науки (вспомним физику, биологию и др.)» [4, с. 71].

Необходимо отметить, что неравенство – это не только концентрация власти, богатства и культурного превосходства в рамках национальных государств, но и доминирование более высокого уровня жизни через призму «гламура» в отдельных мегаполисах. К концу XX в. постиндустриальный капитализм трансформировался в глэм-капитализм. Предпосылки для этой новейшей формы были созданы виртуализацией социальных структур. «“Виртуальная реальность” – хорошая метафора и адекватная модель для так называемой новой экономики брендов, финансовых инструментов (деривативов) и потребительских кредитов. Это понятие помогает также анализировать и объяснять современную политику, опирающуюся в большей мере на имиджмейкинг и использование масс-медиа, чем на традиционные формы работы с электоратом» [2, с. 15]. В результате виртуальные товары, организации, деньги стали создаваться в растущих масштабах. В начале XXI в. рынки оказались перенасыщенными не только продуктами, но и брендами, создаваемыми по одним и тем же шаблонам. Интенсивная коммодификация образов привела к тривиальности виртуализации как бизнес-стратегии и к утрате ею конкурентных преимуществ. В условиях перепроизводства виртуальности рациональным стало создание максимально ярких и максимально простых образов. Товары должны быть агрессивно-красивыми, чтобы привлекать потребителей. Привлечь их возможно только на короткие периоды, поэтому процесс создания стоимости теперь больше связан с генерированием трендов, чем с выстраиванием брендов.

Сдвиг создания стоимости от брендов к трендам можно наблюдать не только в индустрии моды и шоу-бизнесе, но и в высокотехнологичном и финансовом секторах. И означает он переход постиндустриального капитализма в новую фазу развития: от логики виртуализации к логике гламура. «Гламур – сейчас не только стиль жизни вошедших в городской фольклор “блондинок” и “метросексуалов”, или экстравагантная эстетика, воплощенная в ряде феноменов поп-культуры – от голливудских “звезд” 1930-х – до глэм-рока 1970-х» [2, с. 15]. В 2000-х гг. руководители менеджмента и маркетинга стали рассматривать его как одно из «стратегических направлений, поскольку

гламур проникает практически во все сферы общества. Термины «гламур», «большая пятерка» (объект исследования), «горячая десятка» могут показаться слишком экзотичными для научного анализа. «Однако следует заметить, во-первых, это не противоречит научной традиции конструирования понятий. А во-вторых, именно понятие гламура и представление о его элементах позволяет логично объяснить динамику постиндустриального общества и составить адекватное представление о порождаемых им структурах неравенства» [2, с. 16].

В структуры гламурно-промышленного комплекса (ГПК) входит индустрия роскоши. «К 2000 г. объем мирового рынка роскоши оценивался в 70 млрд долл., а в 2005 г. – уже в 130 млрд, т.е. среднегодовые темпы роста составили порядка 14 %. Глобальный экономический кризис 2009 г. затронул и индустрию роскоши, однако в посткризисный период 2009–2014 гг. она росла в среднем на 9 % ежегодно, опережая прирост ВВП всех национальных экономик» [5].

Еще одной составляющей ГПК является индустрия гостеприимства. Она «является трансиндустрией, объединяющей туристические агентства, рестораны, отели и другие типы предприятий, которые на разной технологической основе производят один товар: гламурную экзотику как приключение в кондиционированном помещении» [2, с. 17].

Весьма специфической является «индустрия развлечений для взрослых», которая за последние годы завоевала обширную клиентуру. Гламурная эротика, индустрия секса характерна для порнографии. «Глобальный рынок порнографической продукции рос в начале XXI в. в среднем на 6 % ежегодно. Новую динамику этому придал Интернет, где число порносайтов в 2000-х гг. составляло порядка 12 % всего количества веб-сайтов» [5, с. 277]. На фоне падения продаж журналов и DVD и слабого роста продаж контента на платных сайтах успешное продвижение сайтов с бесплатным доступом к контенту сформировало новый вариант бизнес-модели: трансиндустрия секса извлекает доходы из размещения контекстной рекламы, подобно тому как зарабатывают владельцы уважаемых сайтов вроде Google и Facebook.

«Индустрия моды производит теперь не только одежду и аксессуары и не только образы, становящиеся образцами стиля жизни, сколько собственно моду, т.е. главный продукт этой индустрии – тренды» [2, с. 18]. Она предлагает заказчикам разных отраслей разные рынки, разрабатывает радикальные визуальные решения проблем и зарабатывает немалые деньги на различных «субстанциях» гламура. «Например, в 2010 г. тренд-бюро WGSN получило доход в размере 40 млн фунтов стерлингов, показав годовой прирост в 5 %, а компания Porsche Design Group в 2011 г. достигла 30 % роста доходов и уровня в 80 млн евро» [2, с. 18].

Структура ГПК включает индустрию красоты, которая «объединяет в растущий рыночный кластер производителей косметики, салоны красоты, фитнес-клубы, СПА-салоны, клиники пластической хирургии и другие предприятия, которые при всех различиях в технологиях производят одну и ту же «субстанцию – управляемую внешность, управляющую сознанием» [2, с. 18]. Последние десятилетия наблюдается количественный и качественный рост индустрии красоты. «К 2006 г. мировой объем продаж товаров “для красоты” достиг 280 млрд долл., а объем услуг, оказываемых профессионалами этой индустрии, составил свыше 100 млрд долл. Еще одним впечатляющим показателем экспансии индустрии красоты является рост числа косметических процедур, к которым прибегают клиенты пластических хирургов. В США за период 1997–2006 гг. число косметических процедур выросло на 444 %» [5, с. 243].

Таким образом, с одной стороны структуры ГПК выглядят нетрадиционными с точки зрения рамок индустриального капитализма, который основывается на стоимости продукта. С другой стороны, виртуальная экономика «гламура» является совокупностью сетей, в которых капитализируются образы.

Наряду с пространственной реконфигурацией неравенства и реконфигурацией стратификации можно выделить еще один аспект воздействия глэм-капитализма на не-

равенство – его темпорализацию. «Темпоральное неравенство открывает еще одно измерение в современных неравенствах. Оно не может быть описано в привычных социально-пространственных терминах иерархического порядка, дифференцирующего высокие и низкие позиции, или сетевого порядка, дифференцирующего центральные и периферийные позиции. Различие нужно делать между успешными и опоздавшими стать участниками тренда» [6, с. 23].

С развитием глэм-капитализма конфигурации неравенства усложняются. «В индустриальном обществе утвердилось неравенство, основанное на институциональном регулировании доступа к материальным, человеческим и символическим ресурсам в соответствии со статусом, приобретаемым в рамках формальных организаций. В постиндустриальном обществе сосуществуют три типа неравенства: 1) институциональное неравенство, основанное на социальном статусе, устанавливающем соответствие между классом и собственностью, доходом и слоем, культурным капиталом и престижем стиля жизни, гендером и личными правами, этничностью и гражданскими правами и т.д.; 2) сетевое неравенство, основанное на культурной идентичности, обеспечивающей различие между теми, кто включен в сеть и получает привилегии членства, и теми, кто не включен в сеть; 3) потоковое неравенство, основанное на пространственной и социокультурной подвижности, обеспечивающей вовлеченность в потоки и сопутствующие преимущества времени и места» [6, с. 23]. При этом следует обратить внимание, что анализ новых конфигураций неравенства не отменяет институциональное неравенство, но новые формы следует принимать в расчет, чтобы адекватно описывать и объяснять многомерные неравенства нашего времени. Классический подход к неравенству все еще доминирует.

П. Сорокин полагал: главная причина неравенства – неравномерное распределение прав, обязанностей и привилегий в обществе. Он связывал в неразрывное целое проблему неравенства и проблему социальной справедливости (от себя добавим: в условиях капитализма неразрешимые в принципе) [9].

М. Вебер указывал на три неразрывных компонента неравенства. Первый – имущественное неравенство, ибо богатство далеко не всегда означает справедливое вознаграждение за общественно полезные результаты собственного труда и таланта. При капитализме оно зависит от полученного материального наследства, доходов за счет собственности, капиталовложений, недвижимости, акций, ценных бумаг и т.п. При этом представители разных (и прежде всего нижестоящих) социальных классов имеют неодинаковые возможности для приобретения активов и доходов. Второй компонент неравенства в том, что разные люди и группы людей в разной мере пользуются уважением в обществе, имеют неодинаковый престиж (отсюда введенное им понятие «статусных групп»). При этом в условиях манипулирования общественным сознанием в «элиту» зачастую попадают люди, не несущие никакой позитивной функции. Третий отмеченный Вебером фактор – это власть. Далекое не всегда, писал он, власть получают достойные люди честным путем, и далеко не всегда используют ее на благо, а не во вред обществу [10, с. 40].

В научном дискурсе четко определена сущность социального неравенства. Она в неодинаковом доступе различных групп населения к социальным благам, здравоохранению, образованию, а значит, в различных стартовых возможностях граждан.

Уже около полувека исследуется неравенство между Севером и Югом. Среднедушевые доходы 20 наиболее богатейших стран превышают в 37 раз соответствующие доходы наиболее бедных стран. По оценкам программы развития ООН, доля богатейших стран в ВВП составляет 86 %, доля средних – 13 %, беднейших – 1 %. Разные темпы экономического роста приводят к увеличению разрыва между ними. «Совокупное богатство 1 тыс. богатейших людей мира почти вдвое превышает средства, имеющиеся у беднейших 2,5 млрд. По оценкам Международной организации труда, 3 млрд человек живут ниже черты бедности, установленной в 2 долл. США в день. Если в 1998 г. бога-

тейшим 20 % населения планеты доставалось 86 % всех производимых в мире товаров и услуг, а на долю беднейших 20 % приходилось лишь 1,3 % всех благ, то сегодня эти цифры лишь усугубились: богатейшие 20 % потребляют 90 % произведенных благ, а беднейшие 20 % лишь 1 %» [11, с. 16–17].

Еще одной мегааномалией в условиях современной глобализации является обострившийся миграционный процесс. Основными причинами возникновения миграционного движения являются экономическая, политическая, демографическая и национально-правовая нестабильности. К ним относятся войны и вооруженные конфликты, дестабилизирующие ситуацию в регионах: Гражданские войны в Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии, военная операция против ИГИЛ, кризис в Сербии и в Косово, вооруженный конфликт на востоке Украины, религиозные столкновения в Нигерии. Европейский миграционный кризис возник в начале 2015 г. в связи с многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов в ЕС из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии и неготовностью европейцев к их приему и распределению. Это крупнейший в Европе кризис со времен Второй мировой войны. С января по сентябрь 2015 г. в государствах – членах ЕС было зарегистрировано более 700 тыс. человек, ищущих убежище. За 2015 г. в ЕС прибыли по разным оценкам от 1 до 1,8 млн беженцев и нелегальных мигрантов (для сравнения: в 2014 г. их было зарегистрировано около 280 000). Термин «кризис» по отношению к беженцам и мигрантам впервые был использован в апреле 2015 г., когда в Средиземном море произошла серия морских катастроф. В течение короткого времени (13, 16, 19 и 20 апреля) по пути в Европу потерпели крушение и затонули как минимум пять лодок, на борту которых находились более 1 200 мигрантов из Африки [11].

Еще одной мегааномалией глобального мира является дефицит продуктов питания, необходимых для нормального развития человечества. Дефицит продуктов сопровождал человечество на всем протяжении его развития. В связи с развитием мировой торговли и транспорта эта проблема несколько ослабла, но не исчезла. Причем современная мировая продовольственная ситуация трагична из-за своей противоречивости. С одной стороны, голод является причиной смерти миллионов людей. По различным оценкам, в мире голодает и недоедает около 0,5 млрд человек, подавляющее большинство которых проживает в развивающихся странах. Хотя доля недоедающих населения развивающихся стран снизилась с 27 % в 1969–1971 гг. до 21,5 % в 1983–1985 гг., однако при общем росте мирового населения количество недоедающих увеличилось с 460 до 512 млн человек, а к концу XX в. возросло до 532 млн человек.

Глобальные аномалии современного общественного развития провоцируют под влиянием научно-технической революции неравенства в социальных сетях и Интернете. Есть несколько причин, из-за которых лишь меньшинство извлекает выгоду из растущего технологического сектора. Начнем с того, что 60 % планеты все еще находится вне телекоммуникационных сетей: около 4 млрд человек не имеют доступа в Интернет, еще у 2 млрд нет мобильного телефона, а 500 млн живут слишком далеко от ближайшей передающей вышки, чтобы поймать сигнал. На первый взгляд, Интернет представляет собой самую открытую и демократичную социальную сеть: практически каждый может стать членом одного и того же виртуального сообщества. Однако явные неравенства возникают в различных возможностях производить и распространять информацию, и что особенно значимо – задавать ей определенные смыслы, касающиеся как видения политических реалий, так и нашей повседневной жизни.

Проблема социального неравенства на рубеже XX и XXI вв. стала глобальной мегааномалией современной цивилизации. «Социальный водораздел в обществе проходит уже не столько между верхними, средними и нижними слоями, сколько между крохотной группой на вершине социальной пирамиды и остальным обществом» [3, с. 15]. Более того, эти полюса продолжают разбегаться, отталкиваясь друг от друга с возрастающим ускорением, становясь похожими на модель работающего вечного двигателя

[3, с. 19]. По сути, резюмирует Бауман, речь уже давно идет «о двух мирах, не имеющих почти никаких точек соприкосновения и практически прекративших взаимодействовать друг с другом» [3, с. 22].

Наблюдаемый во всех странах рост числа миллиардеров с одной стороны и увеличение количества беднейшего населения планеты с другой как нельзя лучше иллюстрирует социальную мутацию. В связи с этим на Всемирном Давосском экономическом форуме в 2017 г. констатировалось, что одним из пяти главных рисков современного развития является углубляющееся экономическое неравенство. Таким образом, расширяющаяся сфера неравенств и сложных различий, вызванных процессами ускорения социальных и культурных изменений на глобальном уровне, раскрывает динамику этих процессов и ставит под сомнение саму возможность планетарного человеческого существования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравченко, С. А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более ровного мира / С. А. Кравченко // Социс. – 2015. – № 2. – С. 29–38.
2. Иванов, Д. В. Новые конфигурации неравенства и потоковые структуры глэм-капитализма / Д. В. Иванов // Социс. – 2016. – № 6. – С. 13–23.
3. Бауман, З. Текущая современность : пер. с англ. / З. Бауман ; под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
4. Титаренко, Л. Г. Современная западная социология: реконструкция парадигм : пособие / Л. Г. Титаренко. – Минск : БГУ, 2015. – 215 с.
5. Бауман, З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? / З. Бауман. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 112 с.
6. Гишинский, Я. И. Социология девиантности / Я. И. Гишинский // Социс. – 2009. – № 8. – С. 70–76.
7. Bain&Company Worldwide Luxury Markets Monitor.2015. Spring Update [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.bain.com/about/press/press-releases/spring-2015-worldwide-luxury-goods-update-press-release.aspx>.
8. Доброхотов, Л. Н. Социальное неравенство – насущная проблема американского общества / Л. Н. Доброхотов // Социс. – 2016. – № 2. – С. 93–101.
9. Сорокин, П. А. Человек, цивилизация, общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
10. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М. : Юрист, 1994. – 704 с.
11. Кузнецов, А. Транснациональные корпорации / А. Кузнецов // Мировое и национальное хозяйство. – 2015. – № 2. – С. 1–7.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.09.2017

Kavetski S.T. Increase in Inequality – Global Conflict of the New World Order

The article discusses the planetary issue of increase in inequality that encompasses all the aspects of social life. The author describes the increasingly strong drivers fostering the creation, distribution and complication of inequality, which is first of all deepened by the economic inequality, discrimination, violence, migration, wars, natural disasters, climate change or production of natural resources, gender, ageing, disability factors, and even the lack of opportunity for real involvement in collective decision making. The essence of social inequality is analyzed. It is manifested in the unequal access for different groups of population to social benefits, healthcare, and education thus resulting in different opportunities for a good start in life.

УДК: 32.01(476) (043.3)

А.В. Посталовский

канд. социол. наук, научный сотрудник

Центра социологических и политических исследований

Белорусского государственного университета

e-mail: postalnio@tut.by

СЕГМЕНТИЗАЦИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ

В статье показывается, что в настоящее время для национального информационного поля характерна тенденция медиаконвергенции его структурных сегментов (телевидение, радио, печатные СМИ, Интернет (сайты, порталы), социальные медиа), в рамках которой происходит условное стирание жестких границ между традиционными СМИ и сетевыми ресурсами. Телевидение в данном случае, несмотря на частичное снижение популярности среди аудитории, продолжает сохранять господствующие позиции в отечественном медиaprостранстве. На основе динамики эмпирических данных, полученных Центром социологических и политических исследований БГУ в 2003–2015 гг., формулируется вывод о сегментизации телевизионного пространства, результатом которой выступает «рассеивание» аудитории ведущих телевизионных брендов в соответствии с тематическими предпочтениями с последующим образованием узкопрофильных телеканалов.

Введение

Проводимый Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ) ежегодный мониторинг функционирования национального информационного поля (НИП) позволил осуществить фиксацию информационного воздействия конкретных сегментов информационного поля Республики Беларусь в 2003–2015 гг., определив их содержание и тематическую направленность. Данный подход представляет возможным сформировать понимание относительно того, какое место по информационному влиянию на аудиторию занимал тот или иной субъект поля в любой из конкретно интересующих годов проведения мониторинга.

В настоящее время в НИП отчетливо прослеживается тенденция перераспределения информационного влияния на аудиторию от традиционных СМИ к медиакommunikативным, которые, в свою очередь, при изменяющихся форматах подачи информационных материалов сохраняют характеристики традиционных сегментов поля (например, онлайн-телевидение, публикации (посты) колумнистической направленности в блогосфере), образуя феномен медиаконвергентного функционирования национальной системы средств массовой информации.

Происходит естественный процесс потери традиционными СМИ своих позиций в информационном поле. Вместе с тем, несмотря на некоторое снижение показателей своей востребованности и популярности у аудитории, телевидение как источник получения информации по важнейшим общественно-политическим и социально-экономическим вопросам продолжает сохранять господствующие позиции в НИП даже в условиях стремительно развивающихся сетевых коммуникативных ресурсов. Поэтому представляется актуальным рассмотрение особенностей и специфики функционирования телевизионного пространства в контексте медиаконвергенции национального информационного поля.

Согласно результатам многолетних мониторинговых социологических исследований, выполненных ЦСПИ БГУ, наиболее востребованным и популярным структурным сегментом поля выступает телевидение. Доминирующее положение телевидения в национальном информационном поле во многом обусловлено тем, что большинство людей (68,8 %) смотрят телевизор практически ежедневно (таблица 1).

Таблица 1. – Динамика частоты просмотра телевизионных передач (2003–2015 гг.), %

Частота просмотра	Год												
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Практически ежедневно	80,3	76,8	80,6	73,7	74,6	71,1	70,5	72,2	70,8	68,7	60,7	66,7	68,8
Несколько раз в неделю	12,4	14,7	12,8	18,2	14,3	16,9	16,4	16,6	15,6	16,8	18,8	17,6	14,0
Примерно раз в неделю	3,3	3,1	2,2	2,5	3,4	6,0	5,0	4,6	5,5	5,2	6,1	3,6	4,1
2–3 раза в месяц	0,4	0,9	0,9	1,2	1,5	1,8	2,6	1,9	2,1	3,7	3,3	3,6	1,5
Раз в месяц	0,3	0,1	0,7	0,4	1,1	0,9	1,4	1,2	1,5	1,4	3,1	1,7	1,5
Не смотрю телевизор	2,4	4,4	2,8	4,0	5,1	3,2	4,1	3,5	4,5	4,2	8,0	6,8	10,1

И хотя показатели 2015 г. заметно ниже данных за 2003–2005 гг., тем не менее именно телевидение играет определяющую роль в национальном информационном поле. Несмотря на некоторое уменьшение показателей востребованности среди аудитории, а также развитие современных информационно-коммуникационных технологий и рост популярности Интернета, телевизионное вещание, на наш взгляд, еще очень долгое время будет играть определяющую роль в медиапространстве. По верному замечанию М. Кастельса, «телевизионный способ коммуникации является фундаментально новым средством, характерным своей соблазнительностью, сенсорной имитацией реальности и легкостью восприятия с наименьшим психологическим усилием» [1, с. 318]. Аспекты восприятия телевизионного сюжета выступают, на наш взгляд, основным залогом востребованности телевидения как источника получения информации.

Во время изучения материалов прессы индивид затрачивает гораздо больше психоэмоциональной и интеллектуальной энергии, направленной на усвоение и осмысление написанного. Прослушивание радиопрограмм требует концентрации органов слуха. В свою очередь телезритель получает сформированный для него визуальный продукт, внешние очертания которого позволяют ему «соучаствовать» в происходящем. При этом он не затрачивает дополнительных усилий на усвоение материала (в отличие от работы с печатным текстом, который читается по принципу «сверху вниз» и «справа налево»). Трехмерное пространство телевизионной картинке выступает эталонной формой передачи визуального изображения, которая еще долго будет пользоваться популярностью у телеаудитории. Как отмечает В.П. Шейнов, «телевизионное восприятие главным образом пассивное, ибо быстро меняющееся изображение и быстро совершающееся действие, происходящее независимо от желания зрителя (чего не скажешь, например, о чтении книги), не дает зрителю времени осмыслить, одуматься; и сообщение, и его значение проходят во многом через бессознательное, минуя рациональные механизмы» [2, с. 580]. В данном случае конечное восприятие телевизионного сюжета зрителем зависит от режиссера телетрансляции, управляющего последовательностью воспроизводимого на телеэкране социального действия. С одной стороны, телевизионное восприятие выступает наиболее эффективным для индивида ввиду психоэмоционального эффекта присутствия, с другой стороны, создает условия для управления поведенческой реакцией и манипуляций в вопросе формирования мнения и установок относительно просмотренного телесюжета.

В настоящее время в телевизионном сегменте национального информационного поля происходит постепенное количественное уменьшение телеаудитории. Данная тен-

денция находит свое подтверждение в выявленной динамике приоритетов аудитории при выборе источников получения информации по общественно-политической тематике.

Таблица 2. – Динамика приоритетов белорусской аудитории СМИ в выборе основных источников получения массово-политической информации (2003–2015 гг.), %

СМИ	Год												
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Газеты	18,5	40,4	47,6	43,2	37,6	41,0	37,1	39,6	30,2	34,8	29,7	24,7	19,6
Радио	11,7	23,4	14,9	14,0	9,4	9,3	12,7	11,7	12,0	11,1	7,1	9,4	7,7
ТВ	67,0	73,0	85,3	82,1	82,2	83,5	80,2	80,6	79,6	76,6	68,6	73,7	69,9
Интернет	0,7	1,3	2,7	6,6	9,8	13,8	18,7	20,1	26,7	34,9	41,2	42,8	44,9
Интернет (соцсети)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	15,2

Безусловно, некоторые количественные потери аудитории связаны среди прочего и с общей тенденцией частичного снижения интереса к телевидению как источнику получения информации в связи с активным развитием Интернета и, в частности, средств сетевой виртуальной медиакommunikации. Представленные сегменты информационного поля в отдельных случаях ввиду своей специфики способны заменить традиционное телевидение посредством сохранения «эффекта присутствия» в визуализируемом кадре (использование онлайн-видеохостингов). Долгое время телевидение как вид СМИ, представляющее собой визуальное отражение происходящих событий на телеэкранах, было фактически монопольным на медийном рынке информационных услуг и основополагающим сегментом НИП. Однако быстрое развитие интернет-технологий, средств мобильной связи и коммуникации, а также формирование «клипового» восприятия информации привели к тому, что функции телевидения по передаче движущегося изображения и звука начали выполнять смартфоны, айфоны, планшетные компьютеры и т.п. В связи с этим часть потребителей информационного контента предпочла традиционному телевидению онлайн-просмотр телесюжетов в Интернете.

Немаловажным аспектом в социологическом изучении роли телевидения в национальном информационном поле выступают технологии приема и трансляции телевизионного сигнала, востребованные белорусской телеаудиторией. Согласно эмпирическим данным исследования, проведенного в 2015 г. Информационно-аналитическим Центром при Администрации Президента Республики Беларусь, наиболее популярной технологией приема телесигнала у населения является «цифровое кабельное телевидение (33,7 %) и многоканальное IPTV (28,6 %)» [3, с. 122]. Далее следуют цифровое эфирное вещание (24,4 %) и кабельное аналоговое телевидение (9,4 %) [3, с. 122], которое потеряло свою популярность и востребованность ввиду отказа от аналоговой технологии приема телесигнала.

В случае с показателями востребованности технологий приема телевизионного сигнала обращает на себя внимание популярность цифрового кабельного ТВ и многоканального IPTV, которые, по сути, выступают различными каналами трансляции телесюжета и относятся к разным сегментам информационного поля – телевидению (кабельное ТВ) и Интернету (IPTV). При этом обе технологии трансляции телесигнала воспринимаются аудиторией как разновидность телевизионного вещания без структурного разграничения на условное ТВ и Интернет. Данное обстоятельство, на наш взгляд, выступает наглядным примером тенденции медиаконвергенции структурных сегментов национального информационного поля, в рамках которых произошло взаимное медиазамещение IP и цифровых телевизионных технологий. С формальной точки зрения

в представленной ситуации задействовано два канала воспроизводства и распространения информации (ТВ-сигнал и интернет-шлюз), при том что сам потребитель информации ориентирован на один канал.

Наиболее популярными и востребованными на территории Республики Беларусь являются традиционно *белорусские* и *белорусско-российские* телеканалы (ОНТ, НТВ-Беларусь, РТР-Беларусь, Беларусь-1), а также межгосударственная телерадиокомпания Мир. В немалой степени этому способствует доступность данных телеканалов массовой аудитории ввиду включения их в состав первого бесплатного цифрового телевизионного мультиплекса, степень распространения телевидения которого составляет почти 100 % на территории Беларуси.

Также весомое значение имеет традиционное господство в отечественном телевизионном пространстве российских телебрендов, которые в период первоначального этапа трансформации информационного поля Республики Беларусь (1992–2000 гг.) полностью в нем доминировали. Вместе с тем отметим некоторые трудности в объективной оценке потенциальной аудитории и масштабов информационного воздействия ряда российских телеканалов в связи с тем, что их сетка вещания на территории Республики Беларусь включена в структуру белорусского телевизионного медийного пространства (например, НТВ-Беларусь, РТР-Беларусь; ОНТ частично заимствует контент у российского Первого канала). В связи с этим телепрограмма некоторых российских каналов включает в себя белорусские передачи, информационные и аналитические выпуски, рекламу.

Если говорить о Республике Беларусь в целом, то в рамках ее территориального пространства можно выделить четыре наиболее популярных телевизионных канала, высокая доля аудитории которых в общем информационном поле фиксируется в течение многих лет. Это такие телеканалы, как ОНТ (63,9 %), НТВ (49,5 %), Беларусь-1 (42,6 %) и РТР (45,2 %). Уменьшение показателей телеаудитории у всех каналов по сравнению с 2014 г. связано с ростом числа тех, кто не смотрит телевизор вообще (10,1 % – наиболее высокий показатель за все время проведения социологического мониторинга 2003–2015 гг.). При этом итоговая расстановка лидирующего квартета остается практически неизменной на протяжении многих лет проведения социологического мониторинга. Динамика трансформации телевизионного пространства представлена в таблице 3.

Таблица 3. – Распределение ответов на вопрос «Какие телевизионные каналы Вы обычно смотрите?» (2003–2015 гг.), %

Канал	Год												
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ОНТ	75,7	88,5	85,9	87,0	82,6	82,4	79,0	81,3	77,5	75,2	69,6	68,0	63,9
НТВ	43,1	49,5	52,3	52,7	51,4	58,0	58,3	58,0	58,0	61,0	54,8	59,0	49,5
Беларусь-1	48,4	67,8	56,8	62,9	58,2	55,1	51,6	54,0	48,7	49,2	39,2	44,2	42,6
РТР	60,0	56,0	49,7	55,0	44,4	46,5	40,5	46,6	45,3	43,5	38,3	47,3	45,2
СТВ	–	12,9	28,6	32,5	36,6	31,0	31,9	28,7	26,7	24,5	22,2	21,8	21,1
ТНТ	–	–	0,1	0,3	0,9	0,9	19,9	17,4	26,8	5,5	7,6	9,7	17,4
Беларусь-2	–	30,8	25,4	24,2	31,0	37,5	33,4	37,1	31,4	29,1	17,4	26,2	16,6
Мир	–	–	–	–	–	–	3,3	4,5	5,3	5,5	5,1	8,5	11,5
Беларусь-3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6,5	3,5
Беларусь-5												4,4	4,3
Беларусь-4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Беларусь-24												0,2	0,6
Не смотрю ТВ	2,4	4,4	0,1	4,0	5,1	3,2	4,1	3,5	4,5	4,2	8,0	6,8	10,1

В представленной таблице 3 отчетливо прослеживается, с одной стороны, тенденция сокращения аудитории за счет увеличения количества респондентов, отказавшихся от просмотра телепередач, с другой стороны – «рассеивание» аудитории телевизионных каналов. «Рассеивание аудитории» представляет собой отток зрителей наиболее рейтинговых телеканалов в пространство каналов тематического узкопрофильного информационного контента. Как правило, рейтинговые телеканалы (в частности, ОНТ, НТВ, Беларусь-1, РТР) стремятся в своей сетке телевизионного вещания включать многоаспектные и разнообразные тематические программы, желая сохранить широкий охват массовой аудитории и спрос на предлагаемую телепродукцию. Как отмечает М.С. Филь, «система массовых коммуникаций на каждом витке своего развития становится более сложной, включает в себя новые элементы, аудитория постоянно сегментируется, выделяются все более мелкие группы производителей и потребителей информации» [4, с. 49]. Представленная гипотеза также находит свое подтверждение в работе А.В. Данильченко, который связывает некоторые количественные потери телеаудитории с многообразием и постоянно увеличивающимся количеством новых телевизионных каналов, которые «растягивают» между собой аудиторию [5, с. 263].

В свою очередь, появление в телевизионном пространстве узкопрофильных тематических телеканалов (Беларусь-2, Беларусь-3, Беларусь-5 и т.д.) способствовало, на наш взгляд, сегментации телеаудитории с последующим разделением по жанрово-тематическим предпочтениям («рассеивание аудитории»). Сегментация аудитории способствовала естественному уменьшению постоянных зрителей у наиболее рейтинговых телеканалов национального информационного поля. На рисунке можно увидеть динамику изменения аудитории основных телеканалов за период с 2003 по 2015 г.

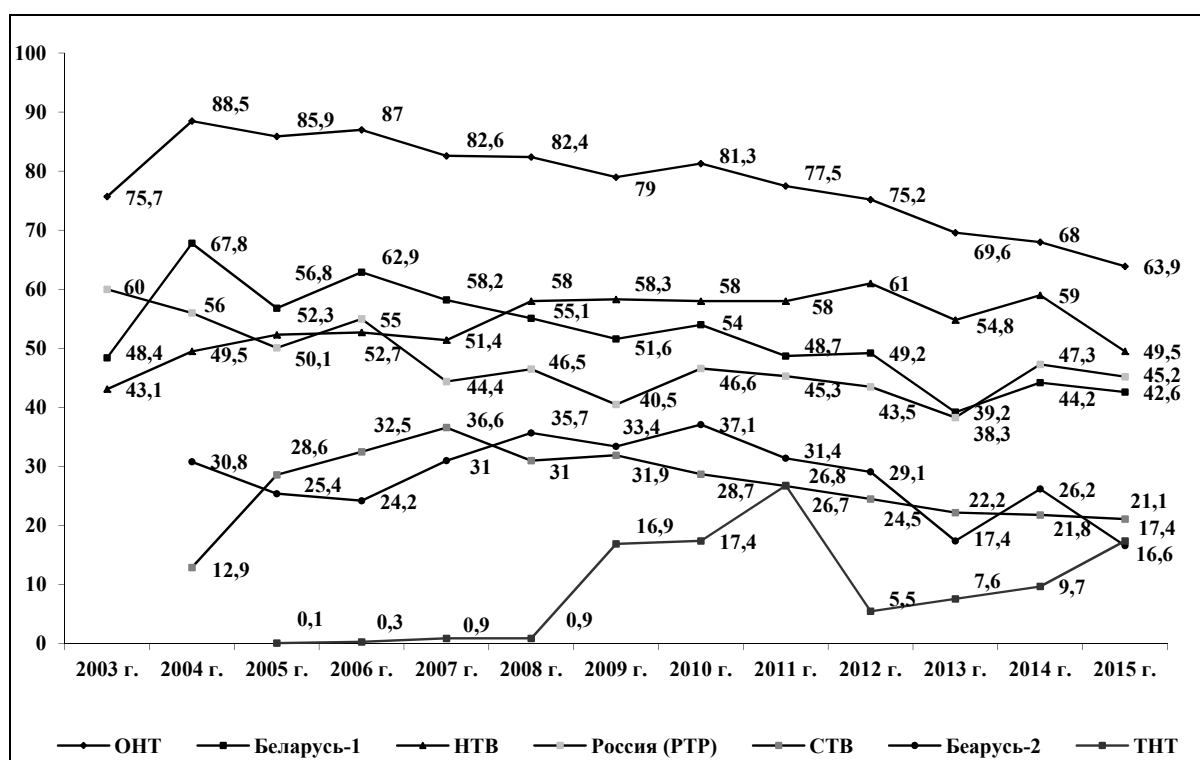

Рисунок. – Динамика изменения аудитории основных телевизионных каналов в Республике Беларусь, %

Отметим, что в 2011 г. Белтелерадиокомпанией был проведен ребрендинг телевизионных каналов «БТ» и «ЛАД» по примеру ВГТРК. С конца 2011 г. телеканалы ста-

ли называться «Беларусь-1» и «Беларусь-2» соответственно. Также были сформированы телеканалы Беларусь-3, Беларусь-5 и Беларусь-24. Данные организационно-структурные нововведения выступают примером сегментизации телевизионного пространства, в рамках которой из монолитных телеканалов многопрофильной содержательной направленности формируются тематические телеканалы. В результате формируется следующая парадигма функционирования телевизионного сегмента информационного поля. С одной стороны, общая популярность телевидения частично снижается. С другой стороны, количество телеканалов узкопрофильной направленности заметно возрастает. Причем в данном случае в плане медийных предпочтений это происходит во многом за счет оттока аудитории ведущих телеканалов с универсальным в содержательном плане контентом.

Сегодня телевидение, как и в годы проведения социологического мониторинга (2003–2015), по-прежнему является доминирующим и наиболее популярным у населения Республики Беларусь информационным ресурсом. Легкость визуального восприятия телевизионной картинки, большой выбор телеканалов и тематических программ, наличие «эффекта присутствия зрителя» на месте событий способствуют тому, что его популярность в отечественном информационном пространстве остается стабильно высокой. Как отмечает Д. Матисон, «власть телевидения заключается в том, что оно дает людям почувствовать свою ценность, оно формирует в них фантазию о том, что они популярны» [6, с. 257]. В этом плане телевидение выгодно отличается от иных традиционных видов СМИ. Если изучение содержания печатного издания требует аккумуляции внимания и дополнительных интеллектуальных усилий потребителя информационного контента, а восприятие радио возможно только в случае предпочтения восприятия информации на слух, то телевидение в данном аспекте выступает наиболее доступным, понятным и простым для восприятия аудитории.

Вместе с тем сам по себе «эффект присутствия» выступает в качестве амбивалентного явления, который так или иначе влияет на итоговое качество воспроизводимого телевизионного контента. По мнению П. Бурдые, «из-за увеличения символического значения телевидения, а среди конкурирующих телеканалов тех из них, кто с наибольшим цинизмом и успехом делает выбор в пользу сенсационного, зрелищного, выходящего за рамки повседневности материала, в журналистском мире наблюдается тенденция к навязыванию особого представления об информации, до недавнего времени не выходящего за пределы так называемой желтой прессы» [7, с. 69].

Схожую позицию занимает и Н. Луман, который отмечает, что «функция масс-медиа состоит в непрерывном порождении и переработке раздражений, а не в умножении познания, социализации или прививании нормативного конформизма» [8, с. 168]. Сегментизация (тематическое «рассеивание») телеаудитории привело к увеличению количества телеканалов, которые, в свою очередь, заинтересованы прежде всего в поддержании внимания к транслируемой телепродукции посредством визуализации и распространения не всегда проверенной информации, формируя гиперреальное пространство (Ж. Бодрийяр), в которое желает «включиться» аудитория. Разъяснение, аналитика, критический анализ в данном случае будут играть второстепенную роль.

Заключение

Рассмотрев на основе эмпирической динамики трансформации медийных предпочтений аудитории относительно телевизионного сегмента национального информационного поля, необходимо сделать следующие выводы.

В плане иерархической расстановки в телевизионном сегменте НИП положение телеканалов-лидеров (ОНТ, РТР, НТВ и Беларусь-1) по-прежнему является доминирующим и определяющим в национальном информационном поле Республики Беларусь.

Несмотря на стабильно высокий уровень развития Интернета, мобильных и коммуникативных технологий, которые так или иначе дублируют функции ТВ, телевидение, на наш взгляд, будет продолжать занимать стабильно высокие позиции в отечественном информационном пространстве. В связи с этим представляется возможным предположить, что сильного оттока респондентов, которые предпочитают ТВ, в другие сегменты национального информационного поля в ближайшее время не будет.

В телевизионном сегменте НИП наиболее вероятным видится продолжение «рассеивания» (сегментизации) телеаудитории по конкретным тематическим телеканалам, в связи с чем ОНТ, Беларусь-1, НТВ-Беларусь, РТР-Беларусь будут терять своего зрителя (при этом аудитория тематических телеканалов будет только расти, как и само количество телеканалов). Интернет, в свою очередь, не сможет вытеснить телевидение в национальном информационном поле, равно как и само ТВ по своему формату выхода в эфир напоминает, а в каких-то случаях и дублирует интернет-технологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / М. Кастельс ; под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : Высш. шк. экономики, 2000. – 608 с.
2. Шейнов, В. П. Манипулирование сознанием / В. П. Шейнов. – Минск : Харвест, 2011. – 768 с.
3. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2015 г. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – 212 с.
4. Филь, М. С. Социальные сети: новые технологии управления миром / М. С. Филь. – М. : Ун-т Синергия, 2016. – 192 с.
5. Данильченко, А. В. Информационный рынок и единое информационное пространство: мировой контекст и белорусский опыт = Information market and a common information space: the global context and belarusian experience / А. В. Данильченко, К. В. Якушенко, А. В. Потребин. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2015. – 343 с.
6. Матисон, Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов : пер. с англ. / Д. Матисон. – Харьков : Гуманитар. центр (О. В. Гритчина), 2013. – 264 с.
7. Бурдье, П. О телевидении и журналистике / П. Бурдье ; пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой ; отв. ред. Н. Шматко. – М. : Прагматика культуры, 2002. – 160 с.
8. Луман, Н. Реальность массмедиа : пер. с нем. / Н. Луман. – М. : Канон+, 2012. – 239 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.10.2017

Postalovsky A.V. Segmentation of Television Space in Conditions of Media Convergence of the National Information Field

The presented article is devoted to consideration of features and specificity of functioning of the television segment of the national information field. Currently, the national information field is characterized by the tendency of the media's convergence of its structural segments (television, radio, print media, the Internet (websites, portals), social media), within which a conditional erasure of rigid boundaries between traditional media and network resources. Television, in this case, despite a partial decline in popularity among the audience, continues to maintain a dominant position in the domestic media space. Based on the dynamics of empirical data obtained by the Center for Sociological and Political Studies of BSU in 2003–2015, a conclusion is drawn on the segmentation of the television space, the result of which is the «dissipation» of the audience of the leading television brands in accordance with the thematic preferences followed by the formation of narrow-profile TV channels.

УДК 316.354.2

С.Н. Щербинин

*аспирант каф. социологии Белорусского государственного университета,
ст. преподаватель каф. социологии и специальных социологических дисциплин
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
e-mail: s.scherbinin@grsu.by*

**КРИТЕРИИ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ
КАК ОСНОВА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОДЕЛИ ВЫБОРА**

В статье применение критериев принятия решения представлено как показатель использования рационалистического подхода в управлении. Определены факторы, оказывающие влияние на формирование и применение критериев. Проанализированы основные критерии принятия решения, на основе которых охарактеризованы модели осуществления выбора и их особенности. Отдельно рассмотрено применение критериев принятия решения в условиях неопределенности. Показано влияние критериев на формирование и реализацию управленческой практики. Рассмотрена связь содержания критериев с наличием стратегических устремлений субъекта в отношении функционирования объекта управления. Обосновывается необходимость применения нескольких критериев при осуществлении выбора в управлении.

Введение

Любое управленческое решение представляет собой выбор альтернатив развития объекта управления. С одной стороны, выбор предполагает определенную свободу и творческую составляющую, с другой – это достаточно систематизированная деятельность, которая позволяет определить решение как практическое применение правил реализации выбора с учетом специфики определенной ситуации [1, с. 117]. В связи с этим определяющую роль играют именно критерии принятия решения, которые устанавливают правила и границы выбора, формируют его сущность и вариативность деятельности по принятию решений. С позиции процессного подхода, определение критериев и допущений выбора является одним из основных этапов процесса принятия управленческого решения. Это обуславливает основную цель исследования, которая состоит в анализе сущности критериев как основы для определения модели выбора при осуществлении управленческой деятельности. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить факторы, оказывающие влияние на формирование и применение критериев выбора; 2) охарактеризовать особенности влияния критериев на формирование управленческой практики осуществления выбора; 3) выявить связь критериев и наличия стратегических устремлений субъекта управления; 4) определить особенности использования критериев выбора.

Принципы формирования критериев принятия управленческого решения

Целесообразным является выделение факторов, оказывающих влияние на формирование и применение критериев. В современной научной литературе выделяют две категории критериев – процессные и стратегические [1, с. 117]. Стратегические критерии характеризуются высоким уровнем абстракции, именно они формируют долгосрочный эффект решения, формулируют исходные посылки и ожидаемые результаты. Процедурные критерии вытекают из результатов стратегических решений. Они содержат методы реализации стратегических установок. Во многом именно данная типология критериев определяет виды решений: стратегические (выбор, обусловленный ценност-

---

Научный руководитель – Д.К. Безнюк, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета

ными ориентирами с указанием конкретных последствий) и обеспечивающие. Тем самым в качестве одного из основных факторов формирования критериев выбора следует определить устремления субъекта управления.

В качестве содержательной первоосновы поведения выступает культура как часть субъективной составляющей управления. Ее формируют ценности и нормы, которыми руководствуются индивиды в процессе социального взаимодействия и при принятии решения. В качестве одного из основных субъективных компонентов образования практики управления и критериев выбора следует определить нормы морали [2, с. 92]. Это позволяет выявить роль в формировании критериев выбора таких основ морали, как индивидуальный рационализм и стремление к выгоде. Именно культурная составляющая наполняет взаимодействие определенным ценностным смыслом, определяет ориентиры для выбора в процессе управленческого решения [3, с. 61]. С другой стороны, критерии выбора напрямую связаны с ресурсами. Их наличие и располагаемый объем определяют предпочтительные варианты выбора, иными словами, количественные и качественные показатели, с помощью которых определяются ожидаемые результаты [4, с. 39]. Чем больше ресурсов находится в распоряжении субъекта, тем шире перечень вариантов предпочтительного развития объекта и более высокие требования к качеству результата управленческой деятельности. Ресурсами могут быть как финансы, так и информация, социальный капитал, техническое обеспечение.

Для эффективности управленческой деятельности независимо от вида управленческого решения) при определении критериев необходимо соблюдать ряд характеристик, которые переносятся на сами решения и их результаты. Первым параметром выступает наличие степени свободы, которую предоставляют критерии для выбора альтернатив, путей реализации и корректировки мероприятий по реализации решения [5, с. 129]. Другими словами, должен быть реализован принцип вариативности решения.

Следующей характеристикой является согласованность [1, с. 119]. Данное требование направлено на обеспечение внутренней согласованности составляющих решения, его свойств и результатов с целью недопущения структурных конфликтов и противоречий. Реализация данной характеристики связана с четкостью критериев. Они, а впоследствии и решения, должны быть четкими и ясными, ориентированными на формирование образа точного ожидаемого результата. Четкость и согласованность определяются присутствием трех составляющих в критериях и решениях: финансы, система человеческих отношений, качество основной деятельности.

Еще одна характеристика – принятие и согласие участников управления [6, с. 174]. Данное свойство имеет отношение к коллегиальным решениям и решениям, принимаемым на надорганизационном уровне (когда в качестве субъекта управления рассматриваются представители небольших организаций либо субъекты малого предпринимательства, а решения принимаются на уровне бизнес-ассоциаций). Будущий успех решения зависит от того, насколько согласованы мнения всех участников управления.

Сущность применения критериев при принятии управленческого решения заключается в обеспечении эффективного выбора оптимальной альтернативы из набора возможных и установлении правил выбора. В современной научной литературе рассматривается большое количество разнообразных по своим свойствам критериев, которые направлены на измерение различных параметров и характеристик объекта управления. Для оценки их значения при принятии управленческого решения необходимо определить единую типологию и проанализировать основные принципы их применения.

Анализ основных критериев принятия решения в управлении

Следует отметить, что рационалистический подход к принятию управленческого решения предполагает проведение определенного объема работ до осуществления выбора, часть которого направлена на формирование набора альтернатив [7, с. 106]. Это представляется возможным посредством моделирования показателей объекта управле-

ния, в результате чего возникают измеримые характеристики. Представленные ниже критерии и обусловленные ими модели выбора могут не иметь формального выражения в детальном подсчете, однако они задают логику, которая и определяет модель поведения при принятии решения. Это означает, что при осуществлении выбора субъекты всегда используют определенные инструменты моделирования (пусть и неосознанно), направленные на формирование будущего образа объекта управления.

В качестве одной из моделей выбора можно определить применение критерия среднего значения показателей объекта управления (подобно известному в статистике критерию Лапласа) [8, с. 63]. Методологически данный подход опирается на подсчет средней арифметической суммы значения составляющих показателей альтернативы и выбор наибольшего значения. Применение данного критерия предполагает выбор той альтернативы, которая имеет наибольшее значение средней арифметической суммы оценок показателей. Например, при выборе изменения порядка оказания услуги (развитие оптовой либо розничной торговли) необходимо определить основные показатели, отражающие изменения объекта. В качестве показателей могут выступать объем прибыли от розничной и от оптовой реализации. Для каждой альтернативы определяется предполагаемое значение каждого показателя, а выбор делается в пользу той, у которой среднее значение прибыли по двум показателям является наибольшим.

В соответствии со следующим критерием выбор осуществляется в пользу той альтернативы, наихудший показатель которой имеет наилучшее значение по сравнению с наихудшими показателями других альтернатив (подобно критерию Вальда) [8, с. 69]. Данная модель часто применяется при выборе альтернативы в условиях неопределенности при сильном влиянии факторов внешней среды. Этот подход отражает осторожность при принятии управленческого решения, рассчитан на наихудшие результаты и не учитывает других показателей. Как правило, именно данный критерий применяется при принятии управленческого решения, направленного на разрешение проблемной, конфликтной либо кризисной ситуации, способной оказать существенное негативное влияние на основную деятельность объекта управления. Например, при определении путей выхода из кризиса анализируются наименьшие предполагаемые значения показателей. В случае если самое низкое значение имеет показатель «объем прибыли от оптовой торговли», то выбор делается в пользу той альтернативы, которая имеет наилучшее значение данного показателя.

Отдельного внимания заслуживает критерий «компромисса» [9, с. 223]. Применение данного подхода предполагает выделение определенного коэффициента, который сглаживает результаты и приводит значения показателей объекта управления к единым оценкам. Указанная модель выбора предусматривает поиск положительных моментов в различных альтернативах и оценку приоритетности показателей в случае, когда альтернативы неразличимы (либо не представляется возможным выделить измеримые различия). Подобная ситуация определяет дополнительное использование информации или применение других критериев. Например, при распределении финансов можно увеличить премиальный фонд, что повысит удовлетворенность персонала, а можно депозитный счет, что приведет к увеличению капитала. И та и другая альтернативы имеют положительный момент для субъекта управления, однако в результате применения данного критерия количественное значение может оказаться одинаковым, что затрудняет выбор альтернативы.

Следующим критерием, определяющим модель выбора, является критерий «аддитивной свертки» (или взвешенного среднего) [9, с. 226]. Его применение предполагает определение значимости показателя развития объекта управления в количественном выражении от нуля до единицы. В практике управления данные оценки называют весами. Например, при определении места для открытия торгового представительства, показатель «наличие развитой транспортной инфраструктуры» может иметь значение 0,8, а показатель «цена» – 0,4. В данном случае выбор будет сделан в пользу альтернативы

с развитой транспортной инфраструктурой. Указанный подход выбора является достаточно распространенным в управлении планами и применяется при распределении ресурсов. Выбор осуществляется по наилучшему значению комплексного показателя, который является интегральной оценкой полезности альтернативы. Следует отметить недостаток применения данного подхода, который состоит в субъективном отношении при определении оценок (весов) важности показателя и возможной ошибочной оценке, при недостаточном уровне информации о влиянии внешней среды и тенденциях развития отрасли. Это может привести к неэффективному решению, что скажется на показателях развития объекта управления.

Одна из моделей предполагает выбор по «главному» критерию [8, с. 72]. Данный подход строится на приоритетности одного из показателей, наиболее важного, улучшение которого и является основной задачей решения. Применение указанного подхода к выбору не предполагает оценки и анализа других показателей альтернативы, несмотря на то что они способны существенно повлиять на развитие объекта управления. На практике подобный выбор реализуется при оперативном управлении в условиях ограниченного времени. Так, при оказании строительных услуг важным является показатель безопасности. В моменты, когда имеется определенная угроза наступления чрезвычайной ситуации, для ее предотвращения применяются все доступные ресурсы и методы в ущерб другим показателям объекта управления (дополнительные траты на средства защиты, потеря времени в связи с дополнительными мерами безопасности). Для построения эффективной системы принятия решений целесообразным является определение допустимых ограничений остальных показателей, что позволяет ограничивать выбор при серьезном влиянии на состояние других показателей альтернативы.

В качестве отдельной модели можно выделить выбор по упорядоченным по важности критериям. Ее использование основывается на выстраивании показателей по важности [4, с. 67]. Затем последовательно решается задача выбора по главному критерию. На первом этапе выбор осуществляется по наиболее важному показателю, в дальнейшем из оставшегося множества альтернатив выбор производится по второму по важности показателю и т.д. В результате выполнения указанных этапов множество альтернатив выбора уменьшается, а последняя содержит наиболее оптимальный вариант развития объекта управления. Данный подход предполагает установление порога допущения значения показателей, что обеспечит поэтапный выбор нескольких альтернатив.

Особого внимания заслуживает рассмотрение критерия «эффект – затраты». Его применение при осуществлении выбора предполагает определение двух интегральных характеристик объекта управления [4, с. 75]. Первая характеристика отражает сумму затрат, связанных с выбором определенной альтернативы, вторая направлена на отражение предполагаемых эффектов в результате реализации альтернативы. Применение этого подхода опирается на анализ частных показателей и отнесение их к двум комплексным группам: затраты и эффекты. Выбор осуществляется в пользу той альтернативы, которая характеризуется наиболее оптимальным сочетанием затрат и эффектов.

Рассмотренные критерии и модели выбора могут быть применены лишь при возможности определения важности показателей развития объекта управления. На практике встречаются ситуации, когда приоритет показателей установить достаточно трудно или вовсе не представляется возможным. В подобных ситуациях выбор делается в пользу альтернативы, которая лучше других по всему набору характеристик. Это предполагает проведение работы по систематизации показателей. Тем самым определяется два этапа принятия решения [9, с. 248]. На первом этапе из множества альтернатив отбираются те, которые по отдельным показателям являются более привлекательными для выбора (оптимальные решения). В дальнейшем при использовании дополнительной информации с учетом собственных предпочтений из оставшихся отбирается новый набор оптимальных вариантов либо выбирается одна альтернатива. Главные показатели не определяются, а весь набор частных значений рассматривается как единое целое [6, с. 182].

Применение подобного подхода можно охарактеризовать как принятие оптимального решения, которое учитывает все аспекты развития объекта управления.

Еще одной особенностью рассмотренных критериев и моделей выбора является принятие за основу возможности оценки полезности альтернатив для объекта управления. Следует отметить, что на полезность альтернативы в различных ситуациях может влиять большое количество факторов внешней среды и условия, в которых принятое решение реализуется [10, с. 454]. В определенной степени субъект управления применяет инструменты прогнозирования и моделирования (сознательно с использованием формального инструментария либо нет) для определения состояния показателей внешней среды, а также другие условия, которые вместе создают определенную ситуацию, влияющую на принятие решения. Принятие управленческого решения происходит в условиях той или иной степени неопределенности. Например, при управлении субъектами малого предпринимательства данное понятие предполагает нехватку или неполноту информации о воздействии факторов внешней среды [11, с. 23]. Именно измеримое воздействие неопределенности на способность осуществлять свою деятельность можно определить как риск [11, с. 25]. Вследствие этого первоочередным условием развития является способность субъекта осуществлять прогнозирование и управление рисками при принятии управленческого решения [11, с. 64]. Если в результате осуществления рассматриваемой деятельности возможны различные альтернативы развития объекта и известны вероятности их возникновения, то принятие управленческого решения осуществляется в условиях риска; если неизвестна вероятность возникновения какого-либо события, то принятие решения осуществляется в условиях неопределенности. Однако данный тезис необходимо скорректировать. С учетом увеличения темпов изменения внешней среды для повышения управляемости объекта вероятность наступления события необходимо оценивать регулярно, например, посредством экспертных оценок. Методологически принятие решения в подобных условиях опирается на инструменты теории игр [12, с. 18]. Важным элементом является информация о состоянии внешних факторов и о тенденциях их изменения. Ключевым компонентом модели принятия решения в условиях неопределенности и риска выступают именно альтернативные действия субъекта (стратегии его поведения). Сочетание указанных элементов определяет множество альтернатив и последствий решения для объекта управления [12, с. 27]. При принятии решения в условиях неопределенности и риска осуществляется подобие «игры», в которой субъект управления выбирает такие альтернативы, которые максимизируют пользу при определенном состоянии внешних факторов. Вероятность наступления определенного события фиксируется в сочетании с альтернативой, которая приведет к событию [12, с. 46]. Таким образом, основным критерием для выбора выступает максимизация выгоды. В данной ситуации он предполагает выбор той альтернативы, которая при наступлении неблагоприятного события позволит получить максимальный эффект (либо минимальные траты) по сравнению с другими альтернативами. Это своеобразный выбор в расчете на гарантированный результат. В случае если субъект ориентирован на стабильное получение результата с минимальной степенью риска, выбирается альтернатива, значение показателей которой с учетом всех возможных событий и вероятности их возникновения является наибольшим по сравнению с другими альтернативами. Например, если при определении путей распределения финансов с учетом валютной ситуации и тенденций развития отрасли наибольшую полезность (гарантированную) отражает альтернатива, предполагающая пополнение депозитного счета, а не развитие мощностей, то выбор будет сделан именно в ее пользу.

Выбор субъектом управления определенного критерия, следовательно, и модели осуществления выбора определяется ситуацией, в которой применяется решение, целями и ожиданиями самого субъекта. При этом выбор может быть сделан не только в пользу одного из критериев. При определении альтернатив может сложиться ситуация, в которой улучшение одного показателя сопровождается ухудшением другого.

В таких случаях говорят о задаче принятия решений в условиях многокритериальности [4, с. 82]. В данной ситуации подразумевается наличие нескольких целей и критериев, которые направлены на улучшение одного показателя либо комплекса показателей объекта управления. Отметим, что указанные критерии ограничивают сам выбор, ориентируя деятельность на достижение желаемого. С учетом идей Г.А. Саймона в отношении основных целей деятельности предпринимателей [13, с. 54] проанализированные критерии могут не только применяться в отношении максимизации выгоды, но и быть направлены на реализацию устремлений (достижение удовлетворительной выгоды) субъекта управления. Это определяет корректировку принципа максимизации в рассмотренных критериях в зависимости от устремлений самого управленца. С учетом воплощения в самом выборе устремлений субъекта, его отношения к объекту управления, особенность использования критериев является показателем ориентации субъекта на стратегическое, долговременное функционирование организации. Если он ориентируется на стратегическое развитие, поддержание стабильной управленческой практики и долгосрочного существования объекта управления, то содержание применяемых критериев будет отражать удовлетворяющее поведение. Если же субъект ориентирован на быстрое и максимальное увеличение капитала, получение краткосрочных результатов и предпочитает стремительное развитие – в пользу максимизации.

Заключение

Применение рассмотренных критериев определяет рационалистический подход к деятельности по принятию управленческого решения и характеризует ее систематизированность. Устанавливая правила выбора, критерии формирует его сущность. Формирование и выбор критериев определяются характеристиками и предпочтениями субъекта управления, его устремлениями и ожиданиями (которые и находят выражение в социальной практике управления), а также свойствами управленческой ситуации и внешней среды. Тем самым содержание критериев определяет ситуационную оптимальность альтернативы выбора. Применение критериев при принятии управленческого решения формирует рациональную логику, направляет субъект управления на измерение значений различных параметров и характеристик объекта управления, позволяет ему сделать обдуманый, направленный на эффективность выбор. Это дает возможность избежать структурных конфликтов и противоречий в результате решения.

Определение и использование критериев характеризуют наличие стратегических устремлений субъекта управления в отношении функционирования организации. Когда субъект ориентируется на стратегическое развитие, продолжение стабильного и долгосрочного осуществления основной деятельности, то выбор будет сделан в пользу удовлетворяющего поведения при определении критериев принятия управленческого решения. Если же он ориентирован на получение краткосрочных или интенсивных результатов и предпочитает стремительное развитие – в пользу максимизации.

Рассмотренные критерии являются универсальными и применяются вне зависимости от наличия формального подхода к анализу альтернатив. При принятии управленческого решения субъекты используют данные критерии. Применению критериев предшествует определенный объем работ, направленный на формирование набора альтернатив посредством моделирования показателей объекта управления. Определенные компоненты моделирования есть в поведении субъектов управления даже при отсутствии формального выражения в детальных подсчетах. Именно данные компоненты определяют логику, которая и находит отражение в практике принятия решения.

Сделанные выводы обладают как эвристическим потенциалом, так и практической значимостью. Результаты могут служить основой для проведения эмпирических социологических исследований, направленных на изучение модели осуществления выбора. Использование данных материалов позволит проанализировать саму сущность решения и создать основу для проектирования рациональной модели осуществления вы-

бора, которая должна соответствовать особенностям экономического поведения и уровню социально-культурного развития, что позволит повысить эффективность систем управления в организациях. Это определяет необходимость дальнейшего анализа управленческого решения и модели осуществления выбора, в частности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гараедаги, Дж. Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами: платформа для моделирования архитектуры бизнеса / Дж. Гараедаги ; пер. с англ. Е. И. Недбальской ; науч. ред. Е. В. Кузнецова. – Минск : Гревцов Паблишер, 2011. – 480 с.
2. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.
3. Эфиндиев, А. Г. Социальная организация российского бизнеса: теоретико-методологические подходы и их реализация в эмпирическом исследовании / А. Г. Эфиндиев, Е. С. Балабанова // Социс. – 2012. – № 5. – С. 58–69.
4. Ветлужских, Е. Стратегическая карта, системный подход и KPI: инструменты для руководителей / Е. Ветлужских. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. – 204 с.
5. Ostrom, E. Trust and reciprocity: interdisciplinary lessons from experimental research / E. Ostrom, J. Walker. – New York : Russell Sage Foundation, 2003. – 424 p.
6. Внедрение системы сбалансированных показателей / Horvath & Partners : пер. с нем. – 3-е изд. – М. : Альпина Паблишер, 2008. – 478 с.
7. Сорина, Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность : монография / Г. В. Сорина. – 2-е изд. – М. : Канон+ : Реабилитация, 2009. – 272 с.
8. Браун, М. Г. Сбалансированная система показателей: на маршруте внедрения : пер. с англ. / М. Г. Браун. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 226 с.
9. Саати, Т. Л. Принятие решения при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети : пер. с англ. / Т. Л. Саати ; науч. ред. А. В. Андрейчиков, О. Н. Андрейчикова. – М. : ЛКИ, 2008. – 360 с.
10. Sagie, A. A Cross-Cultural Analysis of Participative Decision-Making in Organizations / A. Sagie, Z. Aycan // Human Relations. – 2003. – Vol. 56, № 4. – P. 453–473.
11. Дамодаран, А. Стратегический риск-менеджмент: принципы и методики / А. Дамодаран ; пер. с англ. О. Л. Пелявского. – М. : И. Д. Вильямс, 2010. – 796 с.
12. Erhun, F. Game Theory in Business Applications / F. Erhun, P. Keskinocak. – Stanford : Stanford University, 2003. – 65 p.
13. Саймон, Г. А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении / Г. А. Саймон // Вехи экономической мысли / под ред. В. М. Гальперина. – СПб. : Экон. шк., 2000. – Т. 2 : Теория фирмы. – С. 54–72.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.09.2017

Shcherbinin S.N. Management Decision-Making Criteria as a Basis for Determining Decision-Making Model

The article deals with the analysis of criteria for management decision making as a basis for determining decision-making model. The use of decision-making criteria has been presented as an indicator of the use of the rational approach to management. The factors, impacting on forming and using of criteria, have been determined. The basic criteria for decision making have been analyzed and on the basis of them, the models of decision making and their features have been described. The use of criteria for decision making under uncertainty has been separately considered. The influence of criteria on the formation and implementation of management practices has been presented. The article considers the relationship between criteria content and strategic aspirations of subjects in regard to management object functioning. The necessity of using several criteria in management decision making has been substantiated.

УДК 316.3

О.В. Гринкевич

аспірант каф. сацыялогіі

Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

e-mail: olga.hrynkevich@gmail.com**КОНЦЕПТУАЛІЗАЦЫЯ ПОНЯТТЯ «БУДУЩЕЕ»
В СОЦІАЛОГІЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ**

В статье определено место проблематики будущего в социологических теориях. Дан анализ этого феномена в общесоциологических теориях и частных теориях социологии. Будущее анализируется в рамках теорий социальных изменений, социального действия, теории социального обмена, концепции габитуса, теории систем. Среди частных социологических теорий, оперирующих данным понятием, выделены социология трансформационных процессов, социология времени, социология будущего, социология риска. Проблематика будущего была рассмотрена на уровнях макро- и микросоциологии. На макросоциологическом уровне феномен будущего осмысливается в теориях социальных изменений и трансформационных процессов, в теории систем, а на микросоциологическом – в теории социального действия и теории социального обмена. Научная новизна работы – раскрытие социологического понимания феномена будущего, что в дальнейшем должно составить базу для изучения конкретных представлений о будущем (образов будущего, сценариев будущего).

Введение

В современных условиях социальной неопределенности особое значение приобретает понимание перспектив развития общества. Последствия социальных преобразований, происходивших в социуме в последние десятилетия, актуализируют необходимость определения основных направлений социальных трансформаций. В этой связи возрастает роль социологии, чьи возможности в социальной диагностике и прогнозировании общественных процессов достаточно высоки. Тем не менее прежде чем говорить о вероятных, желаемых или нежелательных сценариях социального развития, необходимо ответить на ряд других основополагающих вопросов, что должно сформировать комплексное представление об изучаемой теме: что в целом представляет собой феномен будущего как культурный конструкт; какова его социальная роль в обществе; какими характеристиками оно обладает и др. Цель данного исследования – определение места проблематики будущего в социологических теориях. Достижение поставленной цели включает решение следующих задач: 1) охарактеризовать анализ феномена будущего в обще- и частносоциологических теориях; 2) представить осмысление будущего на макросоциологическом и микросоциологическом уровнях.

Закономерно, что сначала возникает потребность в определении самого понятия «будущее». Хотя будущее, как и время, уже не первое столетие представляет собой загадку для ученых и вокруг его природы постоянно ведутся дискуссии, оно остается удобной мерой измерения и распределения условных или эталонных событий в пространстве (будь то деление состояний планеты на день и ночь или счет движения секундной стрелки на таком механизме, как часы), что подтверждается исторически устойчивым интересом к нему человека, а также значимой ролью в протекании социальных процессов, в частности, их синхронизации. Мы придерживаемся такого рабочего определения: «Будущее – это совокупность событий, которые происходят с определенным объектом после его конкретного действующего состояния».

Научный руководитель – А.Н. Данилов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Под событием здесь понимается изменение состояния выбранного объекта, масштаб которого устанавливается в соответствии с определенными целями познающего субъекта, в противном случае может считаться, что ничего не произошло. На этом этапе анализа феномена «будущего» появляются такие социологические понятия, как цель и значимость-ценность.

В социологии время и будущее как его элемент преимущественно осмысляются в качестве переменных социальных изменений (П. Сорокин), которые, в свою очередь, оформились в самостоятельную социологическую теорию. В теории социальных изменений сложились такие представления о возможном развитии человечества и его будущем:

- 1) *циклические изменения* (замкнутые и спиралевидные); они являются исторически первыми в социальной мысли (представители – Платон, Аристотель, Полибий и др.);
- 2) *линейные траектории* (прогресс: А.Р.Ж. Тюрго, Ж.А. Кондорсе, Г. Спенсер и др., регресс: Гесиод, Сенека, Дж. Вико, Ж.Ж. Руссо и др.) [1].

В каждом из них для будущего определена своя роль, и она имеет свои характерные черты. Так, в циклических моделях будущее оказывается предрешированным и выступает только как неизменное повторение уже того, что уже было; в линейных моделях на основании выбранного критерия устанавливается, происходит совершенствование системы либо ее упадок. При этом отмечают, что каждое общество определяет само для себя, насколько в нем возможны перемены или нет [2], а следовательно, будет ли время циклично или линейно направлено. При этом к возможным путям изменений могут быть отнесены эволюция (О. Конт, Г. Спенсер и др.) и революция (К. Маркс, Т. Мальтус и др.) или во главу угла ставится проблема исследования факторов социального развития [3]. Среди наиболее влиятельных представителей данной теории также могут быть названы М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, А.С. Ахиезер и др. [3]. Начиная со второй половины XX в. социальные изменения обретают новое понимание, которое состоит в том, что они рассматриваются уже не как «естественно-исторический, но как социально-исторический процесс, в котором “социальный агент”, или “актор”, играет активную преобразующую роль. Этот подход представлен в работах А. Турена, Э. Гидденса, П. Штомпки, М. Арчер, В.А. Ядова и др.» [3, с. 481]. Надо отметить, что самостоятельным направлением исследования социальных изменений является изучение трансформационных процессов (Б. Хеншке, З. Бжезинский, Г.Н. Соколова, А.Н. Данилов, Т.И. Заславская, Л.Г. Титаренко, А.Н. Рубанов, А.И. Пригожин и др.) [напр. 4; 5].

Отдельное внимание следует уделить польскому социологу П. Штомпке и его анализу времени. Он указывал, что при исследовании временной перспективы важно учитывать ряд следующих положений: 1) уровень осознания времени (обеспокоенность его утеканием); 2) глубина осознания (охватываемый временной период); 3) форма, или вид, времени – циклическое или линейное; 4) ориентация на прошлое или будущее (ретроспективные или перспективная); 5) интерпретация будущего (активный или пассивный подход); 6) предпочтение ценностей (производство или воспроизводство социальной структуры) [6, с. 77]. Таким образом, будущее у него приобретает особо значимый статус и выступает в качестве отдельного направления изучения. Сегодня ведутся дискуссии о признании социологии будущего как самостоятельной частной социологической теории (Ф. Поллак, W. Bell, J. Mau, B. Adam, S. Cynthia, Ю.Г. Волков, Н.В. Романовский).

Проблематика будущего находит свое отражение в теории социального обмена Дж. Хоманса и П. Блау. Социальное действие, производимое и воспроизводимое в процессе обмена, постоянно соотносится со своими результатами в будущем, при этом участники взаимодействия стремятся максимизировать свою выгоду и минимизировать затраты. Ориентированность на будущее в данной теории выступает в качестве связующего звена социальных взаимодействий субъектов и источником смысла и значимости их поддержания.

Французский социолог П. Бурдьё утверждает, что в целом возможность восприятия социальными субъектами будущего и осуществление на фоне полученной информации деятельности опосредуется усвоенными ими установками – габитусом. Габитус выступает как продукт истории, посредством которого социальные субъекты, или агенты, воспроизводят уже сложившиеся социальные условия. Он действует только в тех социальных условиях, которые так или иначе соответствуют предшествующему опыту социального субъекта. Вместе с этим габитус не оказывается сведенным сугубо к механически детерминированной системе – он действует в терминах принуждения, является одновременно и стимулом и ограничителем [7]. Следует, однако, отметить, что габитус укореняется в представлениях и практиках агентов. Это приводит к тому, что габитус в определенной степени обуславливает ими выбор уже известных ситуаций. Другими словами, будущее является результатом сознательной активности людей, направленной на создаваемую человеком реальность. Будущее, по сути, является конструктом, создаваемым общественным сознанием, которое и определяет цели социального развития [8].

Социальные структуры детерминируют существующие социальные практики и представления, что приводит к их воспроизводству агентами. В этих условиях будущее оказывается подчиненным габитусу, который соотносит его с прошлым, вследствие чего оно становится возможным настолько, насколько ему отвечает, причем обязательность его восприятия оказывается изначально безусловной. Целенаправленность действий агентов в силу этого трактуется как иллюзорная, несмотря на то, что содержание она наполнена индивидуальными или коллективными намерениями. Таким образом, в данном смысле будущее мыслится лишь в рамках воспроизводства истории. С другой стороны, такой механизм обеспечивает не только преемственность, но и инертность социальных практик и представлений. В свою очередь, воспроизводство уже известных установок ведет к тому, что они становятся взаимопонятными и ориентированными на сложившиеся условия, и это наделяет их определенным здравым смыслом и рациональностью. В случае актуально изменяющихся условий габитус сталкивается с абсолютно новыми ситуациями, в результате чего агенты в них оказываются дезадаптированными. Среди возможных ответных их реакций П. Бурдьё выделяет смирение и протест [8; 9].

Немецкий социолог Н. Луман в своей теории систем описывает как системы достигают неопределенности через процессы само- и инореференции и сталкиваются с будущим, чтобы впоследствии они могли приспособиться к неопределенным состояниям. Тем не менее эта неопределенность приводит лишь к тому, что усиливается раздражимость этих систем. Общество в целом оказывается «не способно предвосхищать или планировать свое будущее» [10, с. 135].

Мысль об обусловленности будущего прошлым высказывает канадский ученый М. Мак-Люэн. В рамках своей концепции исторической динамики общества он доказывал, что смена способа коммуникации выступает основным фактором социального развития. М. Мак-Люэн фактически абсолютизировал роль новых технологий. Именно новые средства коммуникации и информации создают новые формы социальной организации. Характеризуя происходящие под влиянием новых средств коммуникации изменения в жизни общества, он констатирует, что будущее оказывается «расширенной или улучшенной версией *ближайшего прошлого*» [11, с. 395]. Это приводит к тому, что при изучении будущего, как полагал М. Мак-Люэн, многие исследователи совершают важную методологическую ошибку, рассматривая настоящее в категориях прошлого. В частности, ученый утверждает, что оценить произошедшие события возможно лишь постфактум.

Иной подход к исследованию будущего представлен в концепции «возможного будущего» французского социолога Б. де Жувенеля. В отличие от представителей тех-

нологического детерминизма он предполагал, что будущее не опосредуется научно-техническим прогрессом и социально-экономическими условиями, а создается (изобретается) самими людьми. Б. де Жувенель утверждал, что человек может влиять на естественный ход событий. При этом отличительной чертой субъекта, способного направлять будущее, является умение актуально и адекватно описать протекающие процессы в обществе и возможные изменения, которые произойдут в результате осуществления того или иного действия [12, с. 677].

Б. де Жувенель отмечает, что не только технологический прогресс влияет на развитие общества, но и психологические установки социальных субъектов также могут спровоцировать различные социальные изменения, поэтому важно учитывать влияние различных факторов на общественное развитие [12, с. 678–679]. Французский социолог выделяет две позиции, которые субъект может занимать по отношению к будущему: активную и пассивную. В первом случае он является выразителем своей свободы и воли, а во втором – сталкивается с неопределенностью. Только в будущем человек может проявлять свою волю и действовать. По мнению социолога, практический человек всегда устремлен в будущее [13, с. 106–107].

Особое внимание в концепции Б. де Жувенеля уделяется возможностям прогнозирования событий, происходящих в различных сферах общественной жизни. В частности, рассматривая особенности предвидения в сфере экономики, французский социолог приходит к выводу, что любые изменения должны быть измеримы, а поэтому для их оценки необходимо использовать количественные показатели [13, с. 106–107].

Норвежско-американский ученый Ю. Эльстер анализировал процессы дисконтирования во времени. Чтобы агенты учитывали в будущем результаты своего поведения, которые измеряются достижением благополучия, они должны иметь определенную мотивацию и когнитивную настроенность. В противном случае можно говорить об их мотивационном или когнитивном дефиците. Если ожидание результатов деятельности оказывается достаточно долгосрочным по меркам конкретного агента, а также снижается вероятность его наступления, то происходит дисконтирование во времени – «склонность придавать вознаграждению в отдаленном будущем меньшее значение, чем вознаграждению в ближайшей перспективе и в настоящем» [14, с. 125]. Данное положение является очень важным при исследовании проблематики будущего, поскольку указанный процесс на уровне поведения отдельных индивидов может свести на нет любые попытки избежать негативных сценариев социального развития. Так, аналогичная проблема поднимается в теории игр: в «дилемме заключенного» и игре «Охота на оленя», суть которых заключается в противоречии индивидуальных интересов между собой, а также с социальным интересом. Впрочем, Эльстер предлагал ряд стратегий по корректировке поведения индивидов: «устранение выбора более быстрой награды из множества допустимых решений, введение штрафа за выбор более быстрой награды, добавление премии за выбор отложенной награды, введение отсрочки между выбором и фактическим получением награды и уклонение от сигналов, которые могут вызвать переворачивание предпочтений» [14, с. 243]. Надо отметить, что пусть и необходимое, но такое принятие обязательств рассматривается субъектами как самоограничение, из чего следует, что они будут заинтересованы в его преодолении. Кроме того, Эльстер указывал, что люди могут принимать неверные для достижения своих целей решения по причине неспособности проецировать себя в будущее. Рассматривая проблематику осуществления выбора, он также подчеркивал, что «часто выбор одного варианта сегодня может устранить некоторые из множества допустимых возможностей в будущем» [14, с. 316]. Иногда это можно предвидеть, однако не всегда учитывается, что действия могут иметь необратимые последствия.

Схожие идеи высказывал и канадско-американский психолог А. Бандура, но он акцентировал свое внимание на значении символов в процессе передачи образов желаемого будущего [15].

Актуализация интереса к феномену будущего на современном этапе развития социологической мысли была обусловлена проектом исторической социологии Н. Элиаса. В частности, он подчеркивал, что «внимание социологов к проблематике будущего связано и с конкретизацией давно будоражащих социологическую общественность мыслей о возможных контурах “иного мира” (Калекин-Фишман), об исторических перспективах капитализма (Туроу, Валлерстайн и др.), о необходимости дополнения критики существующего миропорядка конструированием его альтернатив; сторонники “критической социологии” видят в отсутствии у нее идеалов будущего причину снижения интереса к этому направлению социологии (Sayer)» [16, с. 14]. Кроме того, в настоящее время исследование будущего и его образов обретает особую значимость в связи с возрастающей актуальностью изучения рисков. Так, немецкий социолог У. Бек в своем труде «Общество риска» пишет: «В рисках находит выражение существенная компонента будущего... Риски таким образом, имеют дело с предвидением, с еще не наступившими, но надвигающимися разрушениями, которые сегодня реальны именно в этом значении. В этом смысле риски предполагают будущее, приход которого стоит задержать... Центр сознания риска лежит не в настоящем, а в будущем» [17, с. 235].

Заключение

Анализ проблематики будущего в социологических теориях носит скорее эпизодический, чем системный характер, причем осмысление данного феномена осуществляется преимущественно на фоне исследования иных социальных процессов и явлений. Об этом может свидетельствовать тот факт, что настоящая тема находит свое отражение, как на общесоциологическом уровне, так и на уровне различных частных теорий социологии. Если в первом случае будущее выступает в качестве одной из точек отсчета протекания универсальных социальных процессов и явлений (наряду с прошлым и настоящим), то во втором – оно включается в исследовательское поле других проблематик или оказывается самостоятельным объектом изучения. Так, следует упомянуть современные дискуссии о признании социологии будущего полноценной частной социологической теорией. Кроме того, данная тема играет значимую роль в исследовании социального в рамках макро- и микросоциологии. На макросоциологическом уровне будущее понимается в качестве ориентира развития глобальных социальных процессов и явлений, а на микросоциологическом – объединяющим фактором взаимоотношений социальных субъектов.

В целом, изучение вопросов будущего имеет принципиальное значение для социологии как науки, поскольку ее функции не должны ограничиваться анализом и диагностированием состояний общества, ей необходимо выходить на исследование перспектив его развития и осуществлять прогнозы. Настоящая работа направлена на раскрытие социологического понимания феномена будущего на базе изучения имеющегося на сегодняшний день опыта осмысления данной темы в социологии. Исследование показало, что проблематика будущего – необходимый компонент анализа социальных процессов и явлений, она задает им направленность и ценность. В дальнейшем результаты работы могут использоваться для понимания особенностей социологического применения концепта будущего в рамках изучения социальной реальности, для выявления иных социальных характеристик данного феномена, а также для исследования конкретных представлений о будущем (образов будущего, сценариев будущего).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кон, И. С. Прогресс / И. С. Кон // Философский энциклопедический словарь / редкол.: Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Совет. Энцикл., 1983.
2. Желтикова, И. В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака [Электронный ресурс] / И. В. Желтикова // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 3 (23). – Режим доступа: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/download/3201311/pdf_163. – Дата доступа: 15.01.2016.
3. Кирдина, С. Г. Социальные изменения / С. Г. Кирдина // Социол. энцикл. : в 2 т. / гл. ред. В. Н. Иванов. – М. : Мысль, 2003. – Т. 2. – С. 480–483.
4. Данилов, А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. – Минск, 1997.
5. Соколова, Г. Н. Трансформационные процессы как предмет социологического анализа / Г. Н. Соколова // Социология. – 2009. – № 3. – С. 57–69.
6. Штомпка, П. Социология социальных изменений : пер. с англ. / П. Штомпка ; под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
7. Бурдьё, П. Структура, габитус, практика / П. Бурдьё // Журн. социологии и соц. антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 44–59.
8. Гринкевич, О. В. Будущее в концепции габитуса П. Бурдьё / О. В. Гринкевич // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / редкол.: И. А. Алешковский (отв. ред.) [и др.]. – М. : МАКС Пресс, 2016.
9. Bourdieu, P. *Le Sens pratique* / P. Bourdieu. – Paris, 1979.
10. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман ; пер. с нем. А. Антоновского. – М. : Логос, 2004. – 232 с.
11. Маклюэн, Г. М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / Г. М. Маклюэн. – М., 2003.
12. Masini, J. Bertrand de Jouvenel, *L'art de la conjecture* / J. Masini // *Tiers-Monde*. – 1971. – Т. 12, № 47. – Р. 677–681.
13. Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи: антология современной классической прогностики, 1952–1999 / ред., сост. и авт. предисл. И. В. Бестужев-Лада. – М. : Academia, 2000. – 480 с.
14. Эльстер, Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук / Ю. Эльстер ; пер. с англ. И. Кушнareвой. – М. : ВШЭ, 2011. – 472 с.
15. Бандура, А. Теория социального научения : пер. с англ. / А. Бандура. – СПб. : Евразия, 2000. – 318 с.
16. Романовский, Н. В. Будущее как проблема современной социологии / Н. В. Романовский // Социол. исслед. – 2015. – № 11. – С. 11–22.
17. Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 09.10.2017

Hrynkevich V.H. Conceptualization of the Concept of «Future» in Sociological Theories

The article the place of the concept of the future in sociological theories is defined. This phenomenon is analyzed in general sociological theories and special sociological theories. In the first case, the future is described in the theories of social change, social action, social exchange, the concept of habitus, and the theory of systems. In the second case, the phenomenon is characterized using the sociology of transformational processes, sociology of time, sociology of the future, sociology of risk. The concept of the future is also considered at the levels of macro- and microsociology. At the macrosociological level, the phenomenon of the future is described in theories of social change and transformation processes, the theory of systems, and at the microsociological – the theory of social action and the theory of social exchange. The scientific novelty of the work is the description of a sociological understanding of the future. It should constitute the basis for studying social representations about the future (images of the future, future scenarios).

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мове ў двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша, у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармата А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадкавы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 08.09.2016 № 206. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад, [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК (выраўноўванне па левым краі);
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў) (выдзяляюцца паўтлустым шрыфтам і курсівам; выраўноўванне па цэнтры);
- звесткі пра аўтара (навуковая ступень, званне, пасада);
- назва артыкула (друкуецца вялікімі літарамі без пераносаў; выраўноўванне па цэнтры);
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы артыкула ўнізе;
- асноўны тэкст, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў (Уводзіны з пастаўленымі мэтай і задачамі; Асноўная частка, тэкст якой структуруецца падзагалоўкамі (назва раздзела «Асноўная частка» не друкуецца); Заключэнне, у якім сцісла сфармуляваны асноўныя вынікі даследавання, указана іх навізна);
- спіс выкарыстанай літаратуры;
- рэзюмэ на англійскай мове (курсіў; да 10 радкоў, кегль – 10 pt.): назва артыкула, прозвішча і ініцыялы аўтара/аўтараў, тэзісны пераказ зместу артыкула; у выпадку калі аўтар падае матэрыял на англійскай мове, рэзюмэ – на рускай ці беларускай.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на беларускай мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнаасцю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, паштовы і электронны адрасы для перапіскі і кантактныя тэлефоны);
- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе/вучыцца аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацый артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Рукапісы, афармленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Карэктары *С.Ф. Бут-Гусаім, К.М. Мароз, Л.М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С.М. Мініч, Г.Ю. Пархац*

Падпісана ў друк 15.12.2017. Фармат 60×84/8. Папера афсетная.

Гарнітура Таймс. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 18,60. Ул.-выд. арк. 13,96.

Тыраж 100 экз. Заказ № 510.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,

распаўсюджвальніка друкаваных выданняў

№ 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.